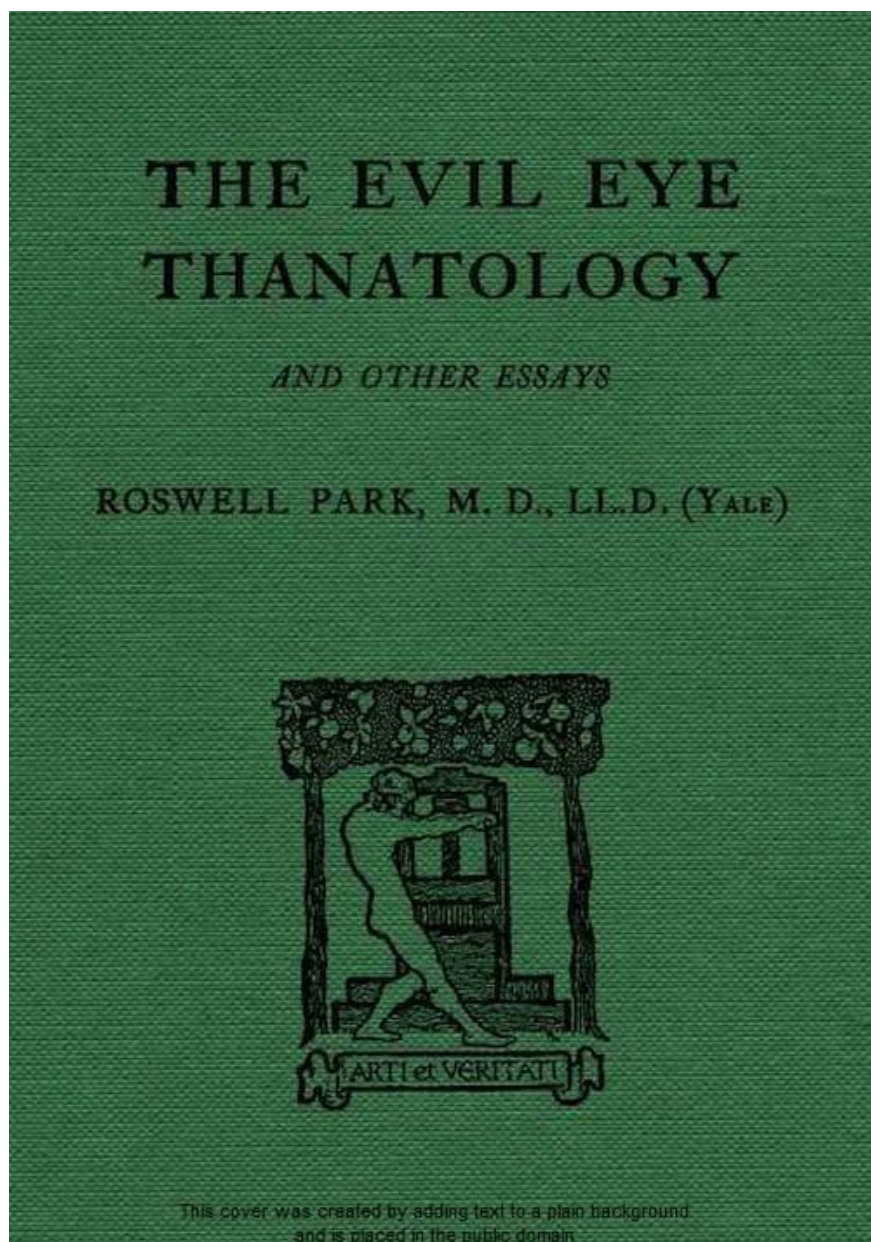

Сглаз, танатология и другие эссе

Розуэлл Парк

The Project Gutenberg eBook of The Evil Eye, Thanatology, and Other Essays.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: The Evil Eye, Thanatology, and Other Essays

Автор: Розуэлл Парк

Дата выхода: 18 сентября 2015 [eBook #50004]

Последнее обновление: 22 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено deaurider, Les Galloway и Online Distributed Proofreading Team at <http://www.pgdp.net> (This файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE EVIL EYE, THANATOLOGY, AND OTHER ESSAYS

СГЛАЗ, ТАНАТОЛОГИЯ И ДРУГИЕ ЭССЕ

РОЗВЕЛЛ ПАРК, доктор медицины, доктор права (Йель)

РИЧАРД Г. БАРСУК
ГОРХЭМ ПРЕСС
БОСТОН

Copyright, 1912, by Richard G. Badger
Все права защищены

The Gorham Press, Boston, U. S. A.

Сэру Уильяму Ослеру, доктору медицины, профессору медицины,
F. R. C. P., etc.

Региус профессор медицины,
Оксфордского университета.

Идеальному ученому и другу.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ответственность за нижеследующее собрание эссе и обращений (occasional papers) лежит, пожалуй, не столько на их авторе, который не желал видеть их представленными в одном томе, сколько на тех его друзьях, которые были достаточно любезны, чтобы настоять на их сборе и публикации в этой форме. Они носят характер исследований в той пограничной области антропологии, биологии, филологии и истории, которая окружает непосредственную сферу медицинской и общей науки. Она всегда предлагает постоянное приглашение и неизменное очарование для тех, кто только поднимет глаза от плодородной и пахотной почвы, на которой они сосредотачивают свои самые тяжелые труды. Слишком тесное ограничение в этой области может привести к увеличению коммерческого урожая, но аромат клевера ничуть не умаляет ценности сена, равно как и исследования приграничных территорий не приводят к чему-то иному, кроме как к расширению границ своего центра бурной деятельности.

Здесь не перепечатываются строго технические или профессиональные статьи, а некоторые из них публикуются впервые.

Буффало, декабрь 1912 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	Глава	Страница
I	Злой глаз	9
II	Танатология	32
III	Мифы о змеях и поклонение змеям	49
IV	Иатро-теургический символизм	70
V	Отношение греческих мистерий к основанию христианства	92
VI	Рыцари-госпитальеры святого Иоанна Иерусалимского	132
VII	Джордано Бруно	164
VIII	Студенческая жизнь в Средние века	199
IX	Исследование медицинских слов, поступков и людей	233
X	Карьера армейского хирурга	265
XI	Эволюция хирурга от парикмахера	296
XII	История открытия кровообращения	314
XIII	История анестезии и внедрение анестетиков в хирургию	351

I СГЛАЗ [1]

Вера в магию была названа Тайлором, одним из величайших авторитетов в области оккультных наук, "одним из самых пагубных заблуждений, которые когда-либо досаждали человечеству". Во все времена среди легковверных и суеверных людей она служила орудием зависти, которую Бэкон хорошо описал как самое порочное и развращенное из всех чувств. Более того, Бэкон выделил любовь и зависть как единственные две привязанности, которые, как было замечено, очаровывают, или околдовывают, поскольку обе они "вызывают горячие желания, легко превращаются в воображение и предположения и легко попадают в глаза". Он также отметил тот факт, что в Священном Писании зависть называлась "дурным глазом".

Именно на этот интересный предмет антропологических и фольклорных исследований, а именно на "злой глаз", я и хочу обратить ваше внимание. Вера в него, конечно, неотделима от веры в личного дьявола или какое-то личное злое и вредоносное влияние, но в наше время и среди людей, которые считаются цивилизованными, он обычно рассматривается как атрибут дьявола. Рассмотрение этого вопроса также неотделимо от изучения выражений "очаровывать" и "околдовывать". Действительно, это слово "очарование" имеет особый этимологический интерес. Похоже, что оно является латинской формой более древнего греческого глагола "*baskanein*", или же происходит от общего корня. Независимо от современного значения, первоначально оно означало околдовывать или подвергать дурному влиянию, особенно с помощью глаз или языка, или путем произнесения заклинаний. Позже оно стало означать воздействие на воображение, разум или волю в неконтролируемой манере, а сейчас, в общепринятом значении, означает пленить или завлечь. Его использование в нашем языке само по себе свидетельствует о суеверии, которое было распространено много веков назад. Однако это скорее вежливый термин, для которого у нас есть более вульгарный эквивалент "околдовать", используемый в значении, гораздо более близком к первоначальному.

Вера в постоянно действующую злую силу существовала с абсолютно доисторических времен. Она была более или менее молчаливо принята и санкционирована различными верованиями и религиозными убеждениями, особенно римской церковью, средневековыми писателями и авторами оккультных наук. Даже сейчас он существует не только среди диких народов, но и повсеместно среди обычных людей. Сегодня мы можем называть это суеверием, но было время, когда оно имело огромную власть над человечеством и оказывало огромное влияние. В своей нынешней форме оно часто состоит из веры в то, что определенные люди обладают пагубной силой, а выражение в Англии "не замечать" не только очень распространено, но и является легко узнаваемым продолжением старого представления. Очевидно, святой Павел разделял это распространенное мнение, когда упрекал глупых галатов, говоря, как в нашем обычном переводе: "Кто околдовал вас, чтобы вы не слушались истины?" В Вульгате слово "околдовать" переводится как "*fascinare*", точно такое же слово использовал Вергилий, имея в виду влияние дурного глаза. Цицерон сам обсуждал слово "очарование" и объяснял латинский глагол *invidere* и существительное *invidia* как означающие пристальный взгляд; отсюда происходит наше слово "зависть" или "дурной глаз".

Все древние верили, что из глаз завистливых или злых людей исходит некое злое влияние, которое может заразить воздух, проникнуть в живые существа и неодушевленные предметы и испортить их. Войцики в своем "Польском фольклоре" рассказывает историю одного несчастного славянина, который, хотя и обладал самым любящим сердцем, понял, что страдает от сглаза, и в конце концов ослепил себя, чтобы не насылать заклятие на своих детей. Даже в наши дни среди шотландских горцев, если незнакомец слишком восхищенно смотрит на корову, люди верят, что она сгинет от сглаза, и дают ему выпить ее молока, чтобы снять заклятие. Плутарх был уверен, что глаза некоторых людей губительны для младенцев и молодых животных, и полагал, что фиванцы таким образом могли погубить не только молодых, но и сильных мужчин. Классические писатели настолько изобилуют ссылками на эту тему, что легко понять, откуда у людей в Средние века взялась распространенная вера в ведьм. Так, Плиний говорил, что одержимые дурным глазом не тонут в воде, даже если их нагрузить одеждой; отсюда средневековое испытание водой; которое, однако, имело свои неудобства для невиновных, поскольку если предполагаемая ведьма тонула, она, очевидно, не была виновна, но если она плавала, ее считали виновной и затем сжигали.

Предполагалось, что подобный эффект может произвести не только чарующий глаз, но даже голос, который, как утверждали некоторые, мог взрывать деревья, убивать детей и уничтожать животных. Во времена Плиния были приняты специальные законы, запрещающие наносить вред урожаю с помощью заклинаний или очарования; но римляне пошли еще дальше и верили, что их боги завидуют друг другу и бросают злые взгляды на менее могущественных из своего круга; отсюда и *кадуцей*, который Меркурий всегда носил с собой в качестве оберега.

Быть признанным обладателем дурного глаза было очень большим несчастьем. Соломон поддержал это мнение, сказав: "Не ешь хлеба того, у кого дурной глаз" (Пр. 23:6). (Пр. 23:6). Самой неудобной страной, в которой сегодня можно иметь такую репутацию, является Италия, особенно Неаполь. Итальянцы применяют термин "*jettatore*" к человеку, которого подозревают, и даже сегодня поднять крик "*Jettatore*" в неаполитанской толпе - значит вызвать скорую давку. Для итальянцев худшим из всех является "*jettatore di bambini*", или фашинизатор младенцев. Элворти рассказывает о случае с джентльменом, который трижды выступал в Неаполе в качестве спонсора; , как ни странно, все трое детей умерли, после чего он сразу же приобрел репутацию "*malocchio*" до такой степени, что матери принимали всевозможные меры предосторожности, чтобы уберечь своих детей от его глаз. Великий Бэкон также до такой степени поддавался этому поверью, что советовал носить при себе определенные предметы, такие как рута, волчий хвост или даже лук, с помощью которых, как предполагалось, можно отвести дурное влияние.

Интереснейшая работа была написана Валлеттой и опубликована в Неаполе в 1787 году. Это был практически трактат о привораживании и джеттаторе. Сам Валлетта глубоко верил во все эти вещи и закончил свой труд предложением вознаграждения за ответы на некоторые вопросы, среди которых были следующие: "Кто из джеттаторе более могущественен, тот, у кого есть парик, или тот, у кого его нет? Являются ли монахи более влиятельными, чем другие? На какое расстояние распространяется влияние *jettatore*, и действует ли оно больше сбоку, спереди или сзади? Какие слова вообще следует повторять, чтобы избежать сглаза?"

В древние времена считалось, что женщины обладают большей силой очарования, чем мужчины, и этого убеждения наш пол придерживается и по сей день, хотя в наше время считается, что сглазом обладают мужчины, а не женщины; особенно монахи, с тех пор как появились религиозные ордена, считаются обладателями этого рокового влияния. Любопытно, что покойный Папа Пий IX, как утверждают, был самым явным сглазником, и

самые набожные католики показывали на него два пальца, даже когда получали его благословение. Позвольте мне процитировать Элворти в этой связи: "Спросите римлянина о дурном глазе покойного Папы, и он ответит: "Они так говорят, и это действительно похоже на правду". Если бы у него не было *jettatura*, очень странно, что все, что он благословил, потерпело фиаско. Мы очень хорошо провели кампанию против австрийцев в 48-м году; мы выигрывали сражение за сражением, и все было радостно и обнадеживающе, как вдруг он благословил дело, и все сразу же пошло наперекосяк. Никому и ничему не удастся добиться успеха, когда он желает им добра. Когда он отправился в Сант-Аньезе, чтобы устроить большой праздник, пол провалился, и все люди были разбиты. Затем он посетил колонну Мадонны на Пьяцца ди Спанья и благословил ее и рабочих. Конечно, один из них в тот же день упал с эшафота и покончил с собой. Он договорился встретиться с королем Неаполя в Порто д'Анцио, но тут поднялся сильный шторм, который продолжался целую неделю. Была достигнута еще одна договоренность, а затем произошла драка с бывшей королевой Испании".

Суеверие о сглазе и колдовстве повсеместно сопровождается верой в силу превращения, которая в определенные периоды истории была настолько распространена, что объясняет многие сюжеты древней мифологии и даже такие детские сказки, как "Красная шапочка", а также старинную веру в *оборотня*. Действительно, распространенное в наши дни выражение *he* напоминает это старое поверье, ведь это обычная поговорка - быть готовым "выпрыгнуть из кожи от радости". Эта вера в превращения породила вечный страх перед дурными предзнаменованиями, который и сейчас является одним из самых распространенных суеверий. В Сомерсете увидеть зайца, перебегающего дорогу перед человеком, - знак смерти. В Индии бояться называть любое священное или страшное животное. Черная кошка повсеместно является объектом отвращения, а в некоторых районах Англии встретить человека, который щурится, равносильно встрече с обладателем дурного глаза. Конечно, мне не нужно напоминать этой аудитории о страхе, который многие люди испытывают перед важными действиями в пятницу. В некоторых случаях этот страх доходит до того, что люди отказываются от чрезмерной похвалы или извиняются за слишком позитивное высказывание. Вежливый турок не примет комплимент без "Машаллах"; итальянцы не примут его без "Грацио а Дио"; ирландец почти всегда говорит "Слава Богу", а английский крестьянин - "Да пребудет с нами Господь"; в каждом случае речь идет о том, чтобы предотвратить опасность очарования этими признаниями высших сил.

В Англии в те ужасные времена, когда свирепствовала Черная смерть, считалось, что болезнь передается по взгляду из искаженных глаз больного человека. В 1603 году Дельрио, иезуит, опубликовал большой шеститомный труд под названием "Дисквизит о магии", в котором он считает само собой разумеющимся, что беды смертных - дело рук злых духов. Он говорит: "Очарование - это сила, полученная контакте с дьяволом, который, когда так называемый очарователь смотрит на другого со злым умыслом или восхваляет известными ему средствами, заражает злом того, на кого он смотрит". Те, кто знаком с историей так называемого животного магнетизма, месмеризма или гипноза, увидят тесную связь между этими верованиями и практикой этой своеобразной формы воздействия. На самом деле, месмеризм в том виде, в котором он обычно практиковался, в большей или меньшей степени зависел от влияния прикосновения, или фактического контакта, важность которого всегда высоко оценивалась доверчивыми людьми. В самом деле, следует помнить, что многие чудеса Нового Завета были совершены с помощью прикосновения, а в Ветхом Завете говорится о том, как был разочарован Нааман, когда пришел исцелиться от проказы, но пророк не *прикоснулся* к нему. Не будет забыто и влияние *королевского прикосновения* для излечения золотухи, известной на протяжении веков как "королевское зло". На самом деле

наше слово "благословить" означает прикоснуться, совершив крестное знамение на больном месте, как, например, на западе Англии, где довольно распространен зоб, считается, что лучшее лекарство - это прикоснуться к опухоли рукой трупа противоположного пола.

Чем больше мы разбираемся с рассматриваемыми суевериями, тем очевиднее становится, что главной мыслью более простых народов и даже некоторых современных религиозных сект было умиловивление гневных божеств или разрушительных влияний, а не поклонение и возвеличивание благодетельных атрибутов. Как говорит Элворти: "Мы видим, что страх и ужас во всей человеческой истории были более сильными факторами в поведении людей, чем надежда, благодарность или любовь". Возьмем, к примеру, умиловивительные жертвы Авеля и Каина, или жертву, которую Авраам предложил принести своему собственному сыну, или сами слова, вошедшие в наш язык, такие как *искупление* и т. д. Вместе с олицетворением злой силы или атрибута в природе пришла и вера в превращение, или метаморфозу, которой полна греческая и римская мифология. Сколько современных христианских символов, почти все из которых имеют языческое происхождение, передают посвященным примеры этой веры, вряд ли стоит упоминать в этом месте. Достаточно сказать, что их число очень велико. Но у меня слишком много соблазнов отклониться от моей темы, которая, по сути, является сглазом.

В средневековом символизме, как и в древнем, часто преследовалась цель изобразить на амулете, талисмани или картине фигуру того, против чего больше всего хотелось, чтобы осуществлялось защитное влияние, отсюда и общее преобладание глаза в некоторых живописных изображениях. Древние египтяне, как и этруски, рисовали на носах своих судов огромный глаз, который должен был служить талисманом от сглаза. Даже сегодня на Востоке я видел греческие лодки с глазами, нарисованными по обеим сторонам их носов. Глаз был обычным украшением египетской керамики, обычно в сочетании с различными другими изображениями, но как символ он, похоже, за последние столетие или два вышел из обихода, за исключением, возможно, Мальты и вольных каменщиков, которые просто увековечивают его использование. Тем не менее, восковые или серебряные глаза можно увидеть развешенными в некоторых иностранных церквях. Любопытной особенностью этих суеверий было то, что любая черта непристойности или непристойности, приложенная к этим символам, амулетам и т. д., как предполагалось, делала их гораздо более мощными. Вероятно, это объяснялось тем, что все странное или необычное с большей вероятностью притягивало взгляд, а значит, отводило его влияние от человека к неодушевленному предмету, отсюда и распространенность фаллических эмблем в связи с этими придуманными оберегами. Многие предметы такого рода сегодня можно найти в ювелирных магазинах Рима и Неаполя.

Еще один из самых действенных амулетов имеет вид отвратительной маски, которую часто называют "*Горгонейон*". По всей вероятности, это было сделано по вышеуказанной причине - чтобы привлечь внимание. Символы такого рода очень широко используются среди людей, которые ничего не знают о причине их появления. Так, мы видим их на печатях, монетах и т. д. Горгульям средневековой архитектуры часто придавали этот фантастический вид и с этой же целью.

В римские времена дельфин был излюбленным средством для создания мощного талисмана от сглаза и изображался на многих солдатских щитах. Улисс выбрал его в качестве своего особого символа, как на своей печатке, так и на щите, , возможно, потому, что предполагалось, что именно с помощью дельфина Телемах был спасен от утопления.

Для нас, медиков, небезынтересно, что в Риме, согласно Варро, на Эсквилине стояли три храма, посвященные богине Лихорадки и один - Мефитису. Тацит сообщает, что храм Мефитиса был единственным зданием, оставшимся после разрушения Кремоны, где также находился алтарь, посвященный дурному глазу. Мы также знаем, что в самом центре Форума стоял алтарь Клоацины, богини тифа. О том, какое полное господство имела эта богиня с древнейших времен до наших дней, вряд ли стоит говорить. "Когда Рим после падения империи вернулся в свое самое антисанитарное состояние, это старое поклонение вновь появилось в другой форме, и возле Ватикана возникла часовня *Мадонны делла Фебре*, самая популярная в Риме во время болезней или эпидемий". Это просто показывает передачу идей, атрибуты Дианы были переданы ее христианской преемнице, Деве, культ которой стал столь же верховным.

Главным символом этого культа была рогатая луна или полумесяц, и, как следствие, рога в той или иной форме стали наиболее распространенным предметом амулетов против дурного глаза. Эта вера в Неаполе была настолько всеобъемлющей и устойчивой, что при отсутствии рога в той или иной форме само произнесение имени *cornio* считалось эффективным средством защиты. Более того, название *Un Cornio* стало применяться к любому амулету или амулету против злого глаза. Мы можем найти множество упоминаний о роге в Священном Писании, где он служил как эмблемой достоинства, так и амулетом. Любопытно, что филактерий, которым фарисеи украшали свои одежды и который вызвал самое язвительное осуждение со стороны Учителя, несомненно, был эмблемой рога и носился как амулет против злого глаза. В начале христианской эры носить их стало модно, а о том, как они были расширены и стали не только знаками святости, но и знаками мирской чести, мы можем прочитать в Новом Завете.

Рог был важной чертой христианской символики, как и языческой, и мы постоянно видим рог барана, который был преемником бычьего рога, сделанного таким из экономических соображений, на всех руинах Древнего Рима. Замужние женщины Ливана носят на голове серебряные рога, чтобы отличить их от незамужних женщин. Еврейки Северной Африки носят их как часть своего обычного костюма, а голландские женщины и по сей день носят любопытные спиральные украшения по обе стороны головы. В Неаполе рога всех форм очень часто встречаются на амуниции лошадей. Действительно, тяжелые попоны и упряжь этих перегруженных животных обычно защищены отличной батареей мощных чар, так что любой злой взгляд должен быть полностью погашен, прежде чем он сможет зажечь на самом животном. Так, на спинах этих животных часто можно увидеть два маленьких медных флажка, которые, как говорят, символизируют пламенный меч, поворачивающийся во все стороны, и которые, как предполагается, будут неизменно притягивать взгляд. Высокий попона обычно заканчивается куском неизбежной волчьей шкуры, а множество цветных лент или камзолов намотаны на части упряжи таким образом, чтобы полностью защитить все, что она закрывает.

Но самая многочисленная из всех этих эмблем - *рука* в различных положениях и жестах. Вероятно, каждая вторая извозничья лошадь в Неаполе носит на себе руку в той или иной форме. В Риме эти вещи не так часто можно увидеть на спинах лошадей, хотя волчьи шкуры, рога и полумесяцы встречаются достаточно часто, но мы видим большое количество серебряных колец для человеческих пальцев, к каждому из которых прикреплен маленький рог-подвеска. Их можно увидеть в витринах магазинов, нанизанных на прутья с яркой надписью *Anelli contra la Jettatura*. Те, кто видел Неаполь досконально, отмечают, что коровьи рога, часто выкрашенные в синий цвет, прикреплены к стенам, особенно под углом, примерно на высоте второго этажа. Но один из самых замечательных амулетов, которые я

когда-либо видел, висит у одного из входов в собор в Севилье, где над дверью на цепи подвешен бивень слона, а дальше, над тем же дверным проемом, раскачиваясь на другой цепи, огромный крокодил, присланный в качестве подарка или талисмана особой силы Альфонсу в 1260 году султаном Египта. Эти два странных амулета висят над дверью современной христианской церкви, свидетельствуя о принятии христианским народом мусульманской эмблемы и амулета.

Опять же, в Риме очень часто можно увидеть небольшой коровий рог на каркасе римских винных повозок или болтающийся под осью. Гораздо более распространенной и известной среди англосаксонских народов является эмблема лошадиного сапога, которая у нас утратила свое первоначальное значение, как эмблема плодородия, и превратилась в талисман против зла. Ее вешают над дверными проемами, прибивают в домах, она охраняет двери хлевов и защищает поля от вредоносных влияний. Даже на Парижской выставке 1889 года, где была представлена улица старого Каира, над несколькими дверями висел крокодил с лошадиным башмаком на морде.

До сих пор я очень мало говорил о положении рук и некоторых жестах, с помощью которых предполагается отгонять сглаз. Магометане, как и неаполитанцы, глубоко верят в действенность ручных знаков; так, у многих дверей в Танжере я видел отпечаток руки, сделанный путем помещения вытянутой руки на какой-то липкий черный или цветной материал, который затем переносился, как шрифт или штамп, на порог жилища, где в подобию вытянутой руки служил для охраны находящихся внутри людей. Это, на мой взгляд, одна из самых любопытных вещей, которые можно наблюдать в магометанских странах. Пережиток того же верования я видел также над большими воротами Альгамбры, в Башне Правосудия, где, несмотря на очень строгий мусульманский обычай и убеждение против изображения любого живого объекта, над ключевым камнем внешней мавританской арки вырезана вытянутая вверх рука, мощная защита от зла. Именно такое положение руки, кстати, наблюдается во всех странах при принесении судебной присяги. Более того, рука в таком положении является современным геральдическим знаком баронства.

Рука в обычном положении благословения иногда открыта и вытянута, в то время как в других случаях выпрямлены только первый и второй пальцы. Сила, которую может проявить вытянутая рука, хорошо показана в библейском рассказе (Исход 17:11) "И было, когда Моисей поднял руку свою, Израиль победил, а когда опустил руку свою, Амалик победил". Так и случилось: когда Моисей устал от стесненного положения, его руку поддержали Аарон и Ор. Это лишь одна из многочисленных иллюстраций в священных писаниях, показывающих талисманное влияние человеческой руки. Сегодня лишь немногие понимают, что обычная поза молитвы и благословения с поднятыми руками - это старый талисман против сглаза. На одной из больших мраморных колонн в мечети Святой Софии в Константинополе есть удивительный природный фрикцион, благодаря которому на темном мраморе появляется белая фигура распростертой руки. Суеверное население с большим почтением относится к этой фигуре, все подходят к ней, чтобы помолиться о защите от дурного глаза. Раскрытая рука также была отчеканена на многих монетах как в древние, так и в современные времена, а широкое распространение руки как формы дверного стука можно увидеть как на руинах Помпеи, так и в современном жилище.

Рука, сжатая в различных формах, использовалась не только как сигнал или знак неповиновения. В Италии *mano-fica* подразумевает скорее презрение или оскорбление, чем вызов. Среди всех латинских рас этот своеобразный жест большим пальцем между первым и вторым пальцами имеет значительное название и важное значение. Он повсеместно связан с фигой и выражает самым невежливым образом то, что подразумевается в нашей

английской фразе "don't care a fig". Он широко используется в качестве амулета, который носят на шее или на теле, и передает тот же смысл, который неаполитанцы часто выражают, говоря: "Пусть сглаз не причинит вам вреда". Другое положение руки, а именно: указательный и мизинец вытянуты, а средний и безымянный пальцы согнуты и зажаты большим пальцем, - также грубо имитирует голову рогатого животного, и часто называется *mano cornuta*. Правая рука неаполитанца часто, в некоторых случаях почти постоянно, держится в таком положении, направленном вниз, подобно тому как амулеты вешают вниз, за исключением тех случаев, когда необходимо использовать этот знак против какого-то конкретного человека, когда рука направлена на него, даже на самые его глаза, если он кажется очень страшным. Однако, когда рука в таком положении направлена к подбородку, она несет в себе оскорбительный смысл и намекает на супружескую неверность. Когда неаполитанские таксисты проезжают мимо друг друга, общим знаком является взмах руки в таком положении. Так же поступают и во многих других местах.

Крестное знамение очень часто совершается рукой, обычно с вытянутыми первыми двумя пальцами, и, похоже, означает благословение двойной силы, поскольку в этом жесте задействованы и рука, и сам крест. Я уже обсуждал значение крестного знамения в другом месте, и не хочу снова возвращаться к этому вопросу. Он, безусловно, имеет фаллическое происхождение и так же безусловно предшествует христианской эре на многие сотни лет. Другими словами, это языческий символ, которому было придано новое значение. Обычно ему приписывалась талисманная сила, и чаще всего он использовался в той или иной форме, либо в виде греческого тау, либо в виде *Cruz Ansata*. В том или ином виде он был знаком, установленным на домах израильтян, чтобы уберечь их от ангела-разрушителя. В списках римских солдат после битвы он ставился после имен тех, кто еще оставался в живых; в Иезекииля 9:4 мы читаем о знаке, который должен был быть установлен на "челах людей, которые плачут", что, несомненно, было греческим Тау, потому что Вульгата ясно говорит об этом. На некоторых старых англосаксонских монетах помещался крест с каждой стороны, обычно рукотворный, а на различных печатях использовался до сравнительно недавнего времени. Его также можно увидеть на многих иллюстрациях из катакомб, например, относящихся ко времени до того, как крест стал общепринятой христианской эмблемой, где изображены и крест, и рука в тех положениях, на которые я уже ссылался. Крестное знамение совершают многие школьники во время игры, прежде чем бросить шарик, и я часто видел его на деревянном шаре, прежде чем человек сыграл им в боулинг. Многие крестьяне начерчивают его на своем поле после посева, и многие домохозяйки начерчивают его на своем тесте.

Рука с двумя первыми пальцами и большим пальцем, вытянутым в обычном положении священнического благословения, несомненно, была талисманом против зла задолго до христианской эры. Этот оберег не так часто используется простыми людьми, его скорее присвоили себе священники. По всеобщему согласию, такое отношение было особенно характерно для Второго Лица Троицы, хотя в средневековой живописи есть множество примеров, когда рука Первого Лица изображалась в таком положении. Действительно, выражение "*dextera Dei*", или "правая рука Бога", является условным.

Во многих амулетах, изображениях и картинках другие чары сочетаются с теми, которые, как предполагается, осуществляются человеческой рукой. Очень распространенным был египетский скарабей. Египтяне верили, что самок этого вида насекомых не существует, поэтому он считался символом мужественности и мужской силы, а в сочетании с *mano pantea*, о котором уже говорилось, придавал амулету силу охранять как живых, так и мертвых.

На самом деле он встречался на этих эмблемах почти так же часто, как и сам человеческий глаз.

Опять же, змея была частой эмблемой в этой же связи. Поскольку я уже писал о змеепоклонничестве, мне не стоит ограничиваться лишь упоминанием о нем, а лишь сказать, что змее приписывались многочисленные достоинства и силы и что ее использование на любом амулете должно было усилить достоинства, которыми она уже обладала.

Среди самых любопытных итальянских амулетов против злого глаза, которые, однако, большинство авторов обходят вниманием, - веточка руты, или, как ее называют неаполитанцы, *цимарута*. В своей простейшей форме она, несомненно, имела этрускское или финикийское происхождение. Однако позже он стал сочетаться с другими символами и стал довольно сложным. Его особенно часто носят на груди неаполитанских младенцев, и он считается их особой защитой от столь страшной джettатуры. В древности ни одному растению не приписывали столько достоинств, как руте. Плиний упоминает о ней как о средстве от 84 различных болезней. В первобытные времена ее вешали на шею, чтобы она служила амулетом от приворота. В большинстве таких амулетов он состоит из трех ветвей, которые, как предполагалось, были характерны для Дианы Триформис, которую часто изображали в трех позах и как бы с тремя парами рук.

Диана, кстати, была особой покровительницей рожениц. Серебро было ее собственным металлом, а луна - ее особой эмблемой. Поэтому выражение "серебряная луна" не так уж бессмысленно, как может показаться. Этим в какой-то мере объясняется тот факт, что кораллы, которым приписывались большие достоинства, всегда крепились в серебре, а полумесяц, или новолуние, также почти всегда изготавливался из этого же металла. Из множества амулетов, которые раньше соединялись в *цимаруте*, едва ли найдется хоть один, который в той или иной степени не был бы связан с Дианой, богиней младенцев.

Нередко встречаются и изображения морского коня, очень похожие на современных живых гиппокампов, которых в Неаполе носят как извозчики, так и женщины. На местном языке они известны как *Cavalli marini*.

Защита, которая считалась наиболее эффективной, часто обеспечивалась и обеспечивается другим способом, а именно напечатанными или написанными заклинаниями, молитвами, формулами и т. д., которые носили на теле. Иногда их носили скрытыми от посторонних глаз, а в других случаях - открыто. Даже сегодня на турецких лошадях и арабских верблюдах висят маленькие мешочки с отрывками из Корана, а неаполитанские лошади часто носят в маленьких холщовых мешочках молитвы к Мадонне или стихи из Священного Писания - это как последнее средство на случай, если другие чары не сработают. Современный католик, особенно ирландского происхождения, носит на шее маленький скапулярий, который считается мощным оберегом. Большой труд Фромманда "Магия" предлагает нам идеальную копилку письменных заклинаний против приворота, которые часто должны быть подготовлены с определенными мистическими соблюдениями. Различные письменные заклинания против укуса бешеной собаки являются лишь другими иллюстрациями того же суеверия. Действительно, многие суеверные люди верят, что простое произнесение определенных чисел накладывает чары. Ежедневное проявление этой веры мы видим в легковерии относительно удачи нечетных чисел и старом поверье, что в третий раз повезет. Военные салюты всегда отдаются в нечетных числах. В общественной оценке числу семь

придается большее значение, чем любому другому, как мы видим в чудесных способностях, приписываемых седьмому сыну седьмого сына.

Обращение к удаче в наши дни является эквивалентом старой молитвы к богине Фортуне и выражается в распространенном представлении о счастливой монете и различных маленьких обрядах на удачу, которые так популярны. Эти приметы повсеместно включают в себя народное значение, придаваемое отхаркиванию, которое является одной из самых любопытных особенностей этих многочисленных распространенных верований. Например, привычка сплевывать на монету очень распространена, так же как школьник плюет на свой агат при игре в шарики или на свой бейсбольный мяч, а боулер - на свой деревянный шар перед тем, как его закатить. На самом деле, во все века плевок был выражением глубоко укоренившегося народного поверья. Среди древних греков и римлян самым распространенным средством против завистливого взгляда было плевание, поэтому оно называлось "*despuere malum*". Старухи отводили сглаз от своих детей, плюнув три раза (следите за нечетным числом) им в грудь.

Добродетели и свойства, приписываемые слюне у разных народов, были многочисленны и превозносимы. Слизывание бородавки при утреннем подъеме было одним из признанных способов ее лечения, а сегодня это популярное средство от любой легкой ранки. Особенно действенной была слюна постящегося человека. Плиний утверждает, что, когда человек смотрит на спящего младенца, кормилица должна трижды сплюнуть на землю. Но самые чудесные свойства приписывались слюне в направлении восстановления зрения. Самой яркой иллюстрацией этого является случай, упомянутый в Новом Завете, когда Христос исцелил слепого, ибо рассказывается, что:

"Он плюнул на землю и сделал глину из плевка, и помазал глаза слепого этой глиной".

Практика сокрытия глаз распространена на всем Востоке, и среди магометан ее нельзя полностью объяснить мужской ревностью, поскольку сами женщины признаются, что с величайшей неохотой показывают свое лицо незнакомцу, опасаясь сглаза.

Кроме того, поскольку с незапамятных времен всевозможные болезни считались прямым следствием очарования, вполне естественно, что в качестве защиты стали использовать амулеты самой разной формы. Этому суеверию поддаются многие даже весьма образованные люди. Ношение в кармане картофелины, комочка камфары или амулета является, наряду с другими предполагаемыми талисманами, лишь повседневной иллюстрацией этого поверья.

Можно было бы продолжать почти бесконечное перечисление форм этой все еще широко распространенной веры в силу сглаза и амулетов, с помощью которых его можно отвести. Как уже было сказано, это лишь частичное выражение общей и широко распространенной веры в существование злого существа, для одних смутного и почти бессодержательного, для других принимающего почти пропорции личного дьявола средневековой теологии или даже тирольских Страстных игр. Обсуждение этой темы в общих чертах я считаю не совсем чуждым целям этого общества, поскольку она является одним из самых интересных предметов изучения фольклора, и, возможно, в настоящий момент она представляет для нас особый интерес, поскольку совсем недавно мы получили восхитительный и научный очерк о "Салемском колдовстве", написанный профессором Джоном Фиске. Джона Фиска, в котором он наглядно описывает механизм и последствия обострения этой веры, представляющей собой самое серьезное пятно, которое можно найти в истории белой протестантской расы в этой стране.

II ТАНАТОЛОГИЯ

АНКЕТА И ПРИЗЫВ К ПРЕНЕБРЕГАЕМОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ[2]

Можно ли наблюдать за "жизненной искрой небесного пламени", когда она покидает "эту смертную раму", и не быть побежденным тайной смерти как завершения еще более великой тайны - жизни? Есть ли вдохновение в обращении языческого императора к своей душе - в тех латинских стихах, которые так прекрасно перевел Поуп?

Для философа-спекулянта смерть может иметь другое значение, и оно совсем не совпадает с тем, которое придает ей физиолог. Для первого она - предмет для трансцендентальных спекуляций, для второго - конечная стадия того согласования внутренних и внешних отношений, которое, по Спенсеру, составляет жизнь. Для нас же ее первичное и непосредственное значение чисто мирское, но она заслуживает такого серьезного изучения с практической точки зрения, какого редко удостоивается.

Что такое смерть? Когда она наступает? Как она может наступить, если большинство клеток ранее живого организма живут часами, днями или, при определенных благоприятных обстоятельствах, сохраняют потенциал жизни неопределенно долгое время? Эти и множество других вопросов составляют направление исследований, которое вполне может потребовать создания отдельного отдела науки. Размышляя об этом, я давно придумал выражение, которое спустя годы вошло в научные словари, хотя я никогда не слышал его и не встречал в своем чтении. Это слово - "танатология", и его можно определить как изучение природы и причин смерти. Однако от нее неотделимы некоторые соображения, касающиеся природы и причин жизни. И все же я не стал бы вводить такой сложный термин, как "биотанатология", желая, насколько это возможно, ограничить исследование и его значение.

Давайте зададим себе еще несколько вопросов. Заложена ли жизнь в какой-либо конкретной клетке? В лейкоцитах? В нейронах? И те, и другие способны к стимулированной активности еще долгое время после смерти своего хозяина. Фактически, при соответствующей электрической стимуляции после смерти могут быть воспроизведены почти все явления жизни, кроме сознания и психики. Являются ли они тогда жизнью, а их подавление или отмена - смертью? Если да, то как быть с состоянием транса или абсолютной имбецильности, врожденной или наведенной? Или, опять же, как обезглавленная лягушка может продолжать жить в течение нескольких часов? Может быть, потому, что сердце - жизненно важный орган, сердца некоторых животных продолжают биться в течение нескольких часов после их удаления из тела? Однако животные, лишившиеся их, конечно же, быстро умирают. Внезапно остановите сердечную деятельность человека с помощью электрического тока, гильотины или пули, и он умрет, как мы говорим, мгновенно. Пусть оно остановится так же внезапно под хлороформом, и есть период в несколько минут, в течение которого его можно привести в норму. Если человек, по-видимому, утонет, этот жизнеспособный период станет еще длиннее - скажем, на добрую долю часа. В течение этого промежутка времени он жив или мертв, или же существует промежуточный период абсолютного оцепенения? И если да, то в чем он заключается?

Существует ли жизненный принцип? Если да, то в чем он заключается? Можно ли представить себе такую вещь? Может ли такая концепция возобладать среди физиков? Можем ли мы согласиться даже на то, чтобы рассматривать в этом направлении понятие того, что так туманно называют "душой"? Конечно, те, кто наиболее ясно говорит о душе, знают о ней меньше всего, и ни один человек не может определить ее в понятных терминах; но может ли рассмотрение души (какой бы она ни была) быть исключено из нашей танатологии? Вероятно, нет, по крайней мере, многие мыслители, которые не могут отделить свою физику от теологии. Печально, что теология, которая могла бы быть столь утешительной, если бы имела хоть какое-то твердое основание, оказывается совершенно бессильной, когда от нее требуется так много. Теология, однако, имеет мало общего с танатологией, если вообще имеет.

Жива ли протоплазма? Если да, то почему мы не можем верить, как Бине, в психическую жизнь микроорганизмов? Он, кажется, выдвинул веские основания для предположения, что мы можем это делать, хотя такие проявления в любом направлении могут быть не более чем выражениями хемиотаксиса. Но если протоплазма живая в любом смысле этого слова, как могло бы показаться (иначе где провести черту?), то когда она появляется и откуда берется ее жизнь? Если она живая, то жизнь заложена в азотных соединениях, составляющих ее, или же она является дополнением к материи, неуловимым, неуловимым, чем-то *немыслимым*, хотя и неоспоримым. В последнее время виталисты, возможно, достигли превосходства, которое они теряли на протяжении десятилетий, поскольку они утверждают, что жизнь не может быть объяснена только химической деятельностью. И все же в яйцах некоторых морских животных можно запустить явления жизни или освободить их с помощью некоторых слабых растворов щелочных цианидов, без давления или помощи плодоносящих сперматозоидов. В таких случаях жизнь или смерть определяются ионизацией и определенными химическими веществами или их отсутствием. Где же тогда, опять же, жизненный принцип? Или он присущ ионам, и прав ли был Бион, когда говорил, что "электричество - это жизнь?".

Жизнь клетки обязательно отличается от жизни ее хозяина, и последняя не может состоять просто из суммарного количества жизней ее компонентов. Некоторые низшие животные переносят полуделение, и в этом случае каждая половина вскоре сама по себе становится полноценной единицей. Другие, похоже, переносят потерю почти любой отдельной части без потери жизни, и трудно сказать, какая именно часть является жизненно важной. Центральный насосный орган, пожалуй, является *непременным условием*, когда он существует. Но когда его нет, что тогда?

Опять же, хотя живой организм может быть искусственно разделен на жизнеспособные части, не известно ни одного метода, с помощью которого серия отдельных клеток может быть, так сказать, собрана или объединена в одну, из которой в результате сборки или объединения может получиться новая единица. Чем более высокоспециализированной или сложной является клетка, тем легче она расстается с жизнью, и тем сложнее становится ее сохранение и воспроизводство. Можно предположить, что после смерти человека его наиболее специализированные клетки умирают первыми, или более того, что их смерть, возможно, предшествовала его собственной. В посмертном коллапсе, наблюдаемом при многих заболеваниях и отравлениях, не происходит ли именно это, то есть что пациент пережил свои самые важные клетки? Конечно, когда пациент умирает от прогрессирующей гангрены, он пережил, возможно, большую часть из миллионов своих компетентных клеток. При правильном рассмотрении, какое странное зрелище предстает перед нами! Возможно, двадцать процентов его клеток фактически мертвы, остальные купаются в более или менее

ядовитой среде, и все же их хозяин продолжает жить еще некоторое время. "Вот, я показываю вам великую тайну". В каких из отравленных клеток еще мерцает пламя жизни?

Живительные зародышевые и сперматозоидные клетки могут существовать и сохраняться в течение некоторого времени после смерти тела, как показали многочисленные опыты и эксперименты. Яйцеклетки и сперматозоиды не умирают в тот момент, когда умирает их хозяин. И здесь кроется еще одна великая тайна: клетки из, несомненно, мертвого тела могут обладать и раскрывать потенциал жизни при правильном окружении. Среди низших форм жизни клетки, но слегка дифференцированные, продолжают жить и даже создавать новые организмы, хотя крупные организмы уже мертвы. Более того, как расценивать деление одной амебной клетки на две, одинаково живые и полноценные? Здесь два живых организма создаются из одного, без вмешательства смерти, и только путем перестановки можно вычислить, через сколько поколений должны пройти клетки, чтобы их число исчислялось миллионами, без необходимой для этого процесса смерти.

До сих пор мы имели в виду жизнь и смерть только в животном царстве. Но большая часть того, что было сказано, и многое из того, что не было сказано, в равной степени справедливо и для растительного царства. Даже в минеральном царстве - как считают некоторые - неизменная и неизбежная тенденция принимать определенную кристаллическую форму представляет собой низший тип жизни. Действительно, она могла бы соответствовать определению Спенсера как проявляющая тенденцию к согласованию внутренних и внешних отношений, хотя и демонстрируемая только после такого безжалостного нарушения, как разжижение под действием тепла или раствора. Но разве любое нарушение отношений не является "безжалостным", потому что оно следует неумолимым привычкам природы? Даже кристалл будет реформироваться так же часто, как и некоторые другие явления жизни, если его заставить это делать. Если бы атомы были живыми, они бы страдали при каждом новом химическом изменении, и кто знает, что они страдают?

Но в растительном мире мы, безусловно, имеем все признаки жизни и смерти в полной форме: оплодотворение одних клеток другими, развитие в одноклеточной форме или в наиболее обильной и сложной форме, выбор необходимых компонентов для роста из, казалось бы, бесперспективной почвы и получение поразительных результатов. Разве чувствительное растение не проявляет контактную чувствительность, почти равную чувствительности конъюнктивы? И кто скажет, что оно не страдает при грубом обращении? Разве производство сложных эфирных масел и летучих эфиров, которые придают некоторым цветам их чудесный аромат, указывая на то, какие странные комбинации грубых материалов были созданы в их клетках, не демонстрирует такую же замечательную лабораторию, как и та, что скрыта в животных организмах? Однако смерть приходит к этим растениям с такой же очевидностью и представляет собой не менее загадочную тайну. Когда умирает цветок? Когда его срывают и отделяют от естественного питания, или когда он начинает увядать (этот срок становится более или менее переменным в зависимости от ухода за ним), или когда он перестает издавать свой запах? И является ли тогда смерть вопросом нескольких часов? Когда цветочный стебель был сломан, что еще сломалось вместе с ним? В какой момент произошло убийство цветка?

Каждое семя и каждый росток обладают удивительной жизненной потенцией, и пока они живут, мы говорим, что они не мертвы, но и не живы. Оно выдерживает значительное нагревание, переносит самую низкую температуру, долгое время остается в латентном состоянии, и все же его клетки мгновенно реагируют на благоприятные стимулы. Его реальная жизнь, по-видимому, вызывается чисто термической и химической (электрической?) активностью, окружающей его. В чем же заключаются его жизнь и смерть?

Но на жизнь и смерть влияют - мы говорим "странные ли" только потому, что все это кажется нам странным - необычные или чисто искусственные условия. Эманыции радия всегда пагубно влияют на эмбриональное развитие. Под их воздействием, например, яйца амфибий сильно нарушаются. Клетки, которые должны специализироваться в нервы, ганглии и мышцы, не развиваются, и, следовательно, могут быть произведены минутные монстры-амфибии, лишенные нервов и мышц, но в остальном почти нормальные. Гертвиг подвергал воздействию этих лучей сперматозоиды морских ежей, не убивая их, но неизменно с последующим аномальным развитием.

Влияние катодных или *рентгеновских лучей* получило еще более широкое признание и было более широко продемонстрировано. Похоже, что они обладают свойствами, вредными для большинства клеток и даже смертельными для некоторых.

Еще более озадачивающими и в некотором роде странными являются результаты широко практикуемых в настоящее время экспериментов, которые связаны с жонглированием яйцеклетками, личинками и эмбрионами путем всех мыслимых комбинаций разделения и повторного соединения частей, в результате чего получают всевозможные чудовища и аномалии. Эта лабораторная игра дошла до такой степени, что можно получить практически любой желаемый продукт - живые существа с двумя головами, двумя хвостами или в любой комбинации, которая может быть определена.

Среди наиболее примечательных из этих попыток были усилия Вианнея из Лиона, который показал, что можно удалить головной конец у нескольких различных личинок насекомых, не препятствуя их развитию и метаморфозе в стадию бабочки. Например, в случае с личинками *Bombux* бабочки достигали зрелой стадии, с полосатыми крыльями и красивой окраской, но почти без головы. Эти анэнцефальные насекомые жили некоторое время.

Немногие животные выдерживают длительное воздействие температуры, превышающей 150 F., а большинство из них погибает от гораздо меньшего тепла. Замораживание всегда считалось не менее смертельным. Гангрена - обычный результат замораживания части человеческого тела, что означает местную смерть. Чтобы восстановить жизнеспособность от замороженного уха или пальца, необходимо приложить чрезвычайные усилия. И поэтому даже у впадающих в спячку или холоднокровных животных действительно низкая температура обычно считалась смертельной.

Но недавние эксперименты Пикте, который так много сделал для получения чрезвычайно низких температур, замораживания газов и т. д., показали поразительные результаты в том, что золотые рыбки и другие низшие животные не погибают от охлаждения. Например, золотые рыбки были помещены в аквариум, вода в котором постепенно замораживалась, пока рыбки в нем двигались. В результате образовался ледяной пирог с заключенными в нем предположительно мертвыми рыбками. Затем этот лед опускали до еще более низкой температуры, при которой он сохранялся более двух месяцев. Затем его очень медленно оттаивали, после чего рыба оживала и двигалась своим обычным и естественным образом, как будто ничего не произошло.

Это подтверждает ранние эксперименты Пикте и его предположение о том, что если химические реакции живых организмов можно приостановить, не вызывая органических повреждений, то явления жизни временно исчезнут, чтобы вернуться, когда условия снова станут обычными. Стоит отметить, что замороженную таким образом рыбу можно было разломать на мелкие кусочки, как если бы она была частью самого льда.

Как часто в последние десятилетия, когда события, казалось бы, движутся быстрее, когда открытия и изобретения объявляются с такой частотой и короткими интервалами, что мы не успеваем отметить их все из-за нехватки времени, когда спешка и торопливость характеризуют привычки как жизни, так и мышления, мы обнаруживаем, что просто должны остановиться, как бы перевести дух, чтобы разгрузить большое количество накопленного умственного мусора и освободить место в нашем хранилище для современных знаний! Это десятилетний процесс уборки ментального дома - . Мы должны выучить многое из того, что десять-сорок лет назад так кропотливо осваивали. Мы должны внедрять новые и более совершенные процессы мышления. Но сделать все это непросто. Например, в детстве я довольно основательно изучил старую химию. В последующий период, когда мне не нужно было ее изучать, пришла новая химия, и когда она снова понадобилась, мне пришлось не только изучать практически новую науку - что было не так уж плохо, - но и избавить свой мозг от многого, что там действительно прочно обосновалось, а это было трудно или невозможно. Так и с тем, кто, воспитанный на евклидовой геометрии, сталкивается со сравнительно новой не - евклидовой, и ему приходится не просто забыть, но и выучить все те фундаментальные аксиомы, которые казались такими простыми и неоспоримыми, то есть если бы он принял учение Больи и других. Например, то, что прямая линия не обязательно является кратчайшим путем между двумя точками, шокирует нашу евклидову ортодоксию и в то же время является *для нас* немыслимым; также как и то, что параллельные линии, неопределенно протяженные, *могут* касаться друг друга, и тому подобное; также как и понятие четырехмерных пространств или, что еще хуже, *n-мерных*. И теперь, в некоторой степени подобным образом и в определенной степени, мы должны пересмотреть наши прежние представления о смерти, по крайней мере, в этой степени: Не то чтобы мы знали гораздо лучше, чем раньше, что это такое на самом деле, но мы знаем больше о том, чем она не является. Даже если спастись, то, возможно, в своем мгновенном наступлении она - *лишь шаг* к распаду, обычно не первый, точно не последний, но все же самый заметный.

Смерть - это во многом биохимический факт. Она настолько переплетена с ионными изменениями в устройстве материи, что мы можем надеяться на получение дополнительной информации о некоторых ее аспектах по мере накопления знаний о последней.

Но, очевидно, нам необходимо уточнять наши понятия по мере того, как мы переставляем факты. Соматическая смерть - это, в конце концов, самый сложный процесс. Его можно сократить путем мгновенного и полного сжигания, но вряд ли каким-либо другим способом. Даже динамит вряд ли упростил бы эту проблему. Что касается сознательной смерти, то это, *вероятно* (хотя и не наверняка), вопрос лишь секунд или, возможно, долей секунды. Хотя у нас нет точных представлений о том, что такое сознание, и даже о том, где оно находится, наиболее вероятным местом его обитания представляется центральная нервная система. Но сознательная смерть может наступить почти мгновенно без повреждения этой системы, как, например, когда пуля проходит через грудную клетку и сердце, не задевая позвоночник.

Но что же это такое, что внезапно останавливает всю согласованную и взаимозависимую деятельность? Или что-то или какой-то контролирующий орган внезапно покидает тело?

Недавняя теория, имеющая свои особенности, гласит, что жизнь - это свойство или особенность конечных *корпускул*, из которых состоит атом. Поскольку эти тельца имеют по отношению к содержащему их атому относительный размер, сравнимый с размером мельчайшего видимого насекомого, прокладывающего себе путь в большом церковном здании, хитросплетения этой конкретной теории легко обнаруживаются. Но, похоже, что в нашем мире жизнь имеет много общего с до сих пор игнорируемым и презируемым атомом или молекулой азота, поскольку жизнь в *высшей степени присуща* соединениям азота.

Более того, *жизненная сила характерна для тех химических элементов, которые имеют наименьший атомный вес*, в то время как на другом конце таблицы атомных весов находится радий, о разрушительных эманациях которого я уже говорил.

Еще один этап общей темы танатологии был предложен, в частности, Озье, который несколько лет назад обратил внимание на тот факт, что лишь немногие пациенты, если вообще таковые имеются, умирают от болезни, которой они страдают. Это не парадокс, и нуждается только в разуме и наблюдениях, чтобы подтвердить его. Его заявление было предварительным к рассмотрению терминальных инфекций и токсемий, что само по себе было бы достаточно, чтобы возвести танатологию в достойное специальное исследование. Возьмем, к примеру, пациента, который долго страдал от диабета. Его конец характеризуется комой, то есть свидетельствует о глубокой токсемии, которая в значительной степени обусловлена ацетонемией. Пациент с хронической болезнью Брайта умирает от уремического отравления, а пациент с пневмонией - от истинной сердечной недостаточности. Терминальная стадия рака - это, опять же, токсемия того или иного вида, в зависимости от того, что мешает пищеварению, дыханию или другой жизненно важной функции, или разрушается, насыщая пациента септическими продуктами.

Этот аспект темы можно изучать и развивать сколько угодно, и его упоминания здесь должно быть достаточно для моей цели. Соответственно, если его правильно оценить, он будет признан имеющим важное практическое значение, поскольку, если мы можем предвидеть направление, с которого грозит окончательная опасность, ее можно лучше и дольше предотвратить.

Еще одна очень важная и практическая тема связана с этой, а именно использование, казалось бы, мертвого или, по крайней мере, только потенциально живого материала (ткани) в различных методах трансплантации или пересадки, которые сегодня являются частью работы хирурга. Эти методы сами по себе являются трансплантацией опыта, полученного при работе в растительном царстве. Что удивительного в том, что чудеса, продемонстрированные в одном отделе, должны были побудить к работе по параллельным направлениям в другом? То, что цветы и фрукты одного вида можно заставить расти на дереве совершенно другого вида, вызывает лишь малую долю того изумления, которого оно заслуживает, главным образом потому, что теперь это обычное явление, хотя при правильном рассмотрении оно может показаться чудом.

Разница лишь в незначительной степени - например, удаление ткани щитовидной железы у одного человека и ее имплантация другому, причем с функциональным успехом. Здесь можно спросить, какое отношение это имеет к танатологии? И ответ таков: Если бы эта ткань была взята у свежего трупа, то большинство людей считали бы ее мертвой. А если так, то оживают ли мертвые? Не нарушая должного научного использования воображения, можно представить себе примерно следующее: Пусть молодая здоровая женщина случайно и мгновенно умирает. Можно было бы использовать значительную часть ее тела для пересадки или других оправданных хирургических операций. Артерии и нервы можно было бы использовать как в свежем виде, так и после консервации, для подходящей трансплантации или восстановления сосудистой и нервной систем значительного числа других людей. Также можно было бы использовать щитовидную железу, роговицу, яичники и особенно кости. Все зубы, если они здоровы, могут быть пересажены. На тонких костях, особенно ребрах, можно было бы сделать пластические операции - в частности, на носах - пятидесяти человек. А внешняя поверхность тела может быть снабжена любым количеством нормальной целостности, с которой можно проводить гетерологические дерматопластические операции, или почти неисчерпаемым запасом эпидермиса для трансплантатов Тирша, который не

обязательно использовать в свежем виде, но можно сохранить и сделать доступным через несколько дней и даже недель. Часть мышц может быть использована для проверки сочащихся из кровоточащих поверхностей других людей, если их использовать еще свежими и теплыми, и, возможно, часть мочеточников или другая часть останков может быть использована для какой-то необычной цели. Какие экстракты или вытяжки можно приготовить из других частей тела, гипофиза, надпочечников, костного мозга и т.д.? Сухожилия также могут быть подготовлены для наложения швов. Каждая из этих процедур обещает быть успешной, а техника - удовлетворительной во всех отношениях.

Но возможный предел еще не достигнут, так как с каждой почкой можно было бы проводить эксперименты, подобные тем подвигам физиологического жонглирования, которые продемонстрировал нам Каррель, вживляя одну, скажем, в шею, соединяя почечную артерию с сонной, а почечную вену с яремной, при этом необходимо было бы предусмотреть некий сосуд для мочеточника.

В конце концов, это не фантастическая мечта и не такая уж экстремальная картина, как может показаться на первый взгляд, поскольку каждый орган или ткань, упомянутые выше и даже больше, были использованы по назначению, и с успехом.

Но представьте себе, что мертвое тело дает жизнеспособную продукцию, даже косвенно саму жизнь, (возможно) стольким другим людям! Не усложняет ли это изучение смерти? И что должно стать с простой верой фанатика, который верит в реальное и абсолютное воскрешение в какой-то более поздний срок?

В науке танатологии есть нечто большее, чем просто трансцендентализм; она имеет правдоподобное медико-юридическое и прагматическое значение. Я буду очень рад, если смогу вызвать заслуженный интерес к ней.

Как я могу более уместно завершить свое выступление, чем процитировать несколько строк из "Танатопсиса" нашего Брайанта:

"Земля, вскормившая тебя, потребует

Твой рост, чтобы снова быть разрешенным в землю,

И, потеряв каждый человеческий след, сдав

Свою индивидуальную сущность, ты отправишься

Чтоб навеки смешаться со стихией".

Хотя, если бы я хотел повторить некоторые трудности, возникшие при подготовке этой статьи, которые я уже давно держал в уме, я мог бы добавить следующие строки из "Гимна смерти" того же поэта:

"Увы! Я мало думал, что суровая сила

Чью роковую хвалу я пел, испытает меня так.

Прежде чем кончится песнь".

В этом месте вполне можно процитировать Ламартина, который спрашивал: "Что есть жизнь, как не ряд прелюдий к той тайне, чью начальную торжественную ноту издает смерть?" (На эту тему Лист создал замечательную симфоническую тональную поэму "Прелюдии").

Даже бесконечность теперь ставится под сомнение математиками. В таком случае, на чем *мы* остановимся?

Примечание: Во время написания предыдущей статьи мне на глаза попалась недавно вышедшая книга "Смерть, ее причины и явления" Каррингтона и Мидера (Лондон, 1911). Она интересна, но, за исключением того, что содержит полезную библиографию, мало чем поможет тому, кто хочет продолжить исследование в его прагматическом аспекте. Один из авторов придерживается личной теории, согласно которой смерть вызвана прекращением вибраций, которые в течение жизни поддерживают жизненную активность; другой считает, что смерть - это, так сказать, кульминация дурной привычки ожидать, что что-то подобное должно произойти, в которую мы впали, несмотря на то, что другие живые существа ниже человека подвергаются той же участи, хотя и не способны ничего ожидать.

III ЗМЕИНЫЕ МИФЫ И ПОКЛОНЕНИЕ ЗМЕЯМ [3]

С самого начала письменной истории и с самых отдаленных времен змея почиталась как самое загадочное из живых существ. Будучи в равной степени объектом удивления, восхищения и страха, не странно, что она рано стала связана с многочисленными суевериями; и если мы вспомним, как несовершенно были поняты ее повадки, то не будем удивляться необычным атрибутам, которыми ее наделили, и, возможно, даже тому, почему она получила такое всеобщее поклонение. Так, много веков назад Гореполлон, говоря о символизме змеи, сказал: "Когда египтяне представляли вселенную, они изображали зрелище в виде пестрой змеи, пожирающей свой хвост, чешуя которой обозначала звезды во вселенной, животное было очень тяжелым, как земля, и очень скользким, как вода; Кроме того, оно каждый год сбрасывает свою старость вместе с кожей, как во вселенной повторяющийся год производит соответствующее изменение и становится обновленным, а использование собственного тела в пищу подразумевает, что все вещи, порожденные божественным провидением в мире, снова подвергаются тлению."

По всей вероятности, ежегодное сбрасывание кожи и предполагаемое омоложение животного было тем, что впервые связало его с идеей вечной последовательности форм, последующего воспроизводства и распада. Эта доктрина находит свое отражение в представлении о чередовании веков, которое преобладало у греков, и аналогичное представление встречается почти у всех примитивных народов. Древние мистерии, за редким исключением, а может быть, и вовсе без исключений, были призваны проиллюстрировать грандиозные явления природы. Мистерии Осириса, Исиды и Гора в Египте, Кибелы во Фригии, Цереры и

Прозерпины в Элевсисе, Венеры и Адониса в Финикии, Бона Деа и Приапа в Риме - все они объединяло то, что они одновременно мистифицировали и типизировали создание вещей и увековечивание жизни. Во всех этих мистериях змея была особенно заметна, поскольку она символизировала и указывала на живительную энергию природы. В мистериях Цереры великий секрет, который сообщался посвященным, заключался в такой загадке: "Бык породил змею, а змея - быка", причем бык был яркой эмблемой генеративной силы. В Древнем Египте символом всего животного обычно служили рога быка. Когда с течением веков бык стал слишком дорогим животным для широкого использования в любых целях, его заменили бараном; отсюда частота рогов барана, как символа Jove, так часто встречающихся, например, среди римских древностей.

Первоначально огонь был принят за одну из эмблем солнца, и, таким образом, самым естественным, неизбежным и универсальным образом солнце стало символизировать активный, оживляющий принцип природы. То, что змея со временем стала олицетворять тот же принцип, в то время как яйцо символизировало более пассивный или женский элемент, столь же несомненно, но менее легко объяснимо; действительно, мы должны рассматривать змею как символ великого гермафродитного первого принципа природы. "Она вошла в мифологию каждого народа, освящала почти каждый храм, символизировала почти каждое божество, была воображаема на небесах, начертана на земле и властвовала в царствах вечной скорби". Это животное считалось самым энергичным из всех пресмыкающихся огненной природы, поскольку оно демонстрирует невероятную быстроту, двигаясь своим духом без рук, ног или каких-либо внешних органов, с помощью которых другие животные осуществляют свое движение, а в процессе движения оно принимает различные формы, двигаясь по спирали и мчась вперед с любой степенью стремительности, какая ему заблагорассудится.

Тесная связь, если не абсолютная идентичность, между солнечным, фаллическим и змеиным поклонением среди ранних человеческих рас была наиболее поразительной; она была настолько заметна, что указывала на то, что все они являются формами одного поклонения. Именно с последним мы должны немного разобраться. Насколько заметное место занимает поклонение змею в нашем Ветхом Завете, можно заметить сразу же, как только начнешь размышлять об этом. Первая и самая яркая иллюстрация - роль, которую играет змея в библейском мифе о происхождении человека. В выродившихся древних мистериях Вакха некоторые из участников церемоний носили в руках змей и с ужасающими криками звали "Ева, Ева"; на самом деле сопровождающие часто были увенчаны змеями и при этом издавали эти неистовые вопли. В сабазианских мистериях змее разрешалось проскользнуть в грудь посвящаемого и затем быть извлеченной из-под одежды. Считается, что эта церемония зародилась среди волхвов. Считалось, что обращение "Ева" относится к великой матери человечества; даже такой авторитет, как Клеменс Александрийский, придерживался этого мнения, но Клеменс также признает, что имя Ева, когда оно правильно произносится, практически то же самое, что Эфа, или Офа, которую греки называют Офис, что в переводе с английского означает "змея". В большинстве других мистерий были введены змеиные обряды, и многие из имен были чрезвычайно наводящими. Абаддон, упоминаемый в Откровении, несомненно, является каким-то змеиным божеством, поскольку приставка Ab означает не только отца, но и змея. Зороастр описывал просторы небес и даже саму природу под символом змеи. В древней Персии змеиному племени воздвигались храмы, а в их честь устраивались праздники; некоторый отголосок этого можно найти в слове Basilicus, или царский змей, от которого происходит термин Basilica, применяемый к христианским церквям нынешней эпохи. Даже современные эфиопы получили свое название от греческого Aithiopes, что означает змеиных богов, которым поклонялись задолго до них; остров Эвбея

означает Змеиный остров, а правильное написание должно быть Oub-Aia. Греки утверждали, что голову Медузы принес Персей, под которым они подразумевали змеиное божество, так как поклонение ему было введено в Греции народом, называемым пересийцами. Голова Медузы обозначала божественную мудрость, а остров был священным для змеи.

Поклонение змею было столь древним, что многие места, а также расы получили имена, указывающие на распространенность этого всеобщего суеверия; но сейчас не время перечислять имена, хотя, возможно, следует упомянуть Офиса, Обота, Еву в Македонии, Драконию и, наконец, имя Евы и Эдемского сада.

Сет, по мнению некоторых, был полубожественным предком семитов; Бунзен показал, что несколько доэлювийских потомков Адама были среди финикийских божеств; так, у карфагенян богом был Юбал или Джубал, который, по-видимому, был богом солнца Эскулапия; или, как пишется более правильно, Ю-Баал, то есть Красавица Ваала.

Вопрос о том, имеет ли символ змеи явное фаллическое происхождение, оспаривается, но чем шире изучается эта тема, тем больше кажется, что это именно так. Несомненно, более древние расы имели ту форму верований, с которой змея всегда была более или менее символически связана, то есть поклонение мужскому принципу поколения, одной из главных фаз которого, несомненно, было поклонение предкам, в то время как несколько позже расы поклонялись женскому принципу, который они символизировали священным деревом, так часто упоминаемым в Писании как ассирийская роща. Изображались ли змеи поодиночке, попарно, как в известном кадуцее или жезле Эскулапия, или в короне, возложенной на голову многих богов и богинь, или в многоголовой змее, пьющей из драгоценного кубка, или в змее, обвившейся вокруг дерева и приближающейся к нему, символизируя искушение и падение, - во всех этих случаях основной принцип всегда один и тот же. Символы такого характера встречаются не только в храмах Древнего Египта, но и в предшествующих им руинах в Персии и на Востоке; в древностях, принадлежащих расам, которые первыми заселили территорию нынешних Греции и Италии, в наскальных рисунках Индии и Центральной Европы, в кромлехах Великобритании и Скандинавии, в Великом Змеином кургане, который до сих пор сохранился в Огайо, и во многих других курганах, оставленных строителями этой страны, в руинах Центральной Америки и Юкатана, в традициях и реликвиях ацтеков и тольтеков - фактически везде, куда проникали антикварные исследования или где сохранились памятники древних народов. Никогда еще не было столь распространенного суеверия, и какие бы поздние формы оно ни принимало, мы должны признать, что в первую очередь и на протяжении долгого времени оно было данью человека великому, могущественному и неизвестному регенеративному принципу природы, который обожествлялся снова и снова и который всегда был и всегда будет величайшей тайной, подвластной человечеству.

Браун в своем "Великом дионисийском мифе" говорит, что змея имеет следующие точки связи с Дионисом: (1) как символ и связь с мудростью, (2) как солнечная эмблема, (3) как символ времени и вечности, (4) как эмблема земли, жизни, (5) как связанная с тайной оплодотворения, (6) как фаллическая эмблема. Относительно последнего из них он говорит: "Змея, связанная с солнцем, землей, жизнью и плодородием, должна быть также фаллической эмблемой, и она соответствовала культу Диониса Приапоса". И снова сэр Г. У. Кокс говорит: "Нет необходимости анализировать теории, которые утверждают, что в нем поклонялись ползучему животному или широко раскинувшемуся дереву; религия, основанная на поклонении ядовитой рептилии, должна была быть религией ужаса. В самых ранних проблесках, которые мы имеем, змея является символом жизни и любви, и фаллический культ ни в коем случае не является культом разросшегося ветвистого дерева".

И снова: "Эта религия, лишенная разума, осужденная в мудрости Соломона, вероятно, пережила даже вавилонский плен; несомненно, она была принята сектами христиан, которые были известны как Офиты, Гностики и Николаиты".

Другой ученый автор говорит: "Сопоставляя разнообразие легенды Востока и Запада в совокупности, мы получаем полное представление о мифологии ассирийцев. Она признает первичным элементом вещей два независимых принципа природы, мужской и женский, и они, в характерном союзе, как душа и тело, составляют Великое Гермафродитское Божество, единое, саму Вселенную, состоящую все еще из двух отдельных элементов ее состава, измененных, хотя и объединенных в одном индивидууме, из которого все вещи рассматриваются только как части." На самом деле черты всех языческих божеств, мужских или женских, постепенно сливаются друг с другом и, наконец, с одним или двумя; ибо, как заявил Уильям Джонс, представляется вполне обоснованным мнение, что весь список богов и богинь означает лишь силы природы, в основном силы солнца, выраженные различными способами с множеством причудливых имен. Творение, по сути, является человеческим, а не божественным продуктом в том смысле, что оно было предложено разуму человека существованием вещей, в то время как его способ был, по крайней мере, сначала, предложен действием природы; так, человек увидел, как живая птица выходит из яйца после определенного периода инкубации, - явление, эквивалентное реальному творению, как его воспринял простой разум. Инкубация, очевидно, ассоциировалась с творением, и этот факт объясняет ту универсальность, с которой яйцо было принято в качестве символа в ранних системах космогонии. В результате аналогичного процесса творение стало символизироваться в виде фаллоса, и египтяне, усложняя эти идеи, приняли в качестве своего символа великой первопричины скарабея, указывающего на великое гермафродитное единство, поскольку они считали это насекомое одновременно мужским и женским. Часть этой идеи они прекрасно воплотили в поклонении водяной лилии, или *лотосу*, который считается священным на всем Востоке. Это возвышенный и прекрасный символ, который постоянно встречается в восточной мифологии, и, как отметил Морис, не без оснований, поскольку он является собственным прекрасным потомством и содержит сокровища физического обучения. Цветок лотоса растет в воде среди широких листьев, а в его центре формируется семенной сосуд в форме колокола, пробитый сверху маленькими полостями, в которых развиваются его семена; отверстия в семенных камерах слишком малы, чтобы позволить семенам выйти, когда они созреют, поэтому они поглощают влагу и развиваются внутри нее, выстреливая как новые растения из того места, где они возникли; луковица сосуда служит матрицей, питающей их, пока они не станут достаточно большими, чтобы разорваться и освободиться, после чего они пускают корни везде, где их поместили. "Растение, таким образом, само по себе производящее себя, вегетирующее из своей собственной матрицы, возвращаемое в землю, было естественно принято в качестве символа производительной силы вод, над которыми действовал творческий дух Создателя, давая жизнь и растительность материи. Соответственно, мы находим его используемым во всех частях северного полушария, где существовала символическая религия, неправильно называемая идолопоклонством".

Дальнейшим примером того же основополагающего принципа является тот факт, что большинство божеств были парными; таким образом, у нас есть небо и земля, солнце и луна, огонь и земля, отец и мать и т. д. Фабер говорит: "Древние язычники почти во всех частях света были склонны символизировать мир яйцом, поэтому этот символ введен в космогонии почти всех народов, и даже среди тех, кто изучал мифологию, найдется немного людей, которым мирское яйцо не знакомо; оно является эмблемой не только земли и жизни, но и вселенной в ее самом большом масштабе". На острове Кипр до сих пор можно увидеть

гигантскую яйцеобразную вазу, которая, как предполагается, представляет собой мунданное или орфическое яйцо. Она сделана из камня, имеет тридцать футов в окружности, и на ней изображен скульптурный бык, эмблема производительной энергии. Предполагается, что оно обозначает созвездие Тельца, восход которого был связан с возвращением мистического оживляющего принципа.

Работа строителей курганов в этой стране широко известна, но, возможно, не так широко известно, насколько распространенным на этом континенте было использование символа змеи. Их останки разбросаны по всей стране от истоков Аллегейни в штате Нью-Йорк на запад до Айовы и Небраски, в значительной степени через долину Миссисипи и вдоль Саскуэханни до долины Вайоминга в Пенсильвании. Их можно встретить даже вдоль реки Святого Лаврентия; они также окаймляют берег Персидского залива от Флориды до Техаса. То, что они были возведены не для обороны, а для поэзии, совершенно очевидно; не зная точно, каким было правительство их строителей, можно предположить, что оно сочетало в себе как жреческие, так и гражданские функции, как это было много веков назад в Мексике. Великий Змеиный курган, о котором уже упоминалось, имел длину не менее 1000 футов; очертания его были совершенно правильными, а рот был широко открыт, как будто в процессе глотания или выбрасывания овальной фигуры, также сложенной из земли, самый большой диаметр которой составлял сто шестьдесят футов. Снова около Грэнвилла, штат Огайо, встречается форма аллигатора, в связи с которой было неопровержимое доказательство наличия алтаря. Недалеко от Тарлтона, штат Огайо, находится еще одно земляное сооружение в форме креста. Есть все основания полагать, что жертвоприношения совершались на алтарях, почти всегда найденных в этих курганах. Среди различных чучел животных, найденных в Висконсине, чаще всего встречаются курганы в форме змеи, а также круги, заключенные в пятиугольник, и курган с восемью излучающими точками, несомненно, изображающими солнце.

Казалось бы, во всех этих изображениях есть безошибочная отсылка к той форме ранней космогонии, в которой каждое оживление мирского яйца представляло собой реальный акт творения. В Японии это концептуальное яйцо аллегорически представлено гнездом-яйцом, плавающим на просторе воды, на фоне которого бьется луковица с рожками. У жителей Сандвичевых островов есть предание, что птица, которая у них является эмблемой божества, снесла яйцо на террикон, которое разорвалось само собой и таким образом породило острова. В Египте Кнеф изображался в виде змеи, выпускающей изо рта яйцо, из которого исходит божество Фта. В Библии часто встречаются упоминания о серафимах; Se Ra Ph - единственное число серафимов, означающее великолепие, огонь или свет. Он символизирует огненное солнце, которое под именем змеино-го дракона было уничтожено реформатором Езекией; или же он означает змею с крыльями и ногами, как это обычно изображалось в погребальных ритуалах.

Несомненно, Авраам принес с собой из Халдеи в Нижний Египет символы простых фаллических божеств. Упоминание в Библии о терафимах из семьи Иакова напоминает нам, что Терах - это имя отца Авраама, и что он был изготовителем изображений. Несомненно, терафимы были тем же, что и серафимы, то есть изображениями змей, и являлись домашними амулетами семитских поклонников Бога-Солнца, для которых змея была священна. В Числах, 21, символ змея в Исходе называется серафимом; более того, когда народ был укушен огненным змеем, Моисей молился за них, и Иегова ответил: "Сделай им огненного змея (буквально серафима) и поставь его на шесте, и будет так, что всякий

укушенный, взглянув на него, останется жив". Точное значение этой исцеляющей фигуры змея еще предстоит выяснить.

В этой связи следует также вспомнить, что в некоторых семитских языках один и тот же корень обозначает и змею, и фаллос, которые являются солярными эмблемами. Кронос из древней орфической теогонии, вероятно, идентичный Гераклу, был представлен под смешанной эмблемой льва и змеи, а часто и в виде одной только змеи. Первоначально он считался верховным, о чем свидетельствует то, что его называли Ил, что совпадает с древнееврейским Эль, которое, по словам святого Иеронима, было одним из десяти имен Бога. Дамасий в своей жизни Исидора упоминает, что Кроносу поклонялись под именем Эль. Брам, Кронос и Кнеф представляли собой мистический союз взаимного или активного и пассивного регенеративного начала.

Семитское божество Сет, несомненно, было змеиным богом и может быть отождествлено с Сатурном и божествами других народов. Общее имя Бога, *Элоах*, у евреев и других семитов восходит к древнейшим временам; Брайант утверждает, что Эль был первоначальным именем верховного божества у всех народов Востока. Он был тем же, что и Кронос, который, в свою очередь, был первобытным Сатурном. Таким образом, Сатурн и Эль были одним и тем же божеством и, подобно Сету, символизировались змеем.

На западном континенте это великое единство было признано в равной степени: в Мексике как Теотль, в Перу как Варикоча или Душа Вселенной, в Центральной Америке и Юкатане как Стуна Ку, или Бог Богов. Мирское яйцо повсеместно воспринималось как символ изначальной, пассивной, неорганизованной бесформенной природы, а позже стало ассоциироваться с другими символами, обозначающими творческую силу или витализирующий флюенс, который часто изображался в эмблеме в виде быка. В пантеоне ацтеков все остальные боги и богини были практически модифицированными олицетворениями этих двух принципов. В более простой мифологии Перу эти принципы принимали форму Солнца, а Луна - его жены. Среди руин Уксмаля сохранились две длинные массивные стены из камня толщиной в тридцать футов, внутренние стороны которых украшены скульптурой, содержащей фрагменты колоссальных переплетенных змей, которые тянутся по всей длине стен; в центре стены находилось большое каменное кольцо.

В летописях мексиканцев женщина, чье имя старые испанские писатели переводили как "Женщина нашей рыбы", всегда изображается в сопровождении огромного змея-мужчины. Этот змей - Бог-Солнце, главное божество мексиканского пантеона, а имя, которое они дают богине-матери первобытного человека, означает "Женщина-змея".

Со змеей как фаллической эмблемой неразрывно связаны и пирамиды, а, как известно, пирамиды изобилуют в Мексике и Центральной Америке. Как заметил Гумбольдт много лет назад, пирамиды существовали по всей Мексике, в лесах Папанты на небольшом расстоянии над уровнем моря; на равнинах Чолулы и Теотиуакана, причем на высоте, превышающей перевалы Альп. В самых разных странах, в самом разном климате человек, похоже, принял один и тот же стиль строительства, одни и те же украшения, одни и те же обычаи и поставил себя под управление одних и тех же политических институтов. Майер, описывая одну из своих поездок, говорит: "Я постоянно видел змей в городе Мехико, высеченных на камне и в различных коллекциях древностей". Символическая пернатая змея отнюдь не была свойственна Мексике и Юкатану. Сквайр встречал его в Никарагуа на вершинах вулканических хребтов; даже среди наших исторических индейских племен, например, среди ленни-ленапе, они называли гремучую змею "дедушкой" и делали ей подношения

табака. Более того, в большинстве индейских преданий о Маниту великая змея фигурирует наиболее ярко.

Часто отмечалось, что каждая черта религии нового мира, открытого Кортесом и Писарро, указывает на общее происхождение суеверий обоих континентов, ведь мы имеем то же поклонение солнцу, те же пирамидальные монументы и то же всеобщее почитание змеи. Таким образом, становится ясно, что символ змеи был широко распространен как на этом, так и на другом континенте, а также среди нецивилизованных и полуварварских рас; что он широко вошел во все символические представления с почти универсальным значением. Возможно, последние свидетельства устойчивости этой веры можно увидеть в традиции, приписывающей Святому Патрику заслугу в изгнании всех змей с ирландской земли; или в увековечивании обрядов, праздников и представлений, чье устаревшее происхождение теперь забыто. Например, ежегодный праздник Майского дня, почти уже прекращенный, несомненно, имеет такое происхождение, но мало кто из тех, кто в нем участвует, знает, что он является лишь продолжением весеннего солнечного праздника Ваала, и что украшенный гирляндами майский столб в древности был фаллической эмблемой. Среди людей моего ремесла традиции Эскулапия хорошо знакомы. Однако Эскулапий неразрывно связан с мифом о змее, и на статуях и изображениях он почти всегда представлен в связке со змеей. Так, его можно увидеть с Кадуцеем или крылатым жезлом, переплетенным двумя змеями, или, иногда, со змеиными телами, обвитыми вокруг его собственного; но редко когда он обходится без какой-либо змеиной эмблемы. Более того, Кадуцей идентичен простой фигуре Креста, с помощью которого его изобретатель Тот, как говорят, символизировал четыре элемента, исходящие из общего центра. В связи с крестом интересно и то, что во многих местах на Востоке поклонение змеям не было сразу уничтожено с приходом христианства. Например, гностики среди христианских сект объединили его с религией Креста, о чем могут свидетельствовать многочисленные цитаты из религиозных писателей. Змея, цепляющаяся за Крест, использовалась как символ Христа, и форма христианского поклонения змеям долгое время была в моде среди многих, помимо исповедующих Офитов. Во время празднования вакхических мистерий тайна религии, как обычно во всем мире, была спрятана в сундук или ящик. У израильтян был их священный ковчег, и у каждого народа был какой-то священный сосуд для священных вещей и символов. Поклонники Вакха несли в своих освященных корзинах тайны своего бога, а после пира было принято передавать по кругу чашу, которая называлась "Чаша доброго демона", символом которой была змея. Это было задолго до учреждения обряда Тайной вечери. Хорошо известна басня о способе, которым бог Эскулап был доставлен из Эпидавра в Рим, и о змеевидной форме, в которой он появился перед прибытием в Рим, чтобы предотвратить страшную моровую язву. Змеевидная колонна, которая до сих пор стоит на старом ипподроме в Константинополе, несомненно, является реликтом поклонения змеям, хотя этот факт не был оценен Константином, когда он устанавливал ее.

Не стоит упускать из виду и значение Ковчега. Во-первых, Ною было велено взять с собой в ковчег животных всех видов. Но этот исторический абсурд, прочитанный правильно и в его истинном фаллическом смысле, означает, что ковчег был священной Аргхой индуистской мифологии, которая, как и луна в зороастрийских учениях, несет в себе зародыш всего сущего. Прочитанная в этом смысле вещь уже не кажется непостижимой. Как в начале Элохим создал небеса и землю, так и в ковчеге были сохранены семена всех вещей, чтобы они могли вновь заселить землю. Таким образом, Ноев ковчег или Осирис, первобытный корабль, управление которым приписывалось различным мифологическим существам, на самом деле был Луной или Кораблем Солнца, в котором, как предполагается, его семя было спрятано до тех пор, пока оно не вырвется наружу в новой жизни и силе. Но голубь, который

так часто фигурирует в библейской легенде, был посвящен Венере во всех ее различных именах, в Вавилоне, в Сирии, в Палестине и в Греции; он даже присутствовал на Янусе в его Путешествии за Золотым руном. Так и история о походе Ионы в Иоппию, морской порт, где поклонялись Дагону, богу рыб, и о большой рыбе имеет подозрительное отношение к тому же культу, поскольку рыба почиталась в Иоппии так же, как голубь в Ниневии.

Отделить змею и поклонение змеям от Эскулапия оказалось невозможно. И не потому, что это мифологическое божество, как предполагается, было основателем моей профессии, а потому, что ему во все времена придавали змеиную форму и он, по-видимому, был в самых близких отношениях с животным. Павсаний, действительно, уверяет нас, что он часто появлялся в змеином облике, а римские граждане двухтысячелетней давности видели в этом боге "в рептильном облике объект высокого уважения и поклонения". Когда в соответствии с оракулом этому божеству было предложено сделать Рим своим домом, он, как представляется, сказал:

"Я пришел, чтобы покинуть свою святыню;

Этот змеиный вид, что с честолюбивой игрой

Мой посох окружает; отметьте его со всех сторон;

Его облик, хоть больше, благородней, я приму,

И, изменившись, как должно богу, принесу помощь Риму".

(Овидий: Метаморфозы XV).

Когда в свое время этот спасительный змей прибыл на остров в Тибре, он начал принимать свой естественный облик, каким бы он ни был;

"И вот уже не скорбит унылый город,

Радость снова восстановлена, и здоровье возвращается".

Учитывая тесную связь между основателем медицины и змеей, вам не покажется странным, что миф о змее вызывает живой интерес у каждого студента, изучающего историю медицины.

Поклонение змеям, по-видимому, долгое время сохранялось в Италии, так как уже в 1001 году бронзовая змея на базилике святого Амброза была объектом поклонения. Де Губернатис говорит о ней: "Одни говорят, что это был змей Эскулапия, другие - Моисея, третьи - что это образ Христа; для нас достаточно отметить, что это была мифологическая змея, перед которой миланские матери приносили своих детей, страдающих от глистов, чтобы облегчить их состояние", - практика, которая была окончательно пресечена Сан-

Карло. Кроме того, до недавнего времени в маленькой горной церкви недалеко от Неаполя существовал так называемый змеиный фестиваль, во время которого участники носили вокруг себя змей, а цель фестиваля заключалась в том, чтобы уберечь участников от яда и внезапной смерти и принести им удачу. (Созинский).

Власть солнца над здоровьем и болезнями была давно признана в старом халдейском гимне, в котором к солнцу обращаются следующим образом:

"Ты своим приходом исцели род человеческий;

Заставь луч здоровья сиять на нем;

Излечи его болезнь".

Вероятно, какое-то чувство, схожее с тем, что было озвучено таким образом, породило следующий прекрасный отрывок из Малахии (4:2):

"Солнце правды взойдет с исцелением на крыльях своих".

Как чисто медицинский символ змея символизирует благоразумие; давным-давно людям было предписано быть "мудрыми, как змеи", а также безвредными, как голуби. В Индии змея до сих пор считается символом всех видов обучения. У нее есть и другое медицинское значение, а именно *выздоровление*, для которого есть некоторые основания в замечательной перемене, которую она претерпевает каждую весну от состояния вялости к активной жизни.

Согласно Фергюсону, опыт Моисея и детей Израиля с медными змеями привел к первому зафиксированному поклонению змее, что также примечательно, поскольку причиной этого поклонения, как говорят, была присущая ей целительная сила. Прототипом медной змеи Моисея в поздние времена стал Добрый Гений, *Агатодемон* греков, к которому всегда относились с величайшей благосклонностью и обычно наделяли значительной властью над болезнями.

Суеверная тенденция рассматривать болезнь и смерть как визит более или менее капризной силы, наделенной сверхъестественными полномочиями, сохраняется и по сей день. Например, в епископальном сборнике общих молитв в чине посещения больных говорится: "Итак, какова бы ни была болезнь твоя, знай, что это Божие посещение", а для облегчения состояния больного в молитве формулируется следующая мысль: "Господи, призри с небес, виждь, посети и облегчи сих рабов Твоих", тем самым озвучивая те самые идеи, которые были актуальны среди различных народов далекой древности и исключая всякую возможность существования такой вещи, как регулирование болезни или санитарная медицина.

IV

ЯТРО-ТЕУРГИЧЕСКИЙ СИМВОЛИЗМ [4]

Как только улеглось чувство удивления, вызванное самым неожиданным приглашением обратиться к вам сегодня вечером, я сразу же начал искать тему, которой я мог бы попытаться заинтересовать вас, чтобы оправдать высокий и ценный комплимент, который это приглашение немым укором выражало. И вот, после долгих размышлений, мне показалось, что, пожалуй, было бы неплохо, чтобы медиков, даже на таком собрании, как это, развлекали чем-то, что если и не относится к профессии, то, по крайней мере, *предназначено для нее*, и при этом не слишком удалено от целей, которые привлекли нас вместе. Поэтому я решил отказаться от проторенного пути и вместо того, чтобы выбрать тему в патологии или хирургии, по которой я мог бы говорить с некоторым знанием дела, предложить вашему вниманию предмет, который всегда представлял для меня наибольший интерес, но по которому было трудно, без большого труда и многочисленных книг, получить много информации. Если бы я попытался сформулировать эту тему под каким-то определенным названием, то, пожалуй, назвал бы ее *медико-христианским* символизмом. Ученым хорошо известно, что практически все символы и символика христианства пришли из языческих источников, будучи перенесены, как можно сказать, через линию христианской эры, от одного к другому, самым естественным и неизбежным образом, хотя большинство этих символов и карикатур в большей или меньшей степени утратили свое первоначальное значение и получили другое, чисто христианское.

Признать, что это так, - не значит бросить кляuzu на христианство; это просто констатация исторического факта. Я бы слишком отклонился от своей цели, если бы стал вдаваться в причины, которые привели к этому изменению; я просто хочу отказаться от намерения придать серьезности серьезным вещам или каким-либо образом отразиться на благородстве христианской церкви, ее значениях или ее нынешней практике. Но, принимая тот исторический факт, что христианские символы изначально были языческими карикатурами, я хочу попросить вас немного изучить вместе со мной первоначальное значение этих языческих символов, чувствуя, что я, возможно, смогу заинтересовать вас в таком исследовании, если смогу показать, что почти все эти эмблемы изначально имели по сути медицинское значение, так или иначе относясь либо к вопросам здоровья и болезни, либо к более глубокому вопросу происхождения человечества и великих генеративных сил природы, которым врачи сегодня удивляются так же сильно, как и две тысячи лет назад. Учитывая медицинское значение такого исследования, я был склонен обвинить себя в педантизме и придумал термин "*ятро-теургический символизм*", который я дам эссе, которое я представлю вам сегодня вечером.

Как говорит Инман, "современные люди, не посвященные в священные мистерии и знающие только эмблемы, считающиеся священными, нуждаются в анатомических знаниях и физиологии, прежде чем смогут понять значение многих знаков". Итак, эмблемы или символы, на которые я буду особо ссылаться, - это *Крест, дерево и роща, рыба, голубь и змея*. И прежде всего Крест, о котором сложились весьма ошибочные представления. Его повсюду видят либо как предмет личного или церковного украшения, либо как архитектурную особенность, и везде преобладает впечатление, что это исключительно христианский символ. Однако это грубейшее заблуждение, поскольку мир изобилует крестообразными символами и памятниками, существовавшими задолго до появления христианства. Иначе обстоит дело с Распятием, которое, конечно же, является абсолютно христианским символом. Изображение мертвеца, распростертого на кресте, - чисто христианское дополнение к чисто языческой эмблеме, хотя некоторые старые индуистские

кресты напоминают о ней очень сильно. На какой бы континент мы ни заглянули, везде мы видим один и тот же крестообразный знак у самых разных народов и рас. Пожалуй, никогда еще не было столь универсального символа, за исключением змеи. Более того, крест является своего рода интернациональной чертой, о нем говорят в своих модификациях как об Андреевском, Георгиевском, Мальтийском, Греческом, Латинском и т.д. Вероятно, из-за своей крайней простоты века почти не изменили его форму, и безделушка современного ювелира - это практически тот же знак, который древний египтянин начертал на ткани мумии своего священного покойника. Таким образом, выясняется, что тень Креста была отброшена далеко в ночь веков. Дрииды освящали свой священный дуб, вырезая из него форму креста, а когда естественная форма дерева оказывалась недостаточной, его вырезали по частям, как того требовал случай. Когда испанцы вторглись на этот континент, они были поражены, обнаружив повсеместное использование крестного знамения. Именно благодаря общности этой эмблемы между двумя народами испанцы были приняты менее воинственно, чем это могло бы произойти в противном случае.

То, что Крест изначально был фаллической эмблемой, доказывается, в частности, происхождением так называемого Мальтийского креста, который первоначально был высечен из цельного гранита и представлял собой четыре огромных фаллоса, исходящих из общего центра, которые впоследствии были изменены рыцарями Святого Иоанна Мальтийского на четыре треугольника, встречающихся в центральном глобусе; таким образом, мы видим сочетание символа вечной и эмблемы постоянно обновляющейся жизни. Причина, по которой Мальтийский крест имел столь явное фаллическое происхождение и почему рыцари Святого Иоанна сочли нужным сделать из него нечто более пристойное, неясна, но изучение ассирийских древностей времен Ниневии и Вавилона показывает, что он обозначал четырех великих богов ассирийского пантеона и что при должном подходе обозначал солнце, управляющее и землей, и небесами. Шлиман обнаружил множество примеров этого знака на вазах, которые он извлек из руин Трои.

Но, вероятно, самым примечательным из всех крестов является тот, который очень часто встречается на египетских памятниках и известен как *Crux-Ansata*, то есть ручной крест, состоящий из обычного греческого *tau* или креста, с кольцом на вершине. Когда египтянина спросили, что он подразумевает под этим знаком, он просто ответил, что это божественная тайна, и таким он в основном и остался с тех пор. Его постоянно видели в руках Исида и Осириса. Почти в таком же виде его нашли испанцы, когда впервые прибыли на этот континент. Туземцы говорили, что он означает "Грядущая жизнь".

В Британском музее в ассирийских галереях можно увидеть каменные чучела некоторых царей, на шеях которых висят скульптурные мальтийские кресты, такие, которые католики называют нагрудным крестом. В Египте задолго до Христа священный ибис изображался с человеческими руками и ногами, держа в одной руке посох Исида, а в другой - крест. Древнеегипетские астрономические знаки планет содержали множество крестов. Сатурн изображался крестом на роге барана, Юпитер - крестом под рогом, Венера - крестом под кругом (практически *Crux-Ansata*), Земля - крестом внутри круга, Марс - кругом под крестом; многие из этих знаков используются и сегодня. Между буддийскими крестами Индии и крестами римской церкви есть удивительное сходство; первые часто помещались на Голгофу, как это принято у католиков в наши дни. Крест встречается среди иероглифов Китая и на китайских пагодах, а также на лампах, которыми они освещали свои храмы. На древних финикийских медалях были начертаны Крест, Розарий и Агнец. В Англии уже давно существует обычай есть в Страстную пятницу так называемые булочки с горячим крестом: это не более чем репродукция пирога с крестом, который в языческих храмах приносили в

жертву змею и быку, а также человеческим идолам. Он делался из муки и молока или масла и часто съедался с большой церемонией жрецами и народом.

Возможно, самой древней из всех форм креста является крестообразный молот, известный иногда как боевой топор Тора. В таком виде он почитался героями Севера как магический знак, препятствующий власти смерти над теми, кто его носил. До сих пор женщины Индии и некоторых районов Африки используют его для обозначения табу, с помощью которого они защищают свою собственность. Утверждается, что это был знак, который пророку было велено нанести на лбы верующих в Иудее (Иез. 9:4). (Иезекииль 9:4).

Он интересен еще и тем, что это почти последний из чисто языческих символов, сохранившийся в религиозном отношении в Европе еще долгое время после принятия христианства, поскольку до конца Средневековья цистерцы носили его на своем посохе. Его можно увидеть на колоколах многих приходских церквей, где он помещался в качестве магического знака, призванного усмирить злобный дух бури.

Изначально крест, независимо от его формы, имел только одно значение: он олицетворял творческую силу и вечность. В Египте, Ассирии и Британии, в Индии, Китае и Скандинавии он был эмблемой жизни и бессмертия; на этом континенте он был знаком свободы от страданий, и везде он символизировал воскрешение и грядущую жизнь. Более того, исходя из его общего сочетания с йони или женской эмблемой, мы можем заключить, как и Инман, что древний крест был эмблемой веры в Творца-мужчину и метода, с помощью которого было инициировано творение.

Рядом с Крестом *Древо Жизни* египтян представляет собой, возможно, самый древний и универсальный символ бессмертия. Дерево, вероятно, является наиболее общепринятым символом жизни и считается наиболее подходящим. Особенно высокое место в этом отношении занимала смоковница. От нее боги и святые люди возносились на небо; перед ней поклонялись и приносили жертвы тысячи бесплодных женщин; под ней просветлялись благочестивые отшельники, а растирая вместе кусочки ее древесины, черпали священный огонь с небес.

Анонимный католический писатель заявил: "Ни одна религия не основывается на международном разврате". В поисках истоков жизни люди остановились на самой ранней точке, к которой они могли ее отследить, и возвеличили репродуктивные органы в символы Творца. Эта практика, по крайней мере, была рассчитана на то, чтобы вызвать уважение к той стороне природы, которая в условиях исключительно духовного режима могла быть низведена до уровня неоправданного презрения. * Даже сам Моисей отступил от нее, когда, уступая насущной необходимости, дал санкцию на поклонение змеям, водрузив медного змея на шест или крест, поскольку все части этой конструкции представляли собой наиболее общепризнанный символ секса в мире".

Как совершенно соответствующее древнему учению о том, что божество одновременно является и мужчиной, и женщиной, приводим эту мысль у Прокла, который среди прочих орфических стихов цитирует следующее:

"Юпитер - мужчина; Юпитер - также бессмертная дева"; в том же комментарии мы читаем, что "Все вещи были заключены в чреве Юпитера".

В связи с этим было принято изображать Юпитера в виде женщины, иногда с тремя головами; часто фигура рисовалась со змеей и почиталась под символом огня. Тогда его

называли Митрой и поклонялись ему в тайных пещерах. Обряды этого культа были хорошо известны римлянам.

Гермафродитный элемент религии - поклонение полу; боги называются "он-она"; Синезий приводит надпись на египетском божестве: "Ты - отец и ты - мать; ты - мужчина и ты - женщина". Ваал был неопределенного пола, и его приверженцы обычно обращались к нему так: "Выслушай нас, бог ты или богиня". Теплолюбые, похоже, делали своих богов гермафродитами, чтобы выразить как генеративную, так и плодovitую силу своих божеств. Я сам слышал, как один из лучших ныне живущих ученых-индуистов, перешедший в христианство, обращался к Богу христианской церкви и как к отцу, и как к матери.

Самой значительной и отличительной чертой культа природы, безусловно, были фаллические эмблемы. В свете древних времен это просто аллегорически представляло тот таинственный союз мужского и женского начала, который кажется необходимым для существования одушевленных существ. Если с течением времени он печально деградировал, мы можем оплакивать этот факт, не теряя, тем не менее, из виду чистоту и возвышенный характер первоначальной идеи. О его широкой распространенности есть множество доказательств, поскольку памятники, свидетельствующие о таком поклонении, разбросаны по обоим континентам и обнаружены в Египте, Индии, Ассирии, Западной Европе, Мексике, Перу, Хайти и на островах Тихого океана. Несомненно, изначально генеративный акт рассматривался как торжественное таинство в честь Творца. Как утверждает Найт, непристойные идеи, которые позже были прикреплены к нему, как это ни парадоксально, были результатом того, что более развитая цивилизация шла к своему упадку, как мы видим в Риме и Помпеях. Вольтер, говоря о фаллическом поклонении, говорит: "Наши представления о приличиях заставляют нас предположить, что церемония, которая кажется нам столь позорной, могла быть изобретена только развратом, но невозможно поверить, что развращенность нравов когда-либо приведет какой-либо народ к установлению религиозных церемоний. Напротив, вполне вероятно, что этот обычай был впервые введен во времена простоты, и что первой мыслью было почтить божество в символе жизни, который оно нам дает".

Так называемый еврейский обряд обрезания практиковался у египтян и финикийцев задолго до рождения Авраама. Он имел ярко выраженное религиозное значение, являясь знаком Завета, и был патриархальным обрядом, поскольку его всегда совершал глава семьи. Действительно, на основании Веды мы узнаем, что так было даже среди первобытных арийских народов.

Позднее, как отмечает Паттерсон, непристойные методы стали главной чертой народного суеверия, а в последующие времена даже расширились и смешались с мрачными обрядами и кровавыми жертвоприношениями. Мистерии Цереры и Вакха, отмечавшиеся в Элевсисе, были, вероятно, самыми знаменитыми из всех греческих праздников. Вакх был добавлен сравнительно поздно, и это имя Вакха сначала писалось как *Iacchos*; первая половина, *Iao*, была, по всей вероятности, связана с *Iao*, который появляется в Юпитере или *Jovispater*, и с еврейским *Yahve*, или *Jehovah*. Джао был богом урожая и, следовательно, богом винограда, отсюда его близкое родство с Вакхом. Насколько полно эти элевсинские мистерии переросли в вакхические оргии, конечно, известно из письменной истории.

Я еще не упоминал о почитании рыбы как фаллической эмблемы и как христианского символа. Предположение о том, что причина, по которой рыба играла столь большую роль в раннехристианской символике, заключалась в том, что каждая буква греческого слова

Ichthus могла стать началом слов, которые при полном написании читаются как Иисус Христос, Сын Божий и т. д., является слишком надуманным; хотя, конечно, это схоластический трюк - жонглировать словами таким образом, а не искать для них правильное обозначение.

Среди египтян и многих других народов этому животному оказывалось величайшее почтение. Среди туземцев реки, в которых они водились, считались более или менее священными; простые люди не питались ими, а жрецы никогда не пробовали их, из-за их предполагаемой святости, хотя иногда им поклонялись как настоящим божествам. В их честь называли города и строили им храмы. В разных частях Египта поклонялись разным рыбам по отдельности; греческие комедианты даже высмеивали египтян из-за этого факта. Дагон фигурирует как бог-рыба, а женское божество, известное в Египте как Атор, несомненно, то же самое, что Афродита у греков и Венера у римлян, которые, как считалось, вышли из моря. Лукиан говорит нам, что это поклонение было очень древним; каким бы странным ни казалось это идолопоклонство, оно все же было самым распространенным и включало в себя также почитание, которое египтяне, до Моисея, оказывали реке Нил.

Важно помнить, что Нун, имя отца Иисуса Навина, - это семитское слово, означающее "рыба", а фаллический характер рыбы в халдейской мифологии не может быть отрицательным. Ним, планета Сатурн, была богом-рыбой Бероса, а также ассирийским богом Асхуром, чье имя и должность поразительно похожи на имя и должность древнееврейского вождя Иисуса Навина.

В соответствии с древним фаллосом или лингамом, который был мужским фаллическим символом, мы имеем Ктейс или Йони как символ женского принципа; но эмблему аналогичного значения часто можно встретить в форме раковины, фигового листа или буквы дельта, как это часто можно видеть на древних монетах и памятниках. В другие времена подобные атрибуты выражались птицей, например голубем или воробьем, что сразу же заставляет вспомнить о том, что в басне о Ное и ковчеге голубю отводится особое место. Снова обращаясь к символу рыбы, скажу, что голова Прозерпины очень часто изображается в окружении дельфинов, иногда - гранатов, которые также имеют фаллическое значение. В самом деле, Инман в своей работе "Древние верования" говорит о гранате: "Форма этого фрукта очень похожа на форму матки у женщины, а обилие семян, которые он содержит, делает его подходящей эмблемой плодородного чрева небесной матери. Это растение было широко использовано в различных формах поклонения; оно было объединено с колокольчиками в украшении одеяний еврейского первосвященника; оно было введено в качестве украшения в Храм Соломона, где оно было объединено с лилиями и лотосом".

Его тайное значение, несомненно, фаллическое. На самом деле, как утверждает Инман, идея мужественности была тесно переплетена с религией, хотя английские египтологи и замалчивают часть фактов в истории, которую они преподнесли миру; а практика, которая до сих пор существует среди некоторых негров Северной Африки, калечащих каждого пленного и убитого врага мужского пола, является продолжением практики, упоминаемой во 2-й Книге Царств, 20:18, Исаии, 39:17, и 1-й Царств 18:26.

Часто в Священном Писании мы находим упоминания о столпе как о священной эмблеме, как, например, в Исаии 19:19: "В тот день будет жертвенник Господу посреди земли Египетской и столп на границе ее для Иеговы" и т. д. Более того, предполагалось, что Бог явился своему избранному народу в виде *огненного столпа*. Тем не менее, когда среди идолопоклоннических народов устанавливались *столбы* как часть их обрядов, мы находим

их в Писании как *мерзость*, как, например, Втор. 12:3: "Вы должны ниспровергнуть жертвенники их и разбить столбы их"; Левит. 26:1: "И не воздвигайте стоящего изображения".

Среди евреев столб имел такое же значение, как пирамида у египтян или треугольник или конус у приверженцев других культов. Вавилонская башня, должно быть, была чисто мифическим творением, но в том же направлении. Хотя Авраам, как считается, эмигрировал из Чал деа в качестве несогласного с религией своей страны (см. Иисус Навин 24:2-3), его ближайшие потомки, очевидно, прибегали к символам, на которые я уже ссылался. Так, он воздвигал алтари и ставил столбы везде, где жил, и приводил своего сына в землю Мориа, чтобы принести его в жертву божеству, как это делалось у финикийцев. Иепта таким же образом принес в жертву свою дочь Мизпех, а храм Соломона, как предполагается, был построен на месте древнего алтаря Авраама. Иаков не только установил столб на месте, которое он назвал Вефилем, но и совершал возлияния; Самуил поклонялся на высоком месте в Раме, а Соломон - у Большого камня в Гибеоне. Езекии оставалось изменить весь древнееврейский культ. Он убрал дионисийские статуи и фаллические столбы, а также конические и омфаллические символы Венеры и Аштарот, разбил на куски медного змея Моисея и сверг курганы и жертвенники. После него Иосия удалил атрибуты поклонения солнцу и уничтожил статуи и эмблемы Венеры и Адониса (2-я Царств, 23:4-20).

Греческий Гермес был идентичен египетскому Хему, а также Меркурию и Приапу, также как и еврейский Элоах; таким образом, когда Иаков заключил завет с Лабаном, своим тестем, был поставлен столб и сделана куча камней, и заключен определенный договор; подобные знаки земли были обычными у греков и ставились ими на общественных дорогах.

Как замечательно сказала миссис Чайлдс, "другие эмблемы, которые индусы считают священными и которым поклоняются в своих храмах, навлекают на себя обвинения в грубом неприличии. * * * Если свет с его великими открытиями и тепло, делающее землю плодородной и прекрасной, вызывали удивление и поклонение у первых обитателей нашего мира, то странно ли, что они с таким же благоговением относились к великой тайне человеческого рождения? Были ли они нечисты, чтобы так относиться к ней? Или *мы* нечисты, *если не* относимся к ней так?"

Констан в своей работе о римском политеизме говорит: "Непристойные обряды могут совершаться религиозными людьми с величайшей чистотой сердца, но когда среди этих народов утвердилось неверие, тогда эти обряды становятся причиной и предлогом для самого отвратительного разврата".

Фаллический символ всегда присутствовал в храмах Сивы, который соответствовал Ваалу, и обычно помещался, как и самые драгоценные эмблемы наших христианских храмов в наши дни, в каком-нибудь глубоком углублении святилища. Кроме того, перед ним горели светильники с семью ветвями, которые давно предшествовали золотому подсвечнику Моисеевой скинии. Иудеи ни в коем случае не избежали объективных свидетельств фаллического поклонения; в Иезекииля 16:17 есть очень заметный намек на изготовление еврейскими женщинами золотых и серебряных фаллосов.

Как чисто фаллический символ и обычай отмечено значение некоторых суеверий и обычаев, даже сейчас распространенных в Великобритании. Так, в книге Бойласа "История Корнуолла" () говорится, что в приходе Мардон есть камень с отверстием в четырнадцать дюймов в диаметре, через которое многие люди пролезают для облегчения болей в спине и

конечностях, а также через которое протаскивают детей, чтобы вылечить их от рахита, что является практическим применением доктрины возрождения. В 1888 году в газете London Standard было напечатано большое упоминание о прохождении детей через расщелины в деревьях в качестве лечебного средства при некоторых физических заболеваниях. Такая же практика преобладает в Бразилии и во многих других местах, а среди нынешнего поколения принято расщеплять молодой ясень и, открывая его, пропускать через него ребенка с целью лечения разрыва или какого-либо другого телесного недуга.

Фаллический элемент, безусловно, нельзя отрицать и в самом христианстве, поскольку в нем есть множество отсылок, которые для посвященных безошибочны. От грехопадения человека с его мифом о змее и его фаллической основой до особого положения, отведенного Деве Марии как матери, - фаллические ссылки изобилуют. Однако не стоит забывать, что какими бы ни были первобытные идеи, на которых основывались эти догмы, они были утеряны или восприняты в новом аспекте основателями христианства. Рыба и крест первоначально олицетворяли идею порождения, а позже - жизни, и в этом смысле они были применены к Христу. Наиболее явным фаллическим изображением, используемым в раннехристианской иконографии, несомненно, является *ауреол* или эллиптическая рама, содержащая обычно фигуру Христа, иногда Марии. Нимб также, обычно круглый, но иногда треугольный, имеет положительное фаллическое значение, даже если он содержит внутри себя имя Иеговы. Цветы солнца, которые иногда окружают фигуру Иоанна Евангелиста, - это цветы лотоса у египтян. Божественная рука с вытянутыми большим и двумя пальцами, даже если она покоится на крестообразном нимбе, является фаллической эмблемой и используется современными неаполитанцами для отвода дурного глаза, хотя изначально она была символом Исиды. Действительно, Дева Мария - это древняя Исида, что можно легко установить, так как Дева "преемствовала ее форму, титулы, символы, обряды и церемонии". (Кинг). Великий образ все еще движется в процессии, как тогда, когда Ювенал смеялся над ним, и ее надлежащий титул является точным переводом санскрита и эквивалентом современной Мадонны, Лотоса Изиды и Лилии современной Марии. Действительно, как писал Кинг, "поразительно, как много египетской символики перешло в обиход последующих времен". Высокий колпак и крючковатый посох бога стали епископской митрой и козлом. Термин "монахиня" - чисто египетский и имел свое нынешнее значение. *Cruх Ansata*, свидетельствующий о соединении мужского и женского начала самым очевидным образом и обозначающий плодородие и изобилие, путем простой инверсии превращается в сферу, увенчанную крестом, знак королевской власти.

Учение Римской церкви о Деве Марии обнаруживает удивительное сходство с учениями древних о женском помощнике триединого божества. В древности она носила много разных имен; она была Девой, зачинающей и рождающей от присущей ей силы; она была женой Нимрода; она была известна как Атор, Артемида, Афродита, Венера, Исида, Кибела и т. д.

Как Анаитис она является Матерью и Младенцем, вновь появляясь в образе Исиды и Гора; даже в древней Мексике поклонялись Матери и Младенцу. В наше время она вновь появляется как Дева Мария и ее Сын; она была королевой плодородия, королевой богов, богиней войны, Девой Зодиака, таинственной Девой "Времени", из чрева которой рождалось все сущее. Хотя ее представляли по-разному, обычно она изображалась в виде более или менее обнаженной фигуры, несущей на руках младенца. (Инман, "Древние верования").

Инман без колебаний заявляет, что троица древних, несомненно, имеет фаллическое происхождение, а другие упорно утверждают и, по-видимому, доказывают, что мужская

эмблема порождения в божественном творении была три в одном, и что женской эмблемой всегда был треугольник или принятый символ троицы. Иногда два треугольника объединялись, образуя шестилучевую звезду, что символизирует соединение мужского и женского начал, порождающее новую фигуру; сам по себе треугольник острием вниз символизирует дельту или йони, через которую все вещи приходят в мир.

Другим символом божества у индийцев был трезубец, и это свидетельствует о вере в Троицу, которая в целом преобладала в Индии среди индусов. Как говорит Морис, "было в высшей степени уместно и строго характерно, чтобы трехчастное божество владело тройным скипетром". На вершине огромных пирамид Деогура, которые были усечены и на верхней поверхности которых покоился круглый конус - эта древняя эмблема фаллоса и Солнца, - был найден трезубец-скипетр греческого Нептуна. Говорят, что в Индии была найдена самая древняя форма поклонения Троице. В Египте она впоследствии получила широкое распространение, но едва ли в двух государствах поклонялись одной и той же триаде, хотя все триады объединяло то, что они были отцом, матерью и сыном, или мужчиной и женщиной с их потомством. Со временем, однако, поклонение первому лицу было утрачено или поглощено вторым, и то же самое распространено среди современных христиан, поскольку многие церкви и учреждения посвящены второму или третьему лицу Троицы, но ни одно не посвящено первому.

Переход от старого к новому не мог быть осуществлен за короткое время и должен был быть очень медленным процессом, поэтому нас не должно удивлять, когда нам говорят о древнем культе, что после его исключения из больших мест он долгое время поддерживался жителями более скромных местностей; отсюда и его последующее название, поскольку из-за того, что поддерживался в деревнях, *паги*, его приверженцы, были названы *пагани*, или язычниками.

Даже сейчас некоторые из этих древних суеверий сохранились в узнаваемой форме. Предполагается, что луна оказывает проклятое или счастливое влияние в зависимости от того, как на нее посмотреть; мистический конский башмак, который является чисто маточным символом, все еще широко используется; счастливые и несчастливые дни все еще считаются; наши игральные карты обозначаются фаллическими символами, пика, триадная булава, омфаллическая валета и эминент, замаскированные под сердце и бубны. Дионисий вновь появляется как Святой Денис или во Франции как Святой Вакх; Сатана почитается как Святой Сатур или Святой Свитин; Святая Дева, Астрея, возвращение которой Вергилий предвещал как наступление Золотого века, теперь обозначается как Пресвятая Дева, Царица Небесная. Мать и дитя сегодня в католических странах почитаются так же, как Церера и Вакх, или Изиды и младенец Горус много веков назад. Сегодняшние христианские монахини - это монахини буддистов или египетских поклонников Исиды, и фаллический смысл не теряется даже в их случае, поскольку они - "невесты Спасителя". Возлияния человеческой крови, которые раньше приносили в жертву Вакху, нашли самое трагическое подражание в жертвоприношениях более поздних времен. Крики древних пророков Ваала и египетских поклонников предшествовали бичеваниям кающихся. Еще недавно во время Страстной недели в Риме верующие бичевали себя до крови, как это делали юноши в Древнем Риме во время Луперкалий. И до сих пор в Нью-Мексико индейские *кающиеся* повторяют жестокие порки и ношение креста, которым учит испанский священник, вплоть до распятия - иногда самого настоящего распятия. В древнеримских катакомбах найдены портреты утвари и мебели древних мистерий, а на одном рисунке изображена женщина, стоящая перед алтарем и предлагающая булочки какому-то богу. Фактически можно сказать,

что нет ни одного христианского поста или праздника, процессии или таинства, обычая или примера, которые не пришли бы совершенно естественно из предыдущего язычества.

На самом деле Творение является скорее *человеческим, чем божественным продуктом*, в том смысле, что оно было предложено разуму человека существованием вещей, в то время как его способ был, по крайней мере сначала, предложен действиями природы; так, человек увидел, как живая птица выходит из яйца после определенного периода инкубации, - явление, эквивалентное реальному творению в понимании его простого разума. Инкубация, очевидно, ассоциировалась с творением, и этот факт объясняет ту универсальность, с которой яйцо было принято в качестве символа в ранних системах космогонии. В результате аналогичного процесса творение стало символизироваться в виде фаллоса, и египтяне, усовершенствуя эти идеи, приняли в качестве символа первой великой причины скарабея, указывающего на великое гермафродитное единство, поскольку они считали это насекомое одновременно мужским и женским.

Дальнейшим примером того же основополагающего принципа является тот факт, что большинство древних божеств были парными, таким образом, мы имеем небо и землю, солнце и луну, огонь и землю, отца и мать, и т.д. Фабер говорит: "Древние язычники почти во всех частях света были склонны символизировать мир яйцом; поэтому этот символ введен в космогонии почти всех народов, и даже среди тех, кто изучал мифологию, найдется немного людей, которым не знакомо мирское яйцо; оно является эмблемой не только земли и жизни, но и вселенной в ее самом большом масштабе".

Я начал этот очерк с намерением продемонстрировать необычную, но положительную связь между символизмом современной Церкви и фаллическими и иатрическими культами дохристианских веков. (Многое из того, что содержится в предыдущем очерке (III), может быть с пользой прочитано в этой связи). Как скромный ученик того Эскулапия, который считается основателем нашего ремесла, я считал, что каждый истинный ученый в области медицины должен быть знаком с этими отношениями между прошлым и настоящим.

V ОТНОШЕНИЕ ГРЕЧЕСКИХ МИСТЕРИЙ К ОСНОВАНИЮ ХРИСТИАНСТВА

С тех пор как психика стала атрибутом человечества, человек осознал, что его окружает огромная непостижимая тайна, которая постоянно приближается к нему, и от окружения которой он никогда не сможет освободиться. Стремление разгадать эту тайну, с одной стороны, стимулирует его способность к рассуждению, а с другой - почти парализует ее. Не имея лучшего руководства, он во все времена приписывал Великой Первопричине силы и способности, даже форму, более или менее человеческую; таким образом, с незапамятных времен Бог или Боги были наделены царством, тронem, определенной формой и даже потомством. Ему или им придавались чисто человеческие атрибуты, и предполагалось, что они обладают человеческими страстями и способны на любовь, гнев, силу и т. д. Например, почти во все века молния считалась выражением божественной ярости. По мере развития интеллекта число богов сокращалось, а их проявления классифицировались и изучались

более или менее образно; и вот, хотя люди всегда признавали невозможность объяснить великие тайны творения и космоса, они сочли необходимым создать другие столь же непостижимые тайны чисто человеческого изобретения, такие как воплощение, троица, воскресение, заместительное спасение, метемпсихоз и тому подобное.

История показывает, что любовь к тайнам заразительна и плодотворна, и происхождение мистических учений, как и большинства тайных обществ, подтверждает эти утверждения. Тайны, охраняемые страшными клятвами, олицетворяемые бессмысленными эмблемами, скрытые либо на языке, непонятном для других, либо в терминах, особое значение которых известно только посвященным, привлекаемые особыми знаками, символами, невинными обрядами или варварскими обрядами, - все эти средства были предназначены исключительно для того, чтобы люди объединялись в группы с целью формирования пропаганды, призванной увековечить другие тайны, в которых посвященные были особенно заинтересованы. С начала истории подобные объединения людей существовали для самых разных целей, но всех их объединяло то, что только таким образом они могли обеспечить и сохранить влияние и власть.

Поэтому ряд картин, изображающих человека в этой роли, можно рассматривать как панораму: жрецы в гирляндах, несущие изображения Исиды, или трубящие гимны Деметре в Элевсисе, или друиды, готовящиеся к человеческим жертвоприношениям; за ними следуют сладострастные вакханки, за ними - пифагорейцы в белых одеждах; Далее могут идти страдающие эссены с крестами, затем латинские братства, за ними немецкие и английские гильдии, каменщики со своими орудиями, рыцари-крестоносцы, причем те, кто идут первыми, имеют вид действительного смирения и преданности, а те, кто следуют за ними, до некоторой степени надменны и презрительны. Затем следовали чернокудрые капитулянты и члены Общества Иисуса, ханжеские, с опущенными глазами, человеческие машины, просто инструменты в руках своих начальников; панорама продолжалась множеством ученых, ремесленников и людей всех сословий в различных регалиях, а завершалась неразличимым множеством разнообразно украшенных людей, одних стройных и толстых, других нездоровых, одних набожных и искренних, других просто шутов и кавалеров из всех слоев общества.

Вполне естественно и ожидаемо, что на первобытного человека произвели глубочайшее впечатление силы природы, часто ужасающие и пугающие, часто завораживающие и привлекательные, и что он должен склониться перед неизвестной причиной этих проявлений. Обладая крайне ограниченным разумом, он обязательно персонифицировал их; сделав это, он приступил к умиловлению их поклонением с помощью определенных форм ритуала. Возможно, огонь первым и больше всего привлек его таким образом и привлек к себе самые ранние акты поклонения, поскольку, несмотря на общепринятые мнения об обратном, огонь часто имеет естественное происхождение и должен был быть известен людям еще до того, как они стали способны производить его своими собственными усилиями. Переход от практических понятий к обобщенным был естественным шагом, и таким образом зародилась мифология; самые ранние различия были между тем, что находится над головой, то есть Небом, и тем, что находится под землей, а именно землей; это начало всех космогоний. Затем богам были даны половые атрибуты; Небо представлялось мужским, плодоносящим, могущественным, а Земля - женской и нежной. В результате их союза появились солнце, луна и их потомство - звезды. Позже солнце превратилось в Посейдона или Нептуна, потому что он появлялся из моря и исчезал в нем. Затем воображение стало буйствовать и породило множество отдельных божеств, богов и богинь, наделенных человеческими страстями и качествами, смешивающихся и размножающихся

по человеческому образцу, порождающих династии и получеловеческие расы, чьи деяния стали предметом бесчисленных эпосов, драм, мифов и романсов.

Так шло время, и первоначальный смысл или значение этих мифов, медленно передававшихся из уст в уста, утрачивался, в то время как сами мифы долгое время принимались за исторические факты. Тем не менее во все века находились люди, которые, подобно Аристотелю, Цицерону и Плутарху, подвергали сомнению точность этих утверждений и проявляли себя умными и активными скептиками. Однако во все эти времена хитрое ремесло священников жило и процветало за счет суеверий простых людей и практики, которой они потворствовали; для этих людей, таким образом обусловленных, любое активное сомнение рассматривалось как подрыв системы, которой они поддерживались, и как то, что не должно быть терпимым; это условие относится не только к античности, поскольку оно является слишком значительной чертой даже первых лет этого двадцатого века. Более или менее честное, хотя и дезинформированное священство во все времена выступало за очищение теологии, которая была в моде в их времена и среди их окружения, и в основном давало наиболее рационалистическое толкование тем непонятным вещам, которым они учили, и практиковало то, что позволяли их образование и среда. Но для того, чтобы сохранить мистерии, сохранить их как таковые и не дать им стать лишними, чтобы не сказать непереносимыми, эти же мистерии были обставлены мистицизмом, символизмом самого фантастического характера и аллегорией самого обескураживающего вида; кроме того, это часто достигалось драматическими представлениями и морализирующими или деморализующими церемониями. Странами, в которых эти "мистерии", как они были известны с тех пор, наиболее часто практиковались и в которые наиболее широко верили, были Египет, Халдея и Греция.

Истоки египетских мистерий, как и истоки египетской цивилизации, обнаружить сложнее всего. Нил неизбежно лежит в основе египетской истории, географии, деятельности и привычек, а значит, должен лежать и в основе египетского культа. Люди, известные как египтяне, вторглись в страну Нила со стороны Азии и нашли там расу негров, которых они покорили и с которыми позже смешались. Семиты называли эту землю Мисраим; греки в конце концов переименовали ее великую реку в Нилос. Эта страна - страна загадок. Кто и зачем построил эти пирамиды? Кто создал систему пиктографического письма, которую мы называем иероглифической? Кто спланировал эти удивительные храмы, которые сейчас либо лежат в руинах, как в Верхнем Египте, либо погребены под песками пустыни, как в Нижнем Египте? Кто привозил и возводил эти могучие каменные глыбы или массивные плиты с огромных расстояний и обрабатывал их так, как мы вряд ли смогли бы сделать сегодня с помощью лучших современных машин?

Со временем сформировались два наследственных класса: жрецы, которые властвовали над умами, и воины, которые управляли телами завоеванных людей и низших классов. Последние занимали трон Египта, а первые, обладая монополией на знания того времени, предписывали людям, во что они должны верить, но при этом были очень далеки от того, чтобы принять эти предписания для себя, и в своем внутреннем кругу высмеивали то, что проповедовали презираемым классам без них.

Египтяне называли своего бога солнца RE, но приписывали различные атрибуты солнца разным личностям; кроме того, у них были не только боги для всей земли, но Птах был богом Мемфиса, Аммон - богом Фив и т. д. Местные божества часто создавались из одушевленных предметов или из животных, населенных духами, и таким образом фетишизм первоначальной негритянской расы оказал немалое влияние на высший культ их более светлокожих завоевателей. Поклонение животным воздавалось не ради них самих, а из-за

богов, которые, как предполагалось, обитали в них; таким образом, их выдающиеся боги изображались с головой какого-нибудь животного. Эта честь принадлежала не какому-то отдельному животному, а всему виду, отдельные представители которого содержались за государственный счет в храмах, где их тщательно охраняли и ждали верующие. Причинение вреда одному из этих животных означало суровое наказание, убийство - смерть. И наоборот, когда бог не отвечал на молитвы верующих, его фетиш должен был пострадать, и жрецы сначала угрожали животному, а если угрозы не помогали, то убивали священного зверя, хотя и тайно, чтобы люди не узнали об этом.

С течением времени зоолатризма становилось все меньше, а боги-солнца и их помощники занимали все более значительное место в культе народа. Ход солнца представлялся не как движение колесницы, как у персов и греков, а скорее как плавание нильской лодки, на которой бог Ре перемещался по небу; из этого следует, что жреческая религия медленно продвигалась к монотеизму через олиготеизм. Тайное учение жрецов теперь все больше и больше сводилось к тому, что боги означают не столько самих себя, сколько нечто иное. Во времена четвертой династии нижнеегипетский город Ану был известен как Город Солнца, отсюда и греческое название этого места - Гелиополис. Еще более характерным было присвоение имени Осириса, который фигурировал как бог Абду, который греки называли Абидосом, в верхнем Египте, богу заката, который был царем нижних областей и смерти, братом и в то же время мужем Исиды, братом Сета, который убил его, и отцом Гора, то есть бога нового солнца, которое фигурирует после каждого заката. Горус сражался с Сетом, но, не сумев полностью уничтожить его, оставил ему пустыню в качестве своего царства, а сам удержался в долине Нила. Эта история богов публично представлялась в различных сценах в определенные праздники, но только жрецы, то есть посвященные, знали истинный смысл этих представлений. Даже имя Осириса и его обитель держались в секрете, и посторонние слышали только о "великом боге", обитающем где-то на "Западе".

Это были самые известные из всех древнеегипетских мистерий, хотя к ним добавилось множество других, включая мистирию Аписа, священного быка Мемфиса, который служил также символом Солнца и плодоносящего Нила; под его языком можно было увидеть священного жука, а поведение великого животного считалось пророческим, а его действия означали прорицательные изречения. Сфинкс снова был богом солнца, его изображение повторялось по всему региону Нила, и всегда считалось, что это мужчина; голова изображалась как голова какого-то царя, а вся фигура означала бога солнца Хармахиса; хотя сфинкс, позже введенный в Греции, всегда был женщиной.

Хотя египтяне не приписывали своим многочисленным богам божественного совершенства, они, тем не менее, рассматривали религиозные обряды как средство добиться благосклонности своих божеств, и этот обычай, по-видимому, сохранился до сих пор. Жрецы верили в Бога-Солнце как в единственное истинное божество, но не люди; поэтому жрецы в разных городах прославляли своего местного и опекающего Бога как верховного и делали его идентичным Ре, чье имя они добавляли к первоначальному, как, например, *Амон-Ре*. Царь, где бы он ни находился, всегда молился местному божеству как владыке неба и земли, но словами всегда одними и теми же.

Наконец, во времена восемнадцатой династии, около 1460 года до н. э., Аменхотеп IV понял, что власть жречества угрожает короне, и провозгласил Солнце единственным богом, но не в человеческом облике, а в виде диска. Он приказал уничтожить все изображения других богов, связанных с Солнцем; жрецы этих свергнутых богов лишились своих мест и поместий, которые были конфискованы. Но его зятья, сменившие его, восстановили свергнутых монархов. Тем не менее, те жрецы, которые были восстановлены в прежней власти, отметили

их как еретиков. В результате этого конфликта, жестокого и продолжительного, интеллектуальная жизнь Египта была парализована, а мистические учения жрецов отныне не тревожила ни одна волна прогресса или продвижения вперед.

Народ снова погрузился в тупой и неисправимый формализм, демонизм и колдовство. Чтобы развлечь их, жрецы устраивали великолепные жертвенные шествия и праздники, но в то же время отвращали их от истинного Бога, приучая к поклонению умершим царям и царицам. Они также построили храмы, в которые допускались только внешние части, а внутренние части охранялись жрецами, чтобы тайны, охраняемые таким образом, больше не были таковыми. Они же обеспечили строительство древнего Лабиринта у озера Мерис, о котором Геродот рассказывает, что в нем было пятнадцать сотен камер над землей и еще столько же под землей, которые никогда не показывались, кроме посвященных, и в которых хранились останки священных крокодилов и фараонов.

Египетские жрецы учили, что человек состоит из *тела*, материальной сущности или *души*, которая в виде птицы покидает тело после смерти, и *нематериального духа*, который имеет к человеку такое же отношение, какое бог имеет к животному, в котором он обитает, и который после смерти отходит от тела, как образ сна. Они также учили, что для того, чтобы душа и дух продолжали жить, тело следует забальзамировать и положить в каменную камеру, а затем родственники должны обеспечить его мясом, питьем и одеждой. Дух отправлялся к Осирису, и с помощью магической формулы умерший становился единым целым с Осирисом; поэтому в египетской "Книге мертвых" к умершему обращались как к Осирису с добавлением его собственного имени, и теперь он мог вести счастливую жизнь в другом мире, которая изображалась на стенах усыпальниц в картинах, которые еще можно увидеть, показывающих, как удобства этого мира должны быть улучшены в следующем. Достигнув внешнего мира и избежав сонма демонов, которые угрожали ему во время перехода, он мог затем вернуться на эту землю по своему желанию в любой форме.

Египетские жрецы также учили, что существует суд над мертвыми, и что новые люди должны предстать перед Осирисом с его сорока двумя ассессорами и отказаться от совершения каждого из сорока двух грехов; все это было магической формулой для получения блаженства, согласно их представлениям, а не истинным утверждением. Бегемот фигурировал в "Книге мертвых" как активный агент, всегда выступая в роли обвинителя, когда на весах взвешивались грехи и добрые дела, а бог Тот выступал в роли "адвоката защиты".

Все эти тайные доктрины жречества требовали тайных ассоциаций, по крайней мере, высших жрецов, в которые всегда принимали царя - единственного египтянина вне жречества, которого обучали их секретам. Это делалось исключительно для защиты; не опасаясь чужеземцев, жрецы часто посвящали выдающихся людей из чужих стран, особенно греков. Так тайную доктрину получили Орфей, Гомер, Ликург, Солон, Геродот, Пифагор, Платон, Архимед и многие другие. Ритуал представлял собой долгую и утомительную, но значимую церемонию, которая преподавалась по степеням, как современное масонство, и требовала в некоторых случаях права на обрезание; все, кто проходил ее, обязывались к строжайшему молчанию. Согласно Диодору, орфические мистерии были в значительной степени повторением египетских, а греческие законодатели, философы и математики, которых я назвал, черпали свои знания из того же источника; все это, вероятно, очень сильное преувеличение. Тем не менее из иероглифических останков следует, что школы высокого уровня находились в ведении египетских жрецов и что иностранные ученые могли получить для себя обучение точным наукам того времени. Однако только жрецы могли писать иероглифы, по крайней мере, в первые века египетской истории.

Нет никаких сомнений в том, что тайная доктрина египетских жрецов была одновременно философской и религиозной и резко отличалась от народной веры, принимавшей традицию за истину; что она была монотеистической, отвергала политеизм и зоолатрию, а истинное значение египетской мифологии раскрывалось в частном порядке. Более того, существенная часть этой тайны касалась интерпретации мифов как аллегорических рассказов об олицетворенных природных явлениях. Например, Плутарх ("Исида и Осирис") пишет: "Когда мы слышим о египетских мифах о богах, их странствиях, расчленении и других подобных происшествиях, мы должны вспомнить уже сделанные замечания, чтобы понять, что рассказанные истории не следует воспринимать буквально, как повествование о реальных происшествиях".

Не углубляясь в тему относительного возраста египетского и халдейского культов, я хочу напомнить вам, что тайная мудрость одной расы не превзошла мудрость другой. Халдейская раса, несомненно, туранского происхождения, и ее форма религии была свойственна урало-алтайскому народу и тюркским расам, которые заложили клинопись. Их древнейшие писания представляли злых духов, приходящих из пустыни группами по семь человек, и содержали формулы для их изгнания; ими руководили небеса, а от высших духов произошли боги и богини в бесчисленном количестве. На первоначальном фундаменте халдейских идей семитская раса возвела надстройку, и первые следы вавилонян и ассирийцев появились около четырех тысяч лет до н. э. Их высшим богом был человек, которого они называли Ваал, а солнце и луна были его изображениями. Как и в Египте, жрецы пользовались большим почтением, стоя после царя, который *по должности* был верховным жрецом; у них тоже была тайная доктрина, скрытая от посторонних глаз. Хотя халдеи были скорее астрологами, чем астрономами, они все же были достаточно хорошо знакомы с небесами, чтобы оценивать астральные явления как то, чем они были на самом деле, а не считать их богами, хотя они могли представлять их таковыми для простых людей. Их литература содержала множество мифологических поэм, настолько туманных, что для их понимания требовался ключ, которым владели только жрецы. Поскольку Авраам пришел из Ура в Халдее, вместе с ним в библейскую литературу вошла значительная часть халдейской традиции и фольклора. У халдеев также был свой Ной и свой потоп, в котором, как и в библейском рассказе, фигурировал голубь. Когда хозяин ковчега наконец освободил животных, он воздвиг алтарь и принес жертву, на которую боги собрались "как массы мух". Эта история - лишь один из разделов великого халдейского эпоса, в котором рассказывается о подвигах героя, соответствующего Нимроду из еврейской Библии, датируемого двадцать третьим веком до нашей эры и напоминающего Геркулеса и многие другие мифы, пересказанные на других древних языках.

Ответвлением халдейской культуры была культура Персии, чье жреческое сословие было намного выше воинов и земледельцев, составлявших два других класса. Жрецы вступали в брак только среди своей расы, обладали всеми знаниями, делали своего царя *по должности* одним из себя и занимались странствующим обучением, но исключительно среди своей касты. В священном городе Рагха правили только жрецы, и никакая светская власть не преобладала; Зороастр был их основателем; они были врачами, астрологами, толкователями снов, писцами и служителями правосудия, а народу они внушали исключительные обязанности: почитать священный огонь, который был их величайшей тайной, слушать учение отрывков из священной книги и выполнять многочисленные обряды очищения. Только посвященным объясняли смысл борьбы между добрым Ормуздом и злым Ахриманом, которая, как правило, чередование дня и ночи, лета и зимы.

В Индии сильное чувство в отношении каст мало изменило положение вещей по сравнению с тем, которое было описано выше, хотя брамины были дальше от других каст, чем в других странах, где жрецы происходили из простого народа; последние считали браминов богами и делали все возможное, чтобы увековечить это чувство. Уже по одному этому факту они стали самозванной мистической организацией, будучи сами пантеистами, в то время как народ был идолопоклонником. Хотя в своих священных книгах они учили пантеизму, вторая и третья касты, а именно воины и земледельцы, не понимали этого учения, а четвертая каста вообще не осмеливалась их читать.

В этом пантеизме кающиеся и отшельники почитались выше царей и героев; но даже жизнь отшельника была для них недостаточно требовательна, поэтому они организовали идею души вселенной, настолько непостижимую, что, как они сами признавали, ни один человек не мог постичь ее или наставить в ней другого. Отчаявшись решить проблему, они в конце концов решили, что вселенная - это фантом, а земля и все земное - ничто. Они учили, что на протяжении бесчисленных эпох времени люди становились все хуже и хуже и рождались только для того, чтобы страдать и умирать, или же отбывать наказание в муках неопишущего Ада. Естественно, из всего этого люди могли понять только учение об аде и будущем наказании, и тогда брамины придумали для них верховное божество, носящее то же имя, что и их Душа Вселенной, а именно Брахма, которого они сделали творцом, но играющим пассивную роль. Однако люди не удовлетворились отсутствующим пассивным богом, а уделили гораздо больше внимания Вишну, хранителю, и грозному Сиве, разрушителю. Через некоторое время эти три бога были объединены в некое подобие троицы, представленной трехглавой фигурой, но без храмов и жертвоприношений. Брамины продолжали свои ухищрения и делили народ на партии, подобно схоластам и спорщикам средних веков нашей современной христианской эры, и таким образом религия индусов становилась все более и более развращенной. Однако в шестом веке до нашей эры Будда, эта великая фигура ранней истории, попытался спасти ее с помощью реформы, которая нашла гораздо больше поддержки на Западе и на дальнем Востоке Индии, чем в самой Индии, и которая с тех пор приобрела более композитный характер благодаря слиянию с религиями окружающих стран.

Сначала Будда создал монашеское общество, основанное на этических доктринах, основополагающим принципом которых было то, что только отказавшись от всего, человек может обрести безопасность, мир и комфорт. Первые учения Будды были мистическими и предназначались только для посвященных; его последователи также верили в реинкарнацию. После его смерти и смерти тех, кто, как предполагалось, жил до него, и кто должен был появиться снова, и кто был возведен в достоинство богов, (а after их число было добавлено к числу популярных индуистских богов и богов других народов), буддизм стал политеизмом, и из-за разнообразия возможных объяснений и необходимой экзегезы, в конце концов, принял размеры тайной мистической доктрины.

Эллины, несомненно, вначале поклонялись природным силам в виде животных, особенно змей; позже человеческие и животные формы объединились, и у них появились божества с головами животных, или с телами лошадей, как у кентавров, или с копытами козлов, как у сатиров. Но природный греческий вкус к прекрасному рано заявил о себе; фигуры богов постепенно стали выражать идеал физического совершенства, то есть человеческую форму, и греческая религия стала по сути поклонением прекрасному, а не противоестественному или отвратительному, как в восточных религиях. Они забыли астрономическое и космическое значение ранних мифов и придерживались скорее олицетворений обычных сил, о которых их поэты пели, как о смертных героях. Они не мечтали о догме, вероучении

или откровении, требовали лишь, чтобы человек почитал богов, но оставляли на усмотрение каждого, как ему подобает совершать свои акты почитания. Следует признать, однако, что в откровенности и целомудрии они оставляли желать лучшего; но это можно объяснить, если вспомнить, что их собственные боги подавали им очень плохой пример в этих отношениях. Тем не менее история простит им многое, потому что они очень любили . Греки были чрезвычайно либеральны в своих толкованиях относительно богов, в то время как различные народы, составляющие греческую расу, вовсе не были согласны с количеством и соответствующим рангом богов, которым они поклонялись. Так, один из них отрицался здесь, другой - там; в одном месте больше почитался один, в другом - другой; точно так же, как в случае со святыми у современных католиков. В своем поклонении прекрасному они зашли так далеко, что разделили богов между местностями, где стояли их статуи, и эти боги стали рассматриваться как отдельные личности; так что даже Сократ сомневался, были ли Афродита небесная и Афродита народная одним и тем же человеком.

Более того, в своей либеральности они создавали богов на все случаи жизни и даже поклонялись неизвестным богам, о чем давно поведал святой Павел. Для греков эти боги не были ни чудовищами, как в Египте, Индии и Халдее, ни бесплотными духами, как персидские и израильские боги, но людьми со всеми человеческими качествами. Для греков не существовало ни Иеговы, ни личного дьявола в любой форме. Как и сами греки, их боги имели множество человеческих недостатков, хотя в их религии сохранилось множество мифологических творений, таких как кентавры, сатиры и т. д. Это были всего лишь фольклорные существа, исполнявшие различные роли - от ужаса до фарса, и никогда не удостоивавшиеся божественных почестей.

Греческая религия была, так сказать, установленной церковью греческих государств, но со временем стала прикрытием для замыслов политиков; в этом отношении история много раз повторялась. Например, Сократа заставили выпить чашу болиголова под предлогом его отступничества от государственной религии. Но даже в его время ересь не играла никакой роли, кроме как среди политиков. Каждый мог открыто заявить о своих убеждениях, а Аристофан в своих комедиях представлял богов в самых нелепых и компрометирующих ситуациях. Пока продолжалось публичное поклонение богам, государство мало заботилось о поддержании положительных или подавлении отрицательных верований. Боги имели право на жертвоприношения, а люди - на божественную помощь, но они могли регулировать этот обмен по своему усмотрению. Самыми большими общественными преступлениями считались нарушение порядка в храмах и осквернение святынь; человек должен был оставить в покое изображения, даже если он не верил в богов, которых они изображали. Наказание за богохульство назначалось только по жалобе. Иностранных богов можно было привозить и поклоняться им по своему усмотрению, при условии, что обычные почести будут оказываться тем, кто находится на родине.

Такая религиозная свобода, естественно, могла существовать только при меньшинстве или отсутствии жреческого сословия. Любой человек мог вести дела с богами или совершать жертвоприношения; жрецы работали только в храмах, за их пределами они не имели ни дел, ни влияния, ни привилегий. Их пантеизм был всеобъемлющим; боги были повсюду, а почести, оказываемые им, состояли в воззваниях, вотивных паром и жертвоприношениях. Греческая религия не признавала официального откровения, в которое все должны были верить, хотя и не отрицала возможности откровений в любое время. Их оракулы можно было получить только в определенных местах и через должным образом квалифицированных людей. Одно время в Древней Греции было в моде колдовство, но боги и демоны, которые им

предавались, были заимствованы из иностранных источников, и со временем оно выродилось в чистую магию.

Греки, однако, не могли отделаться от сентиментального представления о том, что вера в богов должна иметь этическую сторону и должна быть подчинена их вере; другими словами, что человеческая природа - это нечто совершенно отличное от божественного, которому она подчинена. Отчуждение от Бога, в которого они верили, неизбежно приводило к побуждению искать его, что и послужило главным мотивом для учреждения греческих мистерий: богов, равных человеку, грекам было недостаточно. В начале этих мистерий они заимствовали искусство народной религии, пренебрегали наукой того времени, а также философскими доктринами своих великих людей, презирали человеческую силу и человеческие знания и почти полностью посвятили себя самоанализу, размышлениям об откровении, воплощении и воскресении, представляя все это в драматических формах и церемониях, с помощью иллюзий которых они надеялись произвести большее или меньшее впечатление на чувства. Греческие мистерии были противоположностью подлинного эллинизма. Истинный грек был весел, счастлив, ясен в восприятии, и его боги представлялись ему так же, как сегодня нам их статуи. Но греческий мистицизм был полон мрака, символизма и фантастических толкований; во всех отношениях он был неэллинистическим и ненормальным, не имеющим места ни на их земле, ни в их эпоху. Так уж повелось, что сентиментальные, романтические или мистические наклонности находят удовольствие в таинственном, в то время как логические умы оно не трогает. Из мистерий не исключался ни один человек, кроме тех, кто показал себя недостойным посвящения. Они берут свое начало в ранних обрядах очищения и искупления; первые были сначала только телесным очищением, которое позже приобрело моральное значение; искупление же было своего рода искуплением, которое приходило с сознанием греха и желанием получить прощение. Искупление было наиболее востребовано в случае кровной вины и в значительной степени заключалось в жертвоприношениях животных, сжигании благовоний и т. д. Во всех древних мистериях эти две особенности - очищение и искупление - играли большую роль.

Самыми древними и знаменитыми из них были те, что были учреждены в Элевсисе, в Аттике, в честь богини Деметры (лат. Цереры) и ее дочери Персефоны (лат. Прозерпины). Позднее к ним добавилось мужское божество, известное сначала как Иакхос, чье имя, вероятно, связано с Яо, которое встречается в имени Йовиспатер или Юпитер, и с древнееврейским Яхве или Иегова. Позже, однако, Я было заменено на I, и Iacchos стал читаться как Bacchus. Яо был богом урожая и, следовательно, богом винограда, отсюда и близкое родство с Вакхом. Греческое слово "Элевсис" означает "*пришествие*" и означает посещение Деметры во время ее скитаний в поисках дочери, что напоминает египетскую историю об Исиде. Движимая благодарностью, Деметра одарила жителей Элевсиса хлебным зерном и мистериями. Из этого города культ этих двух божеств распространился по всей Греции и большей части Малой Азии, в измененном виде перешел в Италию и таким образом получил широкое распространение. Жители построили в Элевсисе храм в чистом дорическом стиле и Дом мистиков, в котором проводились тайные празднества. Город был соединен с Афинами Священным путем, который был обрамлен храмами и святилищами, а в самих Афинах находилось здание Элевсинион, в котором совершалась часть мистерий. Здания в Элевсисе хорошо сохранились до IV века нашей эры, когда они были разрушены готами при Аларихе и подстрекательством монахов-фанатиков. Таким образом, вы увидите, что мистерии были широко распространены в Малой Азии, и в то время, когда они должны были глубоко проникать в религиозные взгляды и привычки значительной части населения до начала христианской эры.

Элевсинские мистерии всегда проходили под руководством афинского правительства, и отчет об их проведении всегда предоставлялся Большому совету Афин. Функции жрецов были наследственной и исключительной привилегией, а мистерии в целом находились под непосредственной опекой священного совета. Люди довольствовались в основном почитанием богов, в то время как в этих мистериях первоначальное стремление было подчеркнуть превосходство божественного над человеческим, отсюда и их тщательная опека со стороны государственных властей. И те и другие были ответвлениями пантеизма: одни видели божественное во всем земном, другие постоянно искали его там и стремились к единению с ним. Монотеизм, то есть абсолютное отделение человека от божественного без надежды на единение, - это чисто восточная концепция, совершенно непонятная греческому уму. Ни один древний грек не представлял себе ни творческого божества в понимании египтян, ни мстительного Иеговы, как у евреев.

Элевсинские мистерии были очень почитаемы среди греков; настолько, что во время их празднования приостанавливались военные действия между враждующими армиями, а те, кто становился их незванным свидетелем, выдавал тайное учение или высмеивал его, казнились или изгонялись. Даже в период римского господства римские императоры проявляли интерес к сохранению этих мистерий, а некоторые из раннехристианских императоров, такие как Констанций II и Иовиан, запрещая ночные празднества, делали из них исключение.

Суть первоначальной элевсинской доктрины - миф, основанный на изнасиловании дочери Деметры Персефоны Плутоном. Все это - старая история о временах года и изменениях, происходящих в их регулярной последовательности; И поскольку Персефона в конце концов соединилась с Вакхом, но на зиму вернулась в нижний мир, мы видим, во-первых, олицетворение плодovitости бога Солнца, во-вторых, плодovitости земли и, в-третьих, воскрешения тела, которое, будучи опущенным в землю, как зерно, должно было вновь восстать из нее подобным же образом. Насколько это может быть связано с современными христианскими представлениями о воскресении, решить нелегко. Тем не менее интересно, что учение о воскресении имеет дохристианское происхождение и прослеживается через языческие учения, даже если оно не имеет большей поддержки, чем приведенная выше аналогия. Центральным учением мистерий, вероятно, было учение о личном бессмертии, аналогичное возвращению цветения и расцвета растений весной.

В Элевсисе проводилось два праздника: *меньший* - в марте, когда восхищенная Персефона выходила из подземного мира на солнечный свет; и *большой* - в октябре, когда она должна была снова последовать за своим угрюмым супругом в Аид. Предварительный праздник проходил в Афинах и длился шесть дней, с 15 по 20 октября. В этот день все собирались и отправлялись на берег моря для обряда очищения, а остальные дни проводили в жертвоприношениях и торжественных шествиях. В последний из них наступала грандиозная вакхическая процессия, когда тысячи представителей обоих полов пробирались по священной дороге в Элевсис; расстояние, которое нужно было пройти, составляло четырнадцать миль, но при этом делалось много остановок. Прибыв в Элевсис, первый вечер посвящался питью отвара под названием *кикеон*, которым Деметра первоначально утешалась во время своих странствий. В течение первых дней посвященные пировали и совершали свои мистические обряды, состоящие в основном из ночных шествий с факелами. После их завершения праздник превращался в сцену веселья и спортивных состязаний. Пост и торжественный кубок, а также другие обряды напоминают некоторые христианские наблюдения, сохранившиеся до наших дней, а суровые испытания, которым подвергались желающие получить посвящение, были в большей или меньшей степени

имитированы вольными каменщиками и другими тайными обществами средневековья и современности. Мистический дом, должно быть, был обставлен всеми средствами сцены и самым изобретательным сценическим плотницким искусством того времени, и заставляет вспомнить о масонстве Шотландского обряда. По признанию всех древнегреческих писателей, посвященные считали свои шансы в следующем мире гораздо лучшими, чем у обычных людей.

По возрасту и известности мистерии Кабири на острове Самофракия стоят в одном ряду с Элевсинскими. Они относятся ко времени, предшествующему эволюции некоторых греческих божеств. Изначально эти мистерии подразумевали астромифологию, со временем утратившую свой астральный смысл. В этих самофракийских мистериях репродуктивные силы природы занимали самое видное место, и через них фаллический культ восточных народов был передан грекам. В эти мистерии посвящали женщин и даже детей. Кабирийские мистерии существовали и на нескольких других островах Греческого архипелага, а также на континенте.

На острове Крит также проводились мистерии в честь Зевса. Мы мало что знаем о них, кроме того, что в весеннее время в одном месте праздновали рождение бога, в другом - его смерть, и что под громкие звуки молодые люди рассказывали историю о детстве Зевса.

Как уже отмечалось, поклонение Вакху было заимствовано, и в нем олицетворялось влияние солнца на рост виноградной лозы, а конечной тенденцией было прославление жизни и силы; другими словами, оно было в высшей степени материалистичным и обращалось к грубым чувствам. Дионисийские мистерии зародились во Фракии, среди пеласгов, которые по природе своей были мрачны, только когда их возбуждали, и тогда их энтузиазм переходил в безумие. Со временем появилось различие между дионисийскими мистериями и праздниками. В течение года в Аттике происходило не менее семи различных немистических праздников, носивших народный характер, во время которых преобладало поклонение фаллическим элементам, если таковое имело место. На них разыгрывались сказочные приключения Вакха, и драматическая сцена возникла в это время и с этого начала. С другой стороны, раз в три года проводился праздник Диониса, в котором участвовали женщины, которые, насытившись вином, теряли всякую сдержанность и смирение и назывались *maenades* или безумными женщинами, а их празднества назывались *orgia*, откуда и пошел наш современный термин "оргии". Они проводились ночью, в горах, при свете факелов, в середине зимы, когда женщины, одетые в шкуры, избегали всякого общения с мужчинами, пили, танцевали, пели и совершали всевозможные излишества, в конце концов принося в жертву быка в честь бога, плоть которого они пожирали сырой. Затем они рассказывали о смерти своего бога и о том, что его нужно найти снова; вся надежда на его обретение возлагалась на наступающую весну.

Поклонение Вакху, как это было плохо в Греции, было превзойдено в Риме, и Ливий даже сравнивал введение вакхического культа в Риме с нашествием чумы. В своей этрусской и римской форме он стал простым развратом с тонким налетом религии. Со временем он стал настолько отвратительным, что в 186 году до н. э. консул Альбин был вынужден его пресечь. К тому моменту было замешано семь тысяч человек, а зачинщики и множество их сообщников были приговорены к смерти или изгнанию. Сенат постановил, что вакханалии никогда больше не должны проводиться в Риме или Италии, а священные для вакхического культа места должны быть уничтожены. Эти оргии бесконтрольно продолжались за пределами Италии, а со временем вновь появились даже на итальянской земле, вплоть до времен

римских императоров, когда они достигли крайней степени бесстыдства, как в случае с печально известной Мессалиной.

Не хватает времени, чтобы упомянуть все другие развращенные мистерии, которые встречались в различных частях Греции и Италии. Среди них, однако, следует отметить мистерии матери Реи, мистерии Себазиоса и мистерии Митры, которые в конце концов были собраны сектой орфиков. Среди персов Митра был Светом, и его поклонение было, возможно, самым чистым культом, который только можно себе представить. Позже он был объединен с поклонением солнцу, и Митра стал богом Солнца, и как таковой был общепризнан среди разных народов. Ранним грекам Митра был неизвестен, но в поздние времена Римской империи его мистерии стали известны и приобрели большую известность. На памятниках изображался юноша, убивающий кинжалом быка, а вокруг - фигуры людей и животных; юноша обозначал бога Солнца, который, покорив Тельца в мае, начинает развивать свою высшую силу. Первоначальные красивые обряды впоследствии выродились и превратились в оргии. Среди первоначальных обрядов была форма крещения и питья зелья, приготовленного из муки и воды. В некоторых местах частью культа были человеческие жертвоприношения.

Самыми непристойными из всех этих мистерий были, по-видимому, Сабазианские, которые состояли из нескольких более ранних форм и представляли собой простое оправдание обжорства и разврата, а жрецы культа были самыми наглыми нищими.

Так со временем мистерии лишились всех прелестей небесного происхождения и стали земными, а их посвященные, потеряв всякий стыд и приличие, продолжали упорствовать в своем священном потворстве, пока отвратительная ночь богов не исчезла перед сиянием более светлого утра.

После этой довольно длинной предварительной части мы теперь готовы, так как иначе и быть не может, рассмотреть связь между христианской религией и этими древними мистериями. Допуская, что Иисус был основателем христианской религии, мы должны помнить, однако, что он был определенно евреем, провел свою жизнь в Иудее и основывал свое учение на иудаизме; кроме того, задолго до его дня иудаизм был тщательно пропитан греческими элементами, а после его распятия пропаганду вели не столько евреи, сколько греки и люди с греческим образованием. Между греками и иудеями тогда, как и сейчас, существовали величайшие различия; различия, о которых уже говорилось, но которые можно резюмировать следующим образом. С одной стороны, теснейший союз между Богом или богами и человеком, самые возвышенные чувства и тончайшее чувство художественной формы, священство без претензий и незначительного влияния, народ, поддерживающий активные торговые отношения со всем миром, и все проникнутые готовностью перенимать все новое; С другой стороны, широчайшее разделение между Иеговой и человеком, замена теологии и религиозной поэзии изучением природы, народ, управляемый священниками и защищенный от любого доступа извне, будь то море или караван, решительно придерживающийся старого и не доверяющий всему новому.

После того как евреи были освобождены из Вавилона Киром, они рассеялись по всему миру, жили в основном под властью персов, а после завоевания Александром подверглись греческому влиянию. Позже они рассеялись еще шире, став со временем меркантильной расой. В Египте они пользовались большими привилегиями, чем в других странах, а в Александрии увидели вершину греческого искусства и преподавания. Сохраняя благоговение перед Священным Писанием и Иерусалимским храмом, они, как правило, переходили на язык страны, что особенно характерно для евреев, живших в Александрии в

третьем веке до нашей эры, во время которого Пятикнижие было переведено на Септуагинту, а остальная часть еврейской Библии была переведена около 125 года до н. э. Таким образом, греки познакомились с еврейской теологией, а евреи-эллинисты впервые узнали греческую философию; таким образом, среди ученых одной расы зародилось высокое уважение к мудрецам и философам другой, а из политеизма одной и монотеизма другой был построен новый мистицизм. В этом александрийском мистицизме особенно ярко и впервые проявилась новая идея божественного откровения, которая была применена энтузиастами как к Ветхому Завету, так и к греческим писаниям. Еврей Аристокл разработал гениальнейшее аллегорическое толкование Ветхого Завета и отнес к нему всю мудрость греков, которые до недавнего времени никогда о ней не слышали; А Филон, другой еврейский философ, современник Христа, но ничего не знавший о нем, так истолковал традиции своей расы, что увидел в четырех реках Эдема четыре кардинальные добродетели, в райских деревьях - меньшие добродетели, а в великих фигурах еврейской истории - олицетворения различных моральных концепций, и все это превзошло то, как его друзья-греки развивали свои собственные тайны. Более того, и это очень важно, Филон учил, что Бог создал мир идей и по этой модели впоследствии создал телесный мир; в первом случае центральной точкой было Слово. Это утверждение о том, что *Слово* было первым, а *мир* - вторым, позже перешло в Евангелие от Иоанна, которое гласит: "В начале было *слово*, и *слово* было Бог".

Филон основал секту, основанную на учении о том, что соединение души с телом должно рассматриваться как наказание, от которого человек должен освободиться ради своей души. Эта секта была известна как Эссены, которые, несмотря на претензии на величайшую древность, действительно были основаны в первом веке до нашей эры и фактически представляли собой тайное общество. Они были настоящими социалистами своего времени и придерживались общих взглядов. Они придумали особую номенклатуру для ангелов и обязали своих новых членов хранить эти имена в тайне. Как общество они недолго пережили начало христианской эры, оказавшись ненужными из-за христианского аскетизма. Однако Эссены были важны в том отношении, что они представляли собой нечто среднее между греческими мистериями и христианством, как и между греческой философией и иудаизмом. По сути, они были иудейским подражанием пифагорейской лиге. *Когда с греческим мистицизмом были связаны благородство Сократа, философия Платона, наука Аристотеля и иудейская вера в единого Бога, не странно, что из этих элементов в сочетании с учениями о простой человечности, провозглашенными Христом, возникла сила, преобразившая мир.* Мнение о том, что все люди - братья, первоначально иудейское, имело также независимое греческое происхождение и пришло, в частности, от стоиков, которые должны были лежать в спящем состоянии до тех пор, пока какая-нибудь связь, более сильная, чем простое политическое объединение, не удержит людей вместе. Этим связующим звеном впоследствии стала религия. Политеизму больше не от чего было отказываться; все силы были задействованы в процессе создания бога, пантеон был полон, и люди высмеивали и богов, и их оракулов, и их жрецов. Эти же жрецы улыбались друг другу при встрече и лишались всякого общественного уважения тем, как вели жизнь. Олимпийские издевательства и насмешки над богами неизбежно должны были закончиться, как только на смену им пришло что-то лучшее.

Давно ощущалась потребность в Боге с определенным характером, одобряемой доблестью, с человеческими чувствами, человеческим гневом и человеческой любовью, созданном по подобию самого человека, который должен отстаивать доктрину личного бессмертия и давать обещания о будущем. Евреи, единственные монотеисты того времени, были готовы создать такого Бога, но он был слишком духовным, и ему поклонялись по слишком

неопределенным обрядам и особым обычаям. Тем не менее иудейский Бог был использован для этой цели, а мистические элементы, которыми он должен был быть окружен, были предоставлены древнегреческими мистериями и доктринами пифагорейцев и ессеев. Евреи и греки настолько смешались в Египте и Иудее, что среди обеих рас возобладала идея, что пришло время для чего-то нового в желаемом направлении. Различные тайные лиги требовали отделения божественного от человеческого и их последующего примирения, что и было впоследствии удовлетворено в рассказах о происхождении и смерти Христа. Даже в первые годы существования Римской империи люди искали новое царство на Востоке, и как иудеи, так и язычники ожидали какого-то божественного вмешательства. У иудеев ожидание Мессии, который должен восстановить Израильское царство, и поклонение Иегове приняли более определенную форму, в то время как греки жаждали, чтобы что-то заняло место их выродившегося политеизма.

Таким образом, время было готово к появлению Иисуса, который прожил большую часть своей жизни в неизвестности, и о его карьере не упоминают современные греческие и римские писатели. Возможно, это было удачей для его последователей, ведь никто не мог противоречить тому, что любой другой мог сказать о Том, кто возвысился над фанатизмом своего времени и народа, кто был казнен за свою независимость от священников и книжников, и кто, таким образом, рассматривался как долгожданный Мессия. К еврейской ветви его реального происхождения были привиты греческие мистические отростки сверхчеловеческого происхождения: непорочное зачатие, заместительная жертва, воскресение и принятие на себя частицы Божества. Таким образом, в том, что дошло до нас об Основателе христианской церкви, смешались правда и вымысел; первая - та, что согласуется с высшими законами и природными явлениями, а вторая - та, что противоречит им. Сам Иисус никогда не претендовал на то, чтобы быть больше чем человеком. Когда он говорил о своем отце, он говорил о нем как об отце всего человечества; он был величайшим реформатором нравственности, который когда-либо жил, и он сильно отличался от ессеев тем, что стремился спасти человека не путем ессенизма и удаления его из мира, а живя с ним и подавая ему прекрасный пример.

Древние твердо верили в небесные знамения и предвестия, которые должны были служить как для наставления, так и для предупреждения человечества. Звезды, метеоры, аврора, кометы и любые внезапные огни считались предвестниками таких событий, как рождение богов, героев и т. д. Предполагалось, что великие огни появлялись как при зачатии и рождении Будды, так и Кришны. Священные писания Китая повествуют о подобных событиях в истории основателя первой династии Ю и ее вдохновенных мудрецов. У греков и римлян были похожие традиции относительно рождения Эскулапия и нескольких цезарей. В еврейской истории мы читаем, что звезда появилась при рождении Моисея, а также Авраама, для которого необычная звезда появилась на Востоке. Не нужно повторять, какое значение имела подобная звезда на Востоке в легендах об основателе христианства и какое влияние она, как и в случае с Моисеем, оказала на волхвов. Совсем другое значение придавалось затмениям или любым явлениям, вызывающим неожиданную темноту. Греки считали, что после смерти Прометея, Геракла, Эскулапа и Александра на землю опустилась крошечная тьма. Согласно римской истории, после смерти Ромула на шесть часов на землю опустилась тень. Сообщается, что то же самое произошло и после смерти Юлия Цезаря. Так и одним из самых заметных явлений, сопутствовавших распятию Иисуса, было похожее явление, которому отводится самая заметная роль, ибо в трех Евангелиях мы читаем, что "тьма покрыла землю с шестого до девятого часа"; хотя единственный евангелист, утверждающий, что он присутствовал при этом, ничего не говорит об этом, как и историки

того времени, такие как Сенека и Плиний, не упоминают ни о каком подобном событии в Иудее.

Однако в свете всего этого отрицание звезды на Востоке и часов темноты после распятия многими благочестивыми людьми рассматривается как богохульство или ересь глубочайшего пошиба.

Притчи, в которых Иисус так недвусмысленно учил, были подобиями, приспособленными к простому пониманию его народа, который также часто использовал подобный образный язык. Те, кто последовал за ним, использовали эту форму речи гораздо свободнее, и быстро возвели его личность в достоинство Бога, возвеличили его и его миссию, и вскоре он был принят как эквивалент Мессии, которого так ждали греки и евреи. Его предполагаемые чудеса были ненужными, помимо того, что они противоречили всем известным природным закономерностям, потому что простые и возвышенные истины, которые он проповедовал, не могли быть более выразительными с помощью каких-либо подобных средств. В свете сегодняшнего дня они кажутся ненужным жонглированием, совершенно недостойным столь великого персонажа. Вероятно, они представляют собой усилия его последователей, которые изобразили его жизнь и личность в таких красках, которые сделали бы их более приемлемыми.

В истории нет недостатка в таких трансформациях, как та, в результате которой сын плотника стал казаться человеком божественного происхождения. Греческий политеизм дал множество иллюстраций: Аполлон явился на землю в образе пастуха, Геракл, сын Зевса, и Ромул (который также был сыном *девы* и *Марса*) стали основателями городов, государств и наций. В иудейских историях сотворения мира говорится, что Бог ходил по земле, но почему бы не в человеческом облике? Почему бы и основателю религии не быть сыном Бога и девственницы? Остальная часть прекрасной истории, на которой мы все воспитывались, должна рассматриваться как причудливое приукрашивание, красивое в своих образах, но не имеющее под собой ни фактов, ни научной возможности. Благовещение, звезда на Востоке, убийство невинных и т. д. могут рассматриваться только в этом свете.

Истории о чудесах, вероятно, имеют ярко выраженную целевую направленность. В греческих мистериях Деметра и Дионис выступали как дарители хлеба и вина; Иисус тоже стал владыкой и дарителем этих двух священных яств, что проявилось в превращении воды в вино, умножении хлебов, а затем в учреждении Тайной вечери, на которой хлеб и вино стали частью христианских мистерий, которые до сих пор широко увековечены. В том, как он утихомирил бурю, ходил по воде, нашел копейку во рту у рыб и наловил рыбы, изображена его власть над силами природы и низшими формами жизни. Его власть над болезнями олицетворялась в историях об исцелении паралитиков, прокаженных, слепых, глухонемых, изгнании бесов и даже о возвращении к жизни мертвых. В соответствии с историей его жизни были распространены явления святого духа в виде голубя, его встреча с сатаной, появление Моисея и Ильи и т. д. Древняя тенденция к персонификации вновь проявляется в виде Сатаны или личного дьявола, а именно силы зла, в то время как в Преображении персонифицируется превосходство нового закона над старым. Наконец, чудеса, сопровождающие его последние дни, затмение солнца, разрывание завесы и воскресение, - все это события, которые невозможно опустить в заключительных сценах жизни любого, кто выступал в роли Бога. Они символизируют скорбь природы, в то время как Вознесение олицетворяет веру в вечного Искупителя и индивидуальное бессмертие тех, кто верит в него.

Таким образом, олицетворяя события из жизни Иисуса, на которые с его дней и до наших дней люди делали такой страшный упор и от принятия которых зависела как настоящая

жизнь, так и будущее всех людей, я был бы далеко не справедливым по отношению к самому себе, если бы не указал на свое собственное отношение к этому вопросу. Я считаю, что самоочевидная истина и удивительная возвышенность учения Христа становятся очевидными при его изучении и скорее ослабляются, чем усиливаются, если настаивать на всем сверхъестественном, таинственном и немыслимом в общепринятом изложении его жизни и труда. Мой разум освобожден от необходимости в таинственном, чего требовал греко-еврейский народ и чего по-прежнему требуют суеверные люди наших дней, и я предпочитаю оставить его таким, каким он мне кажется, - *величайшим моралистом и учителем всех времен*, а не окружать его пеленой образов и утверждениями, в которые невозможно поверить, так что невозможно принять одну часть, не приняв их все. У иудеев уже были доктрины единства с Богом и любви к ближним; Греческая философия опередила его в настаивании на возведении жизни на более высокий уровень, чем простое удовлетворение чувств, и везде его предшественники и современники могли предоставить чудеса на сотню, но в силе, величии и простоте его учения, в его всеобъемлющей человечности, в его прямоте обращения, в его осуждении тех, кто отступает от установленного им образца, он никогда не имел и, вероятно, никогда не будет иметь себе равных. В своем самоуничтожении и любви к другим он был так же неотразим, как и эти принципы в цивилизации и, в этом смысле, христианизации мира.

В дни Иисуса не существовало никакой заумной теологии; преданность, любовь к ближним, милосердие, покаяние - вот все, что требовалось. Но прекрасная простота Его учения была утрачена со смертью Его первых учеников. Система считалась слишком простой, слишком неприкрашенной, чтобы понравиться людям, привыкшим к чему-то совершенно противоположному. Так, Стефан Мученик, получивший греческое образование, был побит камнями за то, что требовал отречься от некоторых иудейских учений, хотя община в Антиохии приняла его взгляды.

Великий вождь Павел был эпилептиком, у него часто случались припадки и видения, и они производили сильное впечатление не только на него самого, но и на его последователей. На творениях его воображения во многом основана доктрина о воскресении. Он представил Богочеловека Иисуса как аналог первого человека Адама, олицетворявшего грех и смерть, который должен был быть распят и заново рожден во Христе. Между Павлом, великим христианином-язычником, и Петром, христианином-иудеем, церковь быстро разделилась на две партии; эти две вскоре разделились на другие, и среди всех них возникла литература Нового Завета, чей александрийский диалект свидетельствует о влиянии греческого образования.

Так христианство вышло из тайных объединений древнего мира. Сами ранние христиане, по крайней мере, в период гонений, представляли собой своего рода тайное общество. Их поклонение было мистическим, но не потому, что так учил Иисус, а скорее в силу их окружения и традиций. Практика крещения, последний ужин и доктрины воплощения и воскресения были так же безусловно добавлены к возвышенному этическому кодексу Назарянина, как и к ним, в свою очередь, в последующие века были добавлены все мыслимые понятия, тайны и глупые нелепости, которые только мог вообразить больной человеческий разум, и которые стали причиной большего отхода от первоначального учения Христа, большего раздора и кровопролития, чем любая другая особенность в истории человечества.

Действительно, это одна из величайших исторических нестыковок, что доктрины любви, единства и мира, которым учил основатель христианства, должны были стать величайшим из

факторов, разделивших человечество, породивших чувство ненависти и приведших к гибели по этой причине миллионов людей, таких, которых больше всего любил сам Иисус.

VI РЫЦАРИ-ГОСПИТАЛЬЕРЫ СВ. ИОАННА ИЕРУСАЛИМСКОГО

Тремя великими воинствующими, душепопечительскими и монашескими орденами средневековья были рыцари-госпитальеры святого Иоанна, рыцари-тамплиеры и Тевтонский орден. Кроме них существовало множество других, более мелких, недолговечных, менее значимых во всех отношениях, почти не упоминаемых даже в крупных историях, таких как рыцари Калатравы, Алькантары, Сантьяго-де-Компостеллы и английские рыцари Гроба Господня. Эти ордена были как непосредственным, так и косвенным следствием средневековых условий, за которые несли ответственность как церковь, так и государство. Тайные догматы христиан были обнародованы, и те, кто их придерживался, с некоторых пор перестали быть тайным обществом; теперь их вера стала частью той церкви, которая по сути являлась государством и занимала значительную часть Европы.

Как ни печально, но церковь была разорвана, а государство страдало от постоянных распрей между сектами и партиями, которые спорили, вплоть до смерти, по поводу толкования Священного Писания и вероучения. Таким образом, обсуждая на острие меча, должна ли душа быть спасена добрыми делами или по благодати Божьей, они игнорировали саму суть простых учений Иисуса и навлекали на теологию, даже в те дни, презрение и насмешки со стороны либерально настроенных и неверующих, так что и сегодня она страдает из-за неудачного освещения, в котором ее выставили. То, что богословие должно вести к войне, является антитезой христианской доктрине, однако ни одна война не была столь ожесточенной и кровопролитной, как та, что велась за "распространение креста" и распространение неверно истолкованного Евангелия. И поэтому теология вдвойне пострадала от монахов, которые извратили ее, и от рыцарей и государства, которые насаждали ее огнем и мечом.

В течение тысячи лет к человеческим знаниям не прибавлялось ничего важного, а в умах царило смятение. В конце этого периода все первоначальные учения Христа были забыты, и, пройдя через руки и языки фанатиков или заблуждающихся и невежественных людей, христианство осталось с подобием монотеистической основы, на которой были грубо построены некоторые доктрины, заимствованные из египетских и греческих источников, среди которых можно упомянуть Троицу, непорочное зачатие, воскресение и вознесение, а также некоторые практики, такие как Вечеря Господня, явно заимствованные из языческих обычаев. Во всем этом было так много того, что могло бросить вызов вере, и так много того, что поначалу было неприемлемо для умов, не подготовленных к вере, что для того, чтобы быть эффективной, их пропаганда должна была вестись с помощью меча. Кроме того, для христианского мистика, стремящегося соединиться с тайным, неизвестным божеством, мысль о том, что неверующие мусульмане могут завладеть высокими местами, к которым они относились с таким благоговением, была просто непереносима и отвратительна.

Отсюда и крестовые походы, предпринятые с целью вернуть Гроб Господень; в них по папскому указу монахи объединились с рыцарями и под командованием императоров и величайших полководцев своего времени совершили временное завоевание Святой земли,

основав Иерусалимское королевство. Непосредственным результатом общего движения стал тот разумный и даже необходимый союз, когда теология и рыцарство соединились, в результате которого были основаны такие ордена, как упомянутый в начале этой статьи. Все эти союзники, из которых они состояли, давали монашеские обеты бедности, целомудрия и послушания и некоторое время соблюдали их, пока обладание властью и приобретение богатства не приносили неизбежно сопутствующие им искушения. Каждый из этих и многих других орденов прошел через последовательные стадии бедности, кротости и постоянной благотворительности, которые рано или поздно сменялись мирским возвышением, эгоизмом, жадностью и алчностью, со всеми преступлениями, предусмотренными календарем, и неизбежным конечным падением. Из всех них рыцари-госпитальеры имеют наименее позорный послужной список, и поэтому, отчасти, а также в силу их наиболее выдающегося предназначения, то есть работы среди больных, раненых и страждущих, я считаю их карьеру достойной более подробного изучения.

Для этого мы можем быстро исключить из рассмотрения тевтонских рыцарей, просто напомнив вам, что они действительно были основателями современной Пруссии. Своим происхождением они обязаны похвальному общественному духу купцов Любека и Бремена, которые во время осады Акры сделали из парусов своих кораблей палатки, в которых могли выхаживать и лечить раненых соотечественников. Большая часть их активной службы против сарацинов проходила в Испании.

О рыцарях-тамплиерах следует сказать немного. Около 1119 года два рыцаря, Гуго (или Хью) из Пайенса и Годфри из Сент-Омера, объединили шесть других французских рыцарей в военную лигу, назвав себя "Бедные рыцари Христа", и обязались охранять для паломников дороги Святой земли. Они процветали, росли и вошли в благосклонность Балдуина I, короля уже упомянутого Иерусалимского королевства. Поскольку их монастырь занимал часть места древнего храма Соломона, их стали называть *тамплиерами*. На синоде в Труа в 1128 году они были признаны регулярным орденом, получили монашеские правила и привычки, а также особое знамя. Они также были известны как "Бедные спутники Иерусалимского храма" - название, которое недолго оставалось за ними. Поначалу, как и рыцари-госпитальеры, они выпрашивали пищу, постились, соблюдали обеты, усердно поклонялись и ухаживали за бедными и немощными. Борода и волосы были коротко острижены, погоня была запрещена логове, и они давали обычные обеты целомудрия. Но по мере приобретения имущества они забывали о простой жизни и привычках, а также об обетах послушания и целомудрия, а их обещание защищать паломника в пути со временем превращалось в фарс не только из-за их равнодушия и небрежности, но и из-за их предательских сделок с сарацинами и даже вероломной сдачи их крепостей.

Таким образом, какими бы ни были их первоначальные цели, корысть и власть стали впоследствии объектами их распрей и побудительными мотивами их жизни. Вступая в так называемые "аффилированные члены", они обходили правило безбрачия и принимали в свои ряды женатых рыцарей и тех, кто собирался жениться.

Их Великие магистры по времени занимали следующие места после пап и монархов. Первые благоволили к ним, но в основном потому, что боялись их. Они были освобождены от любой епископальной юрисдикции и подчинялись только Папе. Они стали настолько богатыми и могущественными, что к моменту своего пресечения контролировали империю из пяти провинций на Востоке и шестнадцати на Западе, а ордену принадлежало около 15 000

домов. Они стремились поставить в зависимость от себя все христианство, а номинальным главой был только Папа.

Об их личной храбрости, которая обычно была безупречной, об их изобилии и нестерпимом нахальстве, а также о многих их чертах и особенностях можно составить прекрасное представление, прочитав *"Айвенго"*, где они, кажется, довольно точно изображены. Мне, признаться, немного забавно и одновременно грустно видеть, как люди, называющие свои тайные масонские объединения в честь основателей ордена, демонстрируют и имитируют, по крайней мере на публике, где их могут оценить посторонние, только те черты рыцарства тамплиеров, которые ознаменовали период их упадка или падения. Как подражания они могут быть исторически достоверными, но как достойные подражания или даже имитации такие проявления - дело сомнительного вкуса, по крайней мере, для тех, кто читает средневековую историю.

Тамплиеры в дни своего великолепия и последующего падения не были ни благочестивыми, ни учеными, ни добрыми христианами. Многие из их тайных доктрин были еретического происхождения, заимствованные у вальденсов или альбигойцев, и они гораздо больше заботились о своих владениях, чем о Святой земле. Они провозглашали позорное оправдание, что Бог, очевидно, пожелал, чтобы сарацины победили; что недостатки крестоносцев были, очевидно, по Его решению, и поэтому они были освобождены от своих обетов и могли вернуться в Европу, где они действительно отдыхали - по своей моде - от своих трудов и проводили время, делая все то, что их основатели поклялись не делать.

Но это не должно быть изложением истории тамплиеров; скорее, это краткое изложение причин, по которым они гордо и иногда стоически шли к своему окончательному падению, и почему орден госпитальеров, хотя и не всегда соответствовал своим прежним стандартам, все же настолько затмил их, что стал получателем огромных ресурсов и богатств тамплиеров, будучи признан достойным того, чтобы ему это доверили. Так случилось, что в 1307 году Филипп Французский арестовал всех тамплиеров во Франции и конфисковал их имущество. Это привело к трехстороннему спору, в котором участвовали тамплиеры, папа римский и король. В 1310 году пятьдесят четыре рыцаря-тамплиера были заживо сожжены в Париже. Наконец Папа, чтобы предотвратить попадание их собственности в светские руки, передал госпитальерам большую часть владений тамплиеров, за исключением, однако, тех, что находились в Испании. Великий магистр Моле и еще один тамплиер были сожжены до смерти на одном из островов в Сене.

Вот так вкратце, для контраста. Теперь перейдем к заявленной теме этой статьи.

В XVII веке разгорелся спор об основании уже существовавшей в Иерусалиме больницы, названной в честь аскерского князя Иоанна Гиркана (сына и преемника Симона Маккавея, восстановившего независимость Иудеи и основавшего монархию, которой его потомки правили до воцарения Ирода. Он умер в 105 году до н. э.). Это было в то время, когда благочестивые купцы Амальфи планировали создать убежище для своих паломников. Многие считают, что именно этот Иоанн был покровителем ордена, хотя сейчас уже точно установлено, что первым покровителем или первым святым Иоанном в этой связи был греческий патриарх Иоанн, прозванный Элемоном, или Благодетельным, из-за его практической антропии. (См. "Св. Иоанн Милостивец", преп. Х. Т. Ф. Дакворт, 1901 г.). Но к тому времени, когда крестоносцы под предводительством Годфрида Бульонского отбили Иерусалим у сарацин, святой Иоанн Креститель, похоже, стал признанным покровителем госпиталя, его изображение носили больные эпилепсией, а позже он был принят в качестве обычного значка для тех, кто занимался больничной работой.

Однако термин "*больница*" не следует рассматривать в его нынешнем понимании; он использовался в более широком смысле, подразумевая любой дом-убежище, даже от диких животных; фактически это *хоспис*.

Этот конкретный хоспис, по-видимому, был возведен на руинах хосписа, основанного святым Григорием в 603 году, где, как известно, работали французские бенедиктинцы. Двумя столетиями позже Карл Великий присвоил себе титул защитника паломников. ("*De Prime Origine Hospitaliorum*", автор La Roulx. Paris. 1885).

Это учреждение, естественно, располагалось в непосредственной близости от самых святых мест, которые ранние христианские традиции сделали таковыми для паломников, приезжавших со всей Западной Европы. Он начал существовать в 1099 году. Необходимость в нем усугублялась не только трудностями путешествия, но и дурным обращением местных жителей, в то время как Святой город находился в руках мусульман, которые требовали плату за вход, зачастую не по карману паломникам. Подвергаясь неопишным унижениям, часто ограбленные еще до прибытия, эти заблудшие паломники часто умирали от нужды или возвращались с главной благочестивой целью, не достигнув ее. Если бы не некий Жерар, первый управляющий хосписа, их трудности были бы еще больше.

Здания ордена, сначала скудные, в конце концов были расширены и заняли площадь, почти 500 футов с каждой стороны, одной стороной на Виа Долороза, другой - на Базаре, и все это немного южнее церкви Гроба Господня. Рядом находились другие церкви и хосписы. Так было устроено до создания Иерусалимского королевства в 1099 году. В течение следующего столетия орден при Раймоне дю Пюи расширил церковь Святого Иоанна Элемона до конвентуальной церкви Святого Иоанна Крестителя, а вдоль южной стороны вышеупомянутой площади располагалось превосходное здание - госпиталь Святого Иоанна. Когда Саладин захватил Иерусалим в 1187 году, эта церковь была превращена турками в сумасшедший дом, известный как "Муристан", который в 1869 году был окончательно передан Германии.

В новом Иерусалимском королевстве госпитальеры получили конституцию, а упомянутый выше Жерар стал их первым "магистром". В 1118 году его сменил дю Пюи, в то время как Балдуин II был латинским королем Иерусалима. Госпиталь был признан архиепископом Кесарии в 1112 году и широко расширил сферу своей деятельности. Именно король Балдуин стремился придать ордену военный характер, подобный тому, что был присвоен ордену Храма в 1130 году. Это было естественно, поскольку королевство было изолировано, окружено фанатичными врагами и постоянно находилось в опасности от них. Таким образом, в соответствии с требованиями времени и обстановкой, всем способным носить оружие и сотрудничать для взаимной защиты было необходимо.

Таким образом, Орден был разделен на три подразделения, первое из которых - рыцари справедливости, каждый из которых должен быть благородного происхождения и получить рыцарское звание от светской власти. Второе подразделение состояло из духовных лиц, которые впоследствии были разделены на два класса: капелланы Конвента, которые были назначены на службу в штаб-квартире, и священники послушания, которые служили в других приорствах и командорствах в различных частях Европы. Третий класс составляли служивые братья, которые также делились на слуг при оружии, или эсквайров, и слуг при канцелярии. Слуги по оружию служили рыцарям справедливости в качестве их эсквайров и со временем могли получить право на первый дивизион. Слуги в канцелярии были не более чем подсобными рабочими или домашними слугами. Однако даже они обладали

определенными привилегиями и льготами, которые делали прием в этот класс выгодным для людей скромного происхождения и способностей.

Одеждой ордена была черная мантия с накидкой, с белым льняным крестом из восьми точек на левой груди, и поначалу ее носили все. Позднее, при папе Александре IV, боевые рыцари носили свои белые кресты на голубом фоне.

Первое появление рыцарей-госпитальеров в реальной войне было зафиксировано в Антиохии в 1119 году, а полное военное оформление ордена Святого Иоанна произошло в 1128 году. Таким образом, в течение всего времени существования Иерусалимского королевства в Святой Земле бок о бок существовали две коллегии или роты военных рыцарей-монахов - "главные подпорки шатающегося трона". (Бедфорд). Между этими соперничающими организациями со временем возникла такая ревность, а внутри них такие интриги, - усугубляемые всегда враждебностью простого духовенства, которое обижалось на покровительство, оказываемое орденам папой, усугубляемые также аналогичными трудностями со стороны рыцарей Тевтонского ордена и ордена Святого Лазаря, - что лучшие интересы королевства и Церкви страдали от кишечных опасностей не меньше, чем от тех, что исходили от окружавших их мусульман. Тем не менее можно сказать, что Орден Госпиталя никогда не терял из виду своих главных целей и не позорил себя изменами и предательствами, а также перепиской с врагами, которая позорила не мало членов других и соперничающих христианских организаций.

Результат таких неблагоприятных действий привел, как всегда, к объединению и окончательному развалу, а это привело к окончательной капитуляции и сдаче Иерусалима в 1187 году. Это означало не только отказ от своего старого дома, но и от своей полезности в нем. Сарацины занимали их здания и помещения с тех пор, пока их не настигло разорение. Так грубо вынужденный эмигрировать, орден в том же году (1187) перебрался в город Маргат, где также находился одноименный замок. Но работа в Иерусалиме не была резко прекращена, так как султан Саладин в знак своего уважения разрешил им еще год владеть своим госпиталем, чтобы их благотворительная деятельность не была резко прервана, и даже сделал им щедрые пожертвования. Когда во время третьего крестового похода, в котором Ричард Кёр де Лев принял столь доблестное участие, был взят Птолемаис, именно там в 1192 году орден основал свою штаб-квартиру, отчего город стал называться Сен-Жан-д'Акр. Здесь они прожили почти столетие.

Другие города в Палестине некоторое время сопротивлялись туркам, например, Карак, Маргат, Кастель-Бланко и Антиохия, и, несмотря на сильное соперничество между орденами, Тьерри, Великий магистр тамплиеров, сообщал в письме королю Генриху II, что госпитальеры держались даже с пылом и величайшей храбростью, и хвалил помощь, оказанную ими при захвате турецкого флота, в Тире, когда семнадцать христианских галер, укомплектованных монахами, и десять сицилийских судов под командованием генерала Маргарита, каталонца, разбили неверных и взяли в плен их адмирала и восемь эмиров с одиннадцатью кораблями, а остальные посадили на мель, где Саладин позже сжег их, чтобы они не попали в руки христиан". (Бедфорд).

Однако, несмотря на все это, совместное с тамплиерами занятие Акры оказало дурное влияние на оба ордена, которые обратились не только к роскоши и свободе, но и к мечам друг против друга. В это время Акко был самым космополитичным городом; здесь смешались по меньшей мере семнадцать различных национальностей и языков, каждый из которых занимал свою часть города, так что со временем экстравагантность и похоть расцвели до

последней степени деморализации. Госпитальеры в это время были гораздо богаче тамплиеров, которые очень завидовали им, и как в Маргате, так и в Акре эта зависть проявилась во многих кровавых делах. Ослабленные таким образом этой междоусобной борьбой, они в обратной пропорции усилились. Папа, защищавший их от язвительных порицаний императора Фридриха, в 1238 году нашел нужным обвинить рыцарей обоих орденов в том, что они приютили в своих стенах распутных женщин, владели индивидуальной собственностью, нарушая обеты целомудрия и бедности, и вероломно помогали врагу. Однако многие свидетельствовали о том, что даже в это время они приносили реальную пользу. В 1259 году папа Александр, сетуя на отсутствие более отличительной одежды, издал указ, согласно которому сражающиеся рыцари могли носить черные мантии, а на войне им разрешалось надевать красные сюртуки с белым крестом.

Позже женщинам было разрешено вступать в орден, и многие высокопоставленные дамы воспользовались этим разрешением, соперничая в религиозном рвении и благотворительных делах с самыми святыми из братьев. Как писал в свое время король Венгрии после посещения некоторых из их домов: "Одним словом, рыцари Святого Иоанна заняты, иногда как Мария в созерцании, а иногда как Марфа в действии, и это благородное ополчение посвящает свои дни либо в своих лазаретах, либо в боях против врагов креста".

Однако ухудшение положения Акко было не настолько велико, чтобы сделать из наших рыцарей трусов, и при продолжающейся агрессивной осаде города сарацинами госпитальеры и тамплиеры наконец-то объединили свои усилия, стараясь превзойти друг друга в храбрости и отваге. Несмотря на поражения, ряды мусульман вновь и вновь пополнялись свежими воинами, в то время как воинственные и другие монахи, заточенные в городе, видели, как их общее число неуклонно сокращается. Наконец Джону Вильерсу, Великому магистру, и его немногим уцелевшим бойцам осталось проложить путь к своим лодкам, не оставляя за собой ни одного бойца, а затем сесть на свои галеры и искать пристанище на острове Кипр.

Кипр и Родос. Поселившись на Кипре, рыцари вновь обрели рвение и средства. Здесь они начали строить тот флот галер, который, увеличившись позже на Родосе, стал самым грозным. Когда они вместе с тамплиерами навсегда покинули Святую землю, тамплиеры заняли позицию, что их клятва защищать святыне теперь либо выполнена, либо, по крайней мере, закончена, и распределились по своим многочисленным прецепториям по всей Европе, где они стали *персонами non gratae* для своих гражданских правителей из-за их собственной реальной власти, их восточной показности, их секуляризации и неприятного вхождения и вмешательства в социальную и политическую жизнь и обычаи их новой среды. Ситуация становилась все хуже и хуже, общественные чувства все больше и больше возбуждались, и их уничтожение было лишь вопросом времени. Наконец папа Климент V и король Филипп ле Бель взялись за дело с варварской беспощадностью. Короли, дворяне и народ объединились для выполнения общей задачи. Тамплиеры приобрели различные владения, захваченные, завещанные, всеми законными и незаконными способами, которые приносили в совокупности относительно огромные доходы, слишком сильное искушение для нуждающихся светских правителей, чтобы устоять. В конце концов Папе пришлось вмешаться, чтобы предотвратить полную секуляризацию всего этого огромного богатства, и так случилось, что немалая его часть после секвестра была выделена Ордену Святого Иоанна, Великие магистры и рыцари которого не забыли и не отказались от своих первоначальных обетов и целей, и которые считали, что неприкосновенность их обязательств требует их постоянного проживания в каком-нибудь восточном городе, таком как Родос.

И здесь мы можем расстаться с рыцарями-тамплиерами, как и они, только вполне мирно. Изгнанные из Европы, они сделали свой последний шаг в Великобритании, и об их жизни и деяниях там у нас нет более читаемого и интересного исторического рассказа, чем тот, который Скотт дал нам в "Айвенго". Любые дальнейшие упоминания о них здесь будут самыми случайными. Они представляют обычную картину, только *в расширенном виде*: изначальная бедность и самоотречение в сочетании с преданностью и доблестью, сменившиеся высокомерием, изменой, отказом от цели, необузданным беззаконием, ведущим к преступлениям и жестокости, и все это благодаря богатству, приобретенной власти, эгоизму, скупости и всем унижительным человеческим слабостям. Неудивительно, что их больше не могли терпеть в христианстве.

И вот мы снова обращаемся к госпитальерам, которые теперь стали богатыми и могущественными за счет своих старых соперников и, наконец, врагов. Вскоре стало очевидно, что Кипр не отвечает их нуждам и потребностям. Его король был не слишком дружелюбен, и они стали искать дальше. Их взор остановился на острове Родос, который обладал плодородной почвой, городом с отличной гаванью, не слишком удаленным от основной земли, то есть не слишком изолированным, и находился в то время лишь под номинальным сюзеренитетом императора Восточной или Греческой империи. После нескольких тщетных попыток они, наконец, в 1310 году под командованием двадцать четвертого Великого магистра Вилларета захватили остров, где благодаря их неустанной энергии были построены госпитали и крепости. На Родос также прибывали христианские беженцы из различных турецких провинций, и таким образом их численность быстро увеличивалась. Их флот, строительство которого уже началось (см. *выше*), был значительно увеличен, и с его помощью они не раз вступали в схватки с турецкими корсарами, чьи набеги они практически пресекали.

В начале XIV века были внесены изменения в орден, который теперь делился на лангусты, то есть на национальности, но без существенного изменения первоначального деления на три класса (рыцари, капелланы и служивые братья). Таким образом, орден был распределен между семью нациями или языками: Провансом, Овернью, Францией, Италией, Арагоном, Англией и Германией. Наконец, под давлением Испании Арагонский язык был разделен на два - Арагон и Кастилию, последняя включала Португалию. Различные достоинства и должности были разделены между этими лангустами, главы которых стали своего рода Тайным советом при Великом магистре и были известны как конвентуальные приставы. В каждой стране им давали разные имена; так, Великий Командор английского языка был известен как Туркополье, Франции - Великий Госпитальер, Италии - Адмирал и т. д. По мере того как вокруг города Родос появлялись новые укрепления, каждое из них возглавлялось одним из этих языков или подразделений, а для своих людей каждый из них возводил помещения. Однако из этого не следовало, что все члены каждого языка были выходцами из страны, которую он представлял. Пока Шотландия была независимым королевством, она вносила свой вклад в Туркополию, в то время как многие шотландцы принадлежали к французскому или даже другим языкам. В это время жители города Родос состояли в основном из христианских беженцев, которые были обязаны своей безопасностью и даже жизнью тому факту, что рыцари-госпитальеры все еще придерживались своей главной цели - освобождения пленных и оказания помощи больным и страждущим. Это они обеспечивали с помощью своего флота и хосписов. Когда Смирна едва не попала в руки татарина Тимура, примерно в середине XIV века, орден укрепил свою гавань, возведя новый форт, который они называли Будрум (искаженное от Петрос - скала), где находил убежище любой христианин, спасавшийся от рабства. Здесь же содержалась замечательная порода собак, которых

дрессировали не только как сторожевых, но и для оказания услуг, аналогичных тем, что оказывают альпийские собаки Сен-Бернар.

Со временем султаны все больше завидовали военно-морской мощи, которой обладал Орден. С падением Восточной империи и окончательным захватом Константинополя Магометом II в 1453 году (см. "Принц Индии") стало очевидно, что опасность для ордена с этой стороны стремительно возрастает. Это стало настолько актуальным, что в 1470 году, после того как Магомет захватил остров Негропонт, Великий магистр приказал всем членам ордена немедленно отправиться на Родос. В 1476 году д'Обюссон начал принимать самые активные меры по обороне этого места, и таким образом был готов к нападению, в мае 1480 года, когда 80 000 человек на 160 кораблях высадились на побережье острова. В этой осаде немалую роль сыграли изменники-перебежчики, самым известным из которых был немец Георг Фрапант, которого Великий магистр в конце концов повесил в июле. В последних вылазках, завершивших эту осаду, были совершены подвиги величайшей храбрости, но здесь мы можем только отметить тот факт, что турки были разгромлены, оставив на земле 3500 трупов после последней решающей атаки. Потери осажденных были незначительны по сравнению с потерями турок.

Позже в том же году остров пострадал от сильного землетрясения. Магомет умер вскоре после этого, его сменил сын Бо-Джазет, который заключил перемирие с орденом, подарив ему реликвию, якобы имеющую неоценимую ценность, а именно руку святого Иоанна, которую турки захватили в Константинополе.

Последовали годы сравнительного спокойствия, пока в следующем веке, в 1522 году, Солиман Великолепный не высадился на острове в июле со 100 000 солдат и 60 000 пионеров. Снова начались все ужасы осады. Защитники так храбро выполняли свою роль, что султан публично опозорил своих генералов. Но неизбежный голод вызвал недовольство коренного населения, которое требовало капитуляции и добивалось измены, из-за чего один из самых видных из них был предан суду, признан виновным и казнен. В конце концов, под влиянием обстоятельств, которые больше не могли быть выдержаны, Великий магистр Адам согласился на почетную капитуляцию, и первого января 1523 года рыцари-госпитальеры покинули остров, причем сам султан в экстравагантных выражениях восхвалял их героизм, в то же время язвительно порицая христианских монархов Европы, которые не пришли им на помощь. Таким образом, после двухсот двадцати лет оккупации и управления островом Родос, около 5000 рыцарей и других членов ордена, а также местных жителей, покинули его, чтобы на короткое время поселиться в своем приорстве в Мессине. Изгнанные отсюда чумой, они перебрались в Витербо, а их Великий магистр отправился на поиски нового дома.

Мальта. Мальта была предложена Карлом V в самом начале, а многие желающие обратились к городу Модон в Греции. После семи лет скитаний и нерешительности Великий магистр Л'Исла Адам принял Мальту как лучшее решение проблемы. Орден перебрался туда, и там Адам умер в замке Сент-Анджело, возведенном нормандским графом Роджером Сицилийским, продолжая активно совершенствовать имеющиеся оборонительные сооружения. В 1555 году орден потерял почти весь свой флот из-за сильного урагана, который на некоторое время сделал остров открытым для пиратских нападений, особенно корсара по имени Драгут; но он не причинил особого вреда, разве что, получив знания об острове и его обороне, уговорил Солимана предпринять еще одну попытку сокрушить орден; последний был справедливо взбешен тем, что несколько галер ордена захватили корабль, на котором оказались богатые ценности, принадлежавшие дамам его гарема. Поэтому в 1565 году была вновь объявлена война.

Турецкий флот состоял из 130 галер и 50 лодок меньшего размера, на них находились янычары и 34 000 других солдат, которым Великий магистр мог противопоставить лишь около 9 000 человек, 700 из которых, однако, были отчаянными людьми, освобожденными с галер противника и жаждущими мести. Двадцать четвертого мая осада Сент-Эльмо началась с ожесточенной бомбардировки, стены вскоре были разрушены, а гарнизон вынужден был укрыться в выемках, сделанных в твердой скале. А теперь силы осаждающих пополнились прибытием Драгута, в те времена страшного морского корсара, который пришел еще с тринадцатью кораблями и полутора тысячами человек. Тринадцатого июня произошел отчаянный конфликт, когда после шести часов ожесточенного боя, потеряв всего 300 человек, осаждающие были отбиты. Вскоре после этого Драгут был убит. Двадцать третьего июня была отбита еще одна общая атака, хотя гарнизон при этом сократился до 60 человек. Даже эти небольшие силы, многие из которых были искалечены и изувечены, отразили первый натиск турок, но впоследствии им пришлось продавать свои жизни так дорого, как они только могли.

Турецкий военачальник Мустафа жестоко отомстил, даже за трупы рыцарей, которые он обезглавил, а затем привязал к доскам, чтобы они могли проплыть мимо Сант-Анджело. В ответ Ла Валлетт обезглавил нескольких пленников и выстрелил их головами в турок из своей пушки.

В этот момент гарнизон был усилен за счет прибытия 700 человек и 42 рыцарей из Сицилии. Отказавшись от всех возможностей сдаться и от всех переговоров под флагами перемирия, великий магистр Ла Валлетт построил новые оборонительные сооружения и укрепил старые, несмотря на яростное июльское солнце. Тем временем турки, также усиленные, готовились к еще более отчаянным вылазкам, отбирая для сухопутной атаки людей, не умеющих плавать, чтобы они могли сражаться еще более яростно, и снимая лодки, как только их груз был опустошен, чтобы отступление было невозможным. Тысяча янычар разместились на десяти больших баржах, но девять из них были потоплены артиллерийским огнем с фортов. С другой стороны обороны была полностью разгромлена большая атакующая колонна. Потери турок в этот день составили 3 000 человек, гарнизона - 250.

И так продолжалась осада; атака за атакой, но с небольшим успехом для армии инвестигаторов. Но героические защитники все больше страдали от постоянного напряжения, и обе армии были истощены, турки потеряли 800 человек только от дизентерии. До такой степени это было верно, что когда турецкие офицеры подгоняли своих солдат ударами собственных мечей, оставалось только рубить тех, кто возглавлял атаку, когда остальные разворачивались и бежали.

И вот пришло долгожданное подкрепление из Сицилии, когда флот высадил 8500 человек и вернул еще 4000. Оказавшись не в состоянии продолжать осаду, турки освободили все завоеванные позиции и, наконец, обратились в поспешное бегство, всячески преследуемые победоносным гарнизоном, пытавшимся спастись.

Потери за время осады, сопровождавшейся многочисленными перестрелками, составили около 30 000 турок, 8000 человек и 260 рыцарей Ордена. Странно ли, что на пожертвования со всей христианской Европы вскоре был построен город, носящий имя Валетта, в память о героизме и воинской доблести Великого магистра ордена Ла Валетта, а также о "славном исходе" борьбы за Мальту и утверждении ордена в качестве суверенного независимого сообщества?

Огражденный таким образом от дальнейшей вероятной борьбы, город Валетта приобрел определенную степень славы, позднее даже великолепия. Со всех концов Европы, где бы ни

находилось какое-либо командорство Ордена, Великий магистр получал дань, о чем можно судить даже сегодня, спустя долгое время после того, как французская алчность лишила город многих его сокровищ. Отдельные рыцари соперничали друг с другом в дарах, возникали дворцы, где принимали посланников и даже послов иностранных дворов. Флот был постоянно занят очисткой Средиземного моря от мусульманских и других пиратов, и многие христиане были освобождены с галер, на которых они были прикованы к веслам.

В этой реставрации английский язык принимал довольно незначительное участие, а офицеров и членов церкви часто приходилось упрекать или наказывать за неподчинение или более тяжкие преступления. Вмешалась Реформация в Англии, что послужило некоторой причиной ослабления их рвения. Галеры ордена все больше и больше становились похожими на прогулочные суда, и многие из их круизов были, по сути, увеселительными экскурсиями. Позднее, в период упадка, их приключения стали больше походить на пиратские набеги, пока по марковым грамотам, выданным упадочным Адмиралтейством, мальтийский капер не стал приравняться к пирату. (Мароят). Эти факты едва ли компенсировались еще и тем, что последний флот ордена, покинувший Валетту в 1783 году, был отправлен на помощь пострадавшим от землетрясения на Сицилии.

Что касается их деятельности по оказанию помощи больным, то следует отметить, что по прибытии на Мальту рыцари обнаружили уже существующий госпиталь или хоспис. В зданиях женского монастыря, которые стоят до сих пор, можно увидеть ворота их первой больницы. В 1575 году они возвели еще один, гораздо больший, который был соединен проходом с набережной, чтобы пациентов можно было привозить прямо с кораблей. Это здание частично до сих пор используется в качестве военного госпиталя. Его большое отделение имеет 500 футов в длину и 30 футов в высоту, разделенное перегородками высотой 15 футов. В лучшие времена пациентов обслуживали из серебряной посуды. Он находился в ведении регента французских рыцарей, который имел в своем штате пять врачей и трех аптекарей. Другие рыцари и слуги выполняли функции сиделок. За рыцарями ухаживали с роскошью, и 150 коек всегда были в резерве для тех, кто возвращался из экспедиций и мог в них нуждаться.

В 1796 году, всего за год до начала распада ордена, число пациентов составляло от 350 до 400 человек. Существовала также больница для женщин, рассчитанная на 230 коек, и больница для подкидышей, где находили приют около пятидесяти неимущих.

Любопытная история, связывающая средневековье с недавним прошлым, связана с больничными интересами ордена. Дворяне из Дофиньи основали братство госпитальеров для помощи страдающим от огня святого Антония (эризипелас), которое в 1218 году было преобразовано в регулярный орден Антуана. Примерно 550 лет спустя, а точнее в 1777 году, был заключен договор, по которому орден Святого Иоанна принял их собственность на определенных условиях, предполагавших, помимо прочего, более значительные расходы. Поместья Антонинов во Франции и Савойе были конфискованы в 1792 году, что повлекло за собой огромные потери для ордена, настолько большие, что казна Валетты стала неплатежеспособной. (Бедфорд). С этого времени можно отсчитывать стремительное падение ордена. Злопыхатели и предатели добились главенства, и в 1798 году, после вероломных переговоров, Наполеон высадил часть своей армии на Мальте, и Валетта капитулировала.

Так, по словам Бартлетта, "12 июня 1798 года бесславно завершилась деятельность некогда прославленного ордена Святого Иоанна Иерусалимского, просуществовавшего более 700 лет".

В это время он состоял из 328 зачисленных рыцарей и вооруженных сил численностью около 7000 человек.

Наполеон выразил свое удивление мощью укреплений, оснастил их тысячей пушек, оставил гарнизон из 3000 человек, взял с собой дисциплинированных солдат, которых он там нашел, разграбил остров, лишив его сокровищ, предметов искусства и слитков, и отплыл в Египет. Несколько рыцарей-предателей были преданы смерти разъяренным населением, чей гнев не был успокоен победой Нельсона при Абукире - битве на Ниле - а вылился в открытое восстание. Французский гарнизон в конце концов укрылся в старых укреплениях, где в течение двух лет выдерживал осаду повстанцев и английского флота. Окончательно ослабленные голодом и болезнями, они капитулировали перед английскими войсками под командованием генерала Пигота. Последний затем выбрал капитана сэра Александра Болла, представителя Нельсона, губернатором острова. По Амьенскому миру была предпринята попытка восстановить Орден как правящую власть под протекторатом Великих держав, но сами мальтийцы так горячо возражали против этого, что после долгих споров жители острова решили перейти под суверенитет Великобритании, что было окончательно и бесповоротно подтверждено на Венском конгрессе в 1814 году.

Так исчезло из истории одно из самых интересных и долговечных учреждений, запечатленных на ее страницах, и уж точно самое долговечное из всех подобных. Я говорю "исчезло", имея в виду лишь то, что оно распалось как бы на фрагменты, причем его основная цель, то есть помощь нуждающимся, постоянно сохранялась в поле зрения одних, в то время как другие, предпочитая жизнь солдата, переходили на службу к различным правителям или военачальникам. Предатели, ответственные за оказание сюр Наполеону, понесли заслуженное наказание, хотя, судя по всему, никто из них не был повешен. В миграции Англия, казалось, привлекала многих, возможно, большинство тех, кто все еще был склонен к добрым делам. Титул Великого магистра все еще сохранялся, под некоторым предлогом увековечивания ордена. В России царь Александр в 1801 году, после смерти своего предшественника Павла, объявил себя протектором ордена и назначил графа Солтикова исполнять обязанности Великого магистра.

Расчлененные, разобщенные и разрозненные, фрагментарные языки ордена на пути к окончательному распаду претерпевали различные превратности, за которыми мы не можем здесь проследить. Большинство из них в конечном итоге были полностью уничтожены. Сейчас я останавлиюсь только на английском языке и его частичном возрождении в 1830 году.

Преподобный доктор Пит, капеллан Георга IV, был одним из тех, к кому обратились остатки английского языка, в результате чего в 1827 году некоторые видные английские дворяне с выдающимися достижениями взялись возродить Орден в Англии, только на совершенно иных условиях, чем те, которые существовали ранее. В 1831 году доктор Пит был наделен полномочиями и функциями Великого приора. Сразу становится понятно, как вопрос религиозной веры отделял теперь английский орден от всех оставшихся в живых представителей прежнего режима, и почему были разорваны последние узы.

При новом режиме члены Ордена отбросили не всякую претензию на военную роль; впоследствии можно было прочитать о реальной госпитальной деятельности. Движение спасательных лодок и работа скорой помощи постепенно вошли в их планы и сферу деятельности. Когда начали публично преподавать "Первую помощь раненым", общественный и всеобщий интерес быстро пробудился, и энергичное сотрудничество со стороны выдающихся людей было обеспечено. Другими словами, Орден постепенно

заялся именно тем видом работ, которые сегодня выполняются под эгидой Красного Креста. В 1867 году сэр Эдвард Лечмир основал командорство ордена в одном из своих замков, а в 1874 году способствовал приобретению ворот Святого Иоанна, которые стоят до сих пор, являясь примером тюдоровской архитектуры, а также хорошо сохранившейся монументальной реликвией того времени, начиная примерно с 1180 года, когда орден основал госпиталь в Клеркенуэлле, а дамы ордена разместились в Бакланде, в Сомерсетшире. Старый приорский дом ордена в Клеркенвелле был практически разрушен в 1381 году толпой под предводительством Джека Стро во время восстания, которое, наряду с другими результатами, имело инцидент с обезглавливанием сэра Роберта Хейлза, приора ордена. В процессе медленной перестройки нынешние ворота были завершены только в 1504 году. На северном и южном фронтах сохранились выступающие башни, а в западной башне до сих пор используется винтовая лестница. В работе Бедфорда, из которой я многое почерпнул, даны прекрасные изображения Ворота в их современном виде и восстановленного старого приорства.

Полковник Дункан также заслуживает почетного упоминания в этой связи; он стал директором Движения скорой помощи в 1875 году. Наконец, мы должны отметить, что согласно новому уставу, выданному в 1888 году, Великим приором стал принц Уэльский, позднее король Эдуард. Таким образом, Орден Госпиталя Святого Иоанна Иерусалимского в Англии фактически является законным преемником - можно сказать, прямым потомком старого Ордена рыцарей-госпитальеров, хотя сегодня это светское и добровольное общество, хранящее традиции прошлого, уже не военное и не воинственное, за исключением того, что оно борется с болезнями и лучше всего учит других, как делать то же самое. Дальше рассказывать об этом нет необходимости. По сути, ее работа - это работа Красного Креста. Например, у нее есть склад в старых воротах Святого Иоанна, откуда выдаются все материалы, необходимые для обучения и иллюстрации, а также для оказания первой помощи. Его работа началась с двухколесной тележки, старого треугольного бинта Эсмарха из Германии и носилок из Франции. Теперь он распространяет все эти предметы по всей Британской империи. Кроме того, по всему Лондону курсируют машины скорой помощи, которые делают для своих больниц то же самое, что каждая из наших больниц дома должна делать для себя. Немецкий "Samariter-Verein" - это практически отделение английского Ордена в его возрожденной форме. В 1883 году отделение ордена было организовано в Индии, где, помимо прочего, туземную полицию обучают "первой помощи". В 1882 году под эгидой Ордена был открыт офтальмологический госпиталь в Иерусалиме (Jerusalem), учрежденный фирманом турецкого султана. Только те, кто путешествовал по Востоку, могут оценить, что это значит для бедняков, где убожество соседствует с невежеством, и, как в Египте, хотя и не так повсеместно, и то, и другое сговорились погубить это величайшее из всех благ - зрение.

Но я не буду задерживаться и напишу далее о том, чего добились Лондонская бригада скорой помощи и ее филиалы во многих частях света; в Южной Африке, например, она работает под общим руководством Ордена Святого Иоанна, как он сейчас существует в Лондоне. Он делает все то, что в нашей стране делается Красным Крестом для населения, а Госпитальным корпусом и его медицинскими работниками для нашей армии и флота. Над могилами одиннадцати членов бригады, погибших на своих постах в Южной Африке, в лондонском соборе Святого Павла, неподалеку от склепов, где покоятся останки Нельсона и Веллингтона, воздвигнут монумент в их память. Другой памятник, содержащий среди прочих надписей прекрасную цитату из Священного Писания: "Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих", был открыт Его Королевским Высочеством в качестве Великого Приора в церкви Святого Иоанна, Клеркенуэлл, 11 июня 1902 года. Пятнадцать

сотен человек, зачисленных в Орден, покинули эту церковь перед отправкой на фронт, и из них около семидесяти пожертвовали своей жизнью ради такого долга. Разве погибшие не заслуживают всяческой похвалы и уважения, а оставшиеся в живых - всяческой благодарности?

Несколько лет назад мой друг сэр Джордж Битсон, хирург Королевского лазарета в Глазго, опубликовал небольшую монографию - "Рыцари-госпитальеры в Шотландии и их приорство в Торфичене" (напечатана издательством "Хеддервик и сыновья", Глазго), - которая вызвала у меня достаточный интерес, чтобы посетить этот последний дом старого ордена в этой части света. Маленькая деревушка Торфихен лежит примерно посередине между Глазго и Эдинбургом, в трех милях к югу от города Ллинлитгоу. Здесь в 1124 году был основан один из великих приорств или прецепторий, подконтрольных английскому языку. Они поселились в великолепной и плодородной местности: на севере - Грампианские холмы, на западе - заснеженная вершина горы, известной сегодня как Бен-Ломонд. Благодаря жертвованиям, возделыванию пахотных земель и мудрому управлению своими ресурсами они добились большого процветания с мирской точки зрения. Здесь они возвели здание, часть которого существует до сих пор и представляет собой живописные руины, которые еще не стали сценой запустения.

Члены ордена здесь, как и в других местах, придерживались мнения, что лучший способ служить Богу - это *оставаться в нем* и работать, а не *бежать от него* в ленивое, эгоистичное и бесполезное уединение, как делали слишком многие монахи.

Как и другие монастыри, Торфиченский обладал правом убежища, и в его церковном дворе до сих пор стоит короткий каменный столб, на верхней поверхности которого высечен мальтийский крест. Это означало, что в радиусе мили в любом направлении от все обвиненные в любом преступлении, кроме убийства, могли найти временную защиту.

Здесь в течение четырехсот лет, пока Реформация не нарушила все планы, госпитальеры вели свои дела. В 1560 году их последний прецептор или великий приор передал короне все свое имущество и имущество. Корона в свою очередь сделала эти владения временным баронством, носящим титул лорда Торфихена. С этого времени владения начали страдать - от времени, бурь, вандализма людей и небрежения. Тем не менее нынешний лорд Торфихен показал себя лучшим хранителем, чем некоторые его предшественники. Была построена приходская церковь, частично на месте старого строения, частично в нем. Доктор Битсон высказал мнение, что можно объединить нынешний Орден Святого Иоанна в Лондоне и Ассоциацию скорой помощи Святого Андрея, что пошло бы на пользу обоим, возродив часть работы, проделанной здесь в былые времена.

Я позволил себе это краткое упоминание о Торфичене отчасти из-за интереса к самому месту, связанного с моим визитом туда, а отчасти потому, что каждое такое посещение памятников былого величия и пользы должно укреплять наш интерес и рвение к тому, чего человек добивается сегодня, и должно помочь связать прошлое и настоящее не просто увлекательным, но вдохновляющим образом, и не дать нам забыть девиз Ордена,

"Pro utilitate Hominum"

На благо человечества.

VII

ДЖОРДАНО БРУНО

Ренессанс стал четвертым из великих событий в истории христианской эры; первым был упадок Рима, вторым - введение христианского культа, третьим - вторжение в Южную Европу тевтонских и славянских племен. Однако ни с одним из них, кроме четвертого, данная статья не связана в первую очередь, и даже с четвертым не связана косвенно, хотя и рассматривает его особенности. И протестанты, и католики всячески препятствовали прогрессу и саморазвитию разума. Италия подарила миру Римскую республику, затем Римскую империю и, наконец, Римскую церковь; после этого на севере возник новый центр бури, который устремился в Средиземноморье. Тевтоны уничтожили Западную империю, приняли христианство и полностью изменили то, что осталось от латинской цивилизации. Затем римские епископы отделили латинскую церковь от греческой и под пленительным названием "Священная Римская империя" связали Западную Европу в то, что называют "единым целым". Хотя на самом деле римляне и тевтоны никогда не смешивались однородно, у них все же были общие узы союза. Когда эта коалиция на некоторое время освободилась от папства и империи, началась интеллектуальная активность и независимость мысли, получившая в Италии форму Ренессанса, в Германии - Реформации. На Юге это было известно как Возрождение обучения. Это был *lux a non lucendo*. Италия дала свободу скорее уму, Германия - душе. На юге люди все еще укрывались за той формой измененного язычества, которая стала католицизмом. На севере они достигли более полной эмансипации благодаря своей яростной оппозиции папству и всему, что с ним связано.

В конечном итоге оба достигли одного и того же результата, то есть освобождения разума от искусственных препятствий и оков, хотя северяне достигли его в полной мере гораздо раньше. (Я говорю, конечно, относительно; умы людей и сегодня далеко не свободны, но то состояние, которого мы достигли, - большой прогресс по сравнению со временем Бруно). Реформация заставила людей быть гораздо более откровенными, чем они осмеливались быть на Юге; свободные мыслители Италии все еще довольствовались почтением к тщательно коррумпированной папской иерархии. Как критики и воины Лютер и Кальвин стали освободителями человеческого разума, но впоследствии, став основателями враждебных друг другу сект, они лишь затормозили развитие цивилизации, а основанные ими церкви сегодня напоминают застойные бассейны.

В 1548 году, в самый разгар этого бурного периода итальянской истории, в маленькой деревушке Нола, неподалеку от Неаполя, откуда в живописной дали виднелся Везувий, родился Бруно. Его отец был солдатом, а мать - очень скромного происхождения. О его семейной истории ничего не известно; таким образом, доктрина наследственности мало объясняет чудесные умственные способности, которые он впоследствии проявил. Тем не менее его отец был человеком, по крайней мере, культурным, поскольку дружил с поэтом Тансильо, под влияние которого впоследствии попал подрастающий мальчик. Бруно сам рассказывал нам, как некий Саволино (вероятно, дядя) ежегодно исповедовался своему куру в своих грехах, которые, "хотя они были многочисленны и велики", его благодетельный собеседник с готовностью отпустил ему. Но полная исповедь была необходима только один раз; каждый последующий год Саволино говорил: "Падре mio, грехи годичной давности - вы можете их знать", на что куру отвечал: "Сынок, ты знаешь отпущение годичной давности; иди с миром и больше не грешь".

В те времена, как и во многие другие, суеверия были распространены и действовали повсеместно. Его влияние нельзя игнорировать, изучая формирование характера Бруно.

Когда Бруно было около одиннадцати лет, его отправили в Неаполь, чтобы обучать логике, диалектике и гуманитарным наукам. В пятнадцать лет он поступил в доминиканский монастырь в Неаполе и принял духовный сан этого ордена. Здесь он отказался от своего крестильного имени Филиппо и принял имя Джордано, согласно монастырскому обычаю. В 1572 году он был рукоположен в священники.

Причины, побудившие его таким образом войти в Церковь, искать далеко не надо. Интеллектуал по наклонностям и привычкам, скорее, студент, чем военный, мог сделать только одну карьеру. Конечно, доминиканский орден был самым узким и самым фанатичным из всех, как показывает нынешнее каламбурное выражение "*Domini canes*". Тем не менее в то время он был самым могущественным, особенно в Неаполитанском королевстве, которым тогда правила Испания. Старый монастырь когда-то был домом святого Фомы Аквинского, чьи труды, как утверждал Бруно на суде, он всегда держал при себе, "постоянно читая, изучая и переизучая их, и дорожа ими".

Это была эпоха, когда усилия по уничтожению каждой ереси были удвоены. Фанатизм Лойолы и решение Трентского собора "уничтожать огнем и мечом малейшие следы ереси" - все это было плохой основой для создания образа либерально настроенного ученого. Вскоре Бруно понял это на собственном опыте. Еще во время послушничества его обвиняли в том, что он раздает изображения святых и дает дурные советы своим единомышленникам. В 1576 году его обвинили в апологии ереси Ария, согласно которой Сын был рожден от Отца, а потому не был ни сущностью, ни со-вечностью с Ним, но был сотворен Им и подчинен Ему (что было осуждено Никейским собором 325 года и опровергнуто в Никейском Символе веры), восхищаясь скорее его схоластической формой, нежели абстрактной истиной. Разочарованный таким обращением, он покинул Неаполь и отправился в Рим. Уже здесь, в монастыре Минервы (обратите внимание на языческое название), к нему пристали и обвинили в 130 спецификациях. Тогда он оставил свое одеяние и монастырь и бежал из Рима, начав таким образом кочевую жизнь, которую он продолжал до заключения в подземельях инквизиции в Венеции, шестнадцать лет спустя. В этих скитаниях нужно следовать за ним, если хочешь ознакомиться с его жизнью и чертами характера.

На время он вернул себе имя, под которым был крещен, и отправился в город на берегу Генуэзского залива, где обучал молодежь и молодых джентльменов. Затем он отправился в Турин и Венецию, где провел несколько недель в тщетных попытках найти работу. Но школы и типографии были закрыты из-за чумы. Однако в Венеции ему удалось напечатать свою первую книгу "Знамения времени"; вернее, это была его первая книга, появившаяся в печати. Похоже, что перед отъездом из Неаполя он написал "Ноев ковчег", сатирическую аллегорию. В ней он представил, что животные проводят в ковчеге официальное собрание, чтобы решить вопросы старшинства и ранга, и что председательствующий, Осел, рискует потерять свое положение и влияние, потому что его сила заключается скорее в копытах, чем в рогах. На протяжении почти всей своей жизни Бруно постоянно критиковал асинтию; она часто становилась темой его инвектив, и те, кто читал между строк, вероятно, были вполне оправданы, считая эти частые аллюзии ссылками на невежество, фанатизм и легковерие монахов.

Из Венеции Бруно отправился в Падую, где некоторые монахи-доминиканцы убедили его вернуться к монашескому костюму, поскольку в нем было легче и безопаснее путешествовать. Далее через Брешию и Милан он мог следовать в Бергамо. В Милане он

впервые услышал о своем будущем друге сэре Филипе Сиднее. Из Бергамо он решил отправиться в Лион, но, узнав, что там ему будут рады, свернул в сторону и перешел через Альпы, прибыв в Женеву весной 1579 года. Здесь его посетил знатный неаполитанский изгнанник, маркиз де Вико, который снова убедил его отбросить клерикальное одеяние и дал ему одежду джентльмена, включая шпагу.

Здесь возникает великий вопрос: принял ли Бруно кальвинизм? Перед инквизицией пятнадцать лет спустя он практически отрицал это, но признал, что посещал лекции Бальбани из Лукки, а также других людей, учивших и проповедовавших в Женеве. Согласно правилам Академии (университета), где он уже зарегистрировался, необходимо было соблюдать определенные предписания, и Бруно, похоже, подчинялся им, по крайней мере, в некоторой степени. Но непосредственной причиной его отъезда из Женевы, по-видимому, стала одна из вспышек его цинизма и точной учености, поскольку в 1579 году он был вызван в Совет за то, что заставил напечатать документ с перечислением двадцати ошибок, допущенных профессором философии (де ла Фей) в одной из его лекций. Последний был взбешен и возмущен такой критикой и пренебрежением к его взглядам и учености, и ссора приобрела неожиданный размах, поскольку Бруно, во второй раз представ перед консисторией или высшим церковным трибуналом, отверг обвинения и назвал священнослужителей "педагогами". Эти господа решили отказать ему в причастии, если он не признается и не покается в своих проступках и не принесет должных извинений. Его согласие на эти условия не было достаточно сердечным, чтобы удовлетворить его судей, он получил наставления и был исключен из причастия. Эти меры привели к еще большему раскаянию с его стороны, и запрет на отлучение был снят. Этот приговор об исключении был единственным, который консистория могла вынести, но он не доказывает, что Бруно принял протестантскую веру или причастился. На самом деле на суде он упорно отрицал это. Однако, похоже, кальвинизм вызвал у него отвращение, против которого он впоследствии не переставал возмущаться. Позже он противопоставил его лютеранству, которое было гораздо более терпимым и еще позже оказало ему более радушный прием. Кальвин, как следует помнить, написал полемику против Сервета, "в которой доказывается, что еретиков можно принуждать мечом". В те дни между Тридентским собором и Кальвином, безусловно, было трудно выбрать либо веру, либо место, где эта вера могла бы мирно исповедоваться. Несомненно, взгляды Бруно на философию Аристотеля противоречили взглядам церковных властей, ведь Беза (последователь Кальвина) заявил, что они не собираются ни на йоту отступать от мнения этого греческого философа, к которому, хотя он и языческого происхождения, Церковь, как Римская, так и Pro testant, была веками так крепко привязана.

Отряхнув женевскую пыль со своих ног, он отправился в Лион, где совершенно не смог найти себе занятия, а затем в Тулузу, где пробыл около двух лет. Здесь он получил степень доктора богословия, чтобы претендовать на вакантную кафедру. На эту кафедру он был избран студентами, как это было принято в большинстве *схолий* или университетов. В течение двух сессий он читал лекции по Аристотелю. Если бы этот университет потребовал от него посещения мессы, как некоторые другие, он не смог бы этого сделать из-за своего отлучения от церкви; хотя почему исключение из кальвинистской академии должно было лишить его возможности посещать католическую мессу, не ясно. Тулуза была *теплым* местом для еретиков; сожжение 14 000 из них при ее взятии доказывает это. Через несколько лет (35) после того, как он покинул ее, Ванини был сожжен за еретические взгляды. Вряд ли можно поверить, что Бруно мог провести здесь два года или больше без споров, вызванных его учением. Но основной причиной его отъезда в 1581 году в Париж стала война, бушевавшая в то время в Южной Франции под руководством Генриха Наваррского.

Перед отъездом из Тулузы он закончил свой "*Clavis Magna*" или "Великий ключ", последнее слово в искусстве памяти, как ему казалось. Только один том этого великого труда, который, по его самолюбивому выражению, "великолепно беременный", был когда-либо опубликован, и то в Англии, "*Sigillus Sigillorum*". Не следует забывать, что именно преподаванием и практикой этого искусства памяти Бруно гордился на протяжении всей своей карьеры. Он даже был не прочь, по крайней мере в некоторые периоды своей карьеры, поверить, что у него есть некая секретная система для этой цели или даже оккультная помощь. Но когда его вызвали к Генриху III, до чьих ушей дошла его слава, и спросили, являются ли его память и искусство, которые он исповедует, естественными или обусловленными магией, он доказал, что хорошая память - это культивируемый природный продукт. Затем он посвятил королю книгу "Искусство памяти".

Но это было вскоре после его прибытия в Париж в 1581 году, где он быстро стал знаменитым. Курс из тридцати лекций о "*Тридцати божественных атрибутах*" святого Фомы Аквинского обеспечил бы ему кафедру, если бы он мог посещать мессу.

Его пребывание в Париже было отмечено необычайной литературной активностью. Он последовательно опубликовал "*De Umbris Idearum*" ("Тень идей"), посвященную Генриху III (в нее входило только что упомянутое "Искусство памяти"), "*Cantus Circaeus*" ("Заклинание Цирцеи"), посвященную принцу Генриху; "*De Compendiosa Architectura et Complemento Artis Lulli*" ("Компендиум архитектуры"); "*Il Candelaio*" ("Факелоносец"); все они появились в 1582 году. Они сильно различались по характеру. Первая была посвящена метафизике искусства запоминания с анализом этой способности, а вторая была посвящена той же общей теме. Все это было неясно, отсюда, возможно, и популярность. Бруннхофер говорит, что это было "удобное средство ввести Бруно в странные университеты, завоевать его благосклонность среди великих или выручить его от острой нужды в деньгах". Это была его экзотерическая философия, которой он мог тщательно задрапировать философию религии, враждебной Церкви, и ездить на ней как на лошади в своих неплодотворных забавах". Тем не менее мы должны верить в его искренность. Компендиум архитектуры" - первая из его работ, в которой Бруно рассматривает взгляды Раймона Люлли, "логическое исчисление и мнемоническую схему в одном лице" (Макинтайр), у которой было много подражателей. К Люлли Бруно, похоже, относится с большим уважением, и это проявляется во многих отношениях. Люлли, кстати, был испанским схоластом и алхимиком, родившимся на одном из Балеарских островов в 1235 году. Он отправился в качестве миссионера к магометанам и провел много времени в Азии и Африке. Он занимает важное место в истории алхимиков и оккультистов.

Факелоносец" был произведением совершенно иного характера. Один из тех, кто называл себя "академиком отнюдь не академическим, а фастидито: В тристии уморительной, в уморительной тристии", назвал его "комедией". По сути, это сатира на преобладающие пороки - педантизм, суеверие и эгоизм или низменную любовь. Несмотря на отсутствие драматической силы, она считается непревзойденной в своем роде и времени. Ее *действующие лица* - это олицетворенные типы, а не личности. Она реалистична даже в своей пошлости, ведь непристойность была распространена в литературе того времени. Но в ней Бруно нанес удар по тому, что казалось ему главным врагом, - педантизму.

В это время в Париже существовали два великих университета: Коллеж де Франс, либеральный, противостоящий иезуитам и педантизму, и Сорбонна, веками стоявшая на страже католической веры и наделенная правом цензуры, которое, должно быть, распространялось и на произведения Бруно. В каком из них, хотя, несомненно, в одном из

них, Бруно был назначен экстраординарным лектором, история не сохранила. Должно быть, он оскорблял и тех, и других, поскольку стремился вернуться в лоно Церкви, но при этом был революционером в своем учении. Более тридцати лет спустя Ностиц, один из его учеников, отдал должное его разносторонности и мастерству, сказав, что "он был способен говорить экспромтом на любую предложенную тему, говорить обширно и подробно без подготовки, так что он привлек множество учеников и поклонников в Париже". (Макинтайр). Но Бруно принадлежал к буквально перипатетической школе, и в 1583 году он покинул Париж и отправился в Лондон, потому что, как он говорит, "бушевали беспорядки", оставляя на усмотрение воображения, были ли они гражданскими или схоластическими.

В это время царствовала Елизавета; благодаря ее влиянию Англия стала безопасной гаванью для религиозных и других душевнобольных. Она питала склонность к итальянцам и их языку; два ее врача были итальянцами, а Флорио был всегда желанным гостем при ее дворе. К этому двору был принят и Бруно, и, греясь некоторое время под солнцем ее внимания и покровительства, он провел там самую счастливую часть своей несчастной жизни. В то время Оксфорд был оплотом аристотелизма. Один из его уставов предписывал, что "бакалавры и магистры, не следующие в точности Аристотелю, подлежали штрафу в пять шиллингов за каждое расхождение и за каждый проступок, совершенный против логики "Органона"". (Макинтайр). В Оксфорде в это время, к сожалению, теология была единственной живой темой; науки, как и настоящей учености, было мало или совсем не было. (Преобладающая черта тех дней, возможно, остается таковой и по сей день). В этот университет Бруно направил письмо, составленное в тщеславных и эгоистичных выражениях, с просьбой разрешить ему читать лекции. Письмо не было принято благосклонно, а его доктрины не встретили поддержки в этом древнем учебном заведении, которое Бруно позже заклеил как "вдову истинной науки". Однако в июне 1583 года ему представилась возможность публично поспорить перед знатным гостем, польским князем, неким Аласко, для которого было организовано большое общественное развлечение. Его оппонент, побежденный пятнадцатью неопровержимыми силлогизмами, прибег к грубости и оскорблениям. Эта публичная выставка положила конец лекциям о бессмертии души, которые Бруно было разрешено читать, и он вернулся в Лондон.

Вскоре после этого он опубликовал свою работу "*Cena*" ("Вечеря пепельной среды"), в которой высмеивал оксфордских докторов, говоря, в частности, что они гораздо лучше знают пиво, чем греческий язык. Но он критиковал слишком цинично и тем самым потерял популярность. Это привело к появлению "*Causa, a dia logue*", в которой он был менее злопамятен. В ней он признал, что в старом учебном заведении было много достойного восхищения; что оно было первым в Европе, что там впервые расцвела спекулятивная философия, и что затем "великолепие одной из самых благородных и редких сфер философии, в наше время почти исчезнувшей, распространилось на все другие академии в цивилизованных странах". Больше всего он осуждал слишком большое внимание, уделяемое языку и словам, в то время как реалии, ради которых слова существуют, игнорировались. Доктора легко становились докторами, а докторские степени слишком дешево покупались. Вкратце его обвинение заключалось в том, что они принимают тень за сущность; это обвинение еще слишком часто оправдывается в оплотах теологии и других спекулятивных догм.

Вернувшись в Лондон после этого опыта, Бруно отправился жить к Мовисьеру, французскому послу. Хотя в английских документах нет никаких упоминаний о его присутствии, совершенно точно, что он часто бывал при дворе, и такие люди, как Сидней, Гревилл, Темпл и другие, были его частыми спутниками. Но поскольку влияние посла шло на убыль, он не справился с

возложенным на него большим доверием. В это время наш философ говорил о себе как о том, "кого глупые ненавидят, благородные презирают, кого мудрые любят, ученые восхищаются" и т. д. (Макинтайр). О королеве Елизавете он писал в самых пышных выражениях, таких, которые она слишком дорого любила. Перед своими судьями, несколько лет спустя, Бруно извинился за свои преувеличенные выражения в адрес протестантской правительницы, утверждая, что когда он говорил о ней как о "божественной", он имел в виду это не как термин поклонения, а как эпитет, подобный тем, которыми древние наделяли своих правителей; утверждая далее, что он знал, что ошибался, восхваляя таким образом еретичку.

Бруно опубликовал в Англии семь работ. Первая - "*Explicatio triginta Sigillorum*" ("Объяснение тридцати печатей"), в которой объясняются тридцать печатей, являющихся подсказками для приобретения, упорядочивания и запоминания всех искусств и наук. К ней был добавлен его "*Sigillus Sigillorum*" для сравнения и объяснения всех умственных операций. Затем появился итальянский диалог "*La Cena de le Ceneri*", или Вечеря Пепельной среды. Он был написан в похвалу и расширение теории Коперника, действительно превосходя ее в учении о тождестве материи, бесконечности Вселенной, возможности жизни на других сферах, с тщательной попыткой показать, что эти понятия не противоречат представлениям Матери-Церкви. Далее последовала работа "*De Causa, Principio et Uno*." (Причина, принцип и единство). В ней речь шла об имманентности духа, вечности материи, потенциальной божественности жизни, происхождении греха и смерти и многих других подобных заумных темах. За ней последовала работа "*О бесконечной Вселенной и мирах*" (*De l'Infinito Universo ed Mondi*), в которой приводится множество доводов в пользу того, что Вселенная бесконечна и состоит из бесчисленного множества миров, в которых повсюду обитает божественная сущность.

Все эти работы появились в 1583 году. В 1584 году появилось его "*Spacio de la Bestia Triofante*" или Изгнание торжествующего зверя. В этой прозаической поэме Юпитер, рассказавшись в своих ошибках, решает изгнать многочисленных зверей, занимающих его небесную сферу - созвездия, - и заменить их добродетелями. На созванном им совете богов обсуждаются многие темы, в том числе история религий, различия между естественными и явленными религиями и основные формы морали. В этой аллегории Юпитер, конечно же, олицетворяет человеческий дух; Медведь, Скорпион и т. д. - пороки, которые необходимо изгнать. К сожалению, книга была воспринята как нападение на церковь или Папу Римского, хотя на самом деле он бил по легковерию человечества. Книга была посвящена сэру Филипу Сиднею. Затем появилась его "*Кабала Кавалло Пегасио*", посвященная мнимому епископу, который был выдан за дух невежества и лени. Это язвительная сатира на аскетизм, включая легковерие и беспрекословную веру. После этого он посвятил Сиднею еще одно произведение. "Энтузиазм благородных" - сборник сонетов с прозаическими комментариями, подобно "*Vita Nuova*" Данте, затрагивающий любовь к духовной красоте, вытекающую из любви к физической красоте, достигающей кульминации в своего рода экстазе от единения с божественным. Помимо прочего интереса, эти сонеты обладают очень высокой литературной ценностью.

Когда его посольский патрон был отозван, Бруно, вероятно, вернулся с ним в Париж во второй половине 1585 года. Здесь он провел год среди постоянных волнений и тревог, причем за свой счет. Хотя он пытался примириться с Церковью, его считали отступником. Он провел еще одну публичную дискуссию, в которой выдвинул сто двадцать тезисов против

учения Сорбонны, и его сторону принял соперник, Коллеж де Франс. Результат не мог быть блестяще благоприятным, так как вскоре после этого он покинул Париж, в июне 1586 года. Сборник обвинений, о котором шла речь выше, был опубликован в Париже после отъезда Бруно, а также в Виттенберге под названием "*Excubitor*" ("Посол"). Это был обвинительный акт против аристотелианцев, основанный на словах самого великого мастера. Бруно претендовал на то же право критиковать Аристотеля, на которое тот претендовал, критикуя своих предшественников. В ней Бруно говорит: "Это бедный ум, который будет думать с толпой, потому что это толпа; истина не изменяется мнениями вульгарных или подтверждением многих;" - и снова - "более благословенно быть мудрым в истине перед лицом мнения, чем быть мудрым в мнении перед лицом истины." (McIntyre, p. 50).

Кроме того, перед отъездом из Парижа Бруно опубликовал комментарий к "Физике" Аристотеля.

Проживая несколько в стороне, Бруно добрался до Виттенберга, где в 1586 году поступил в университет, так как Марбург его категорически отверг. Описывая его здесь, Макинтайр называет его "рыцарем философии" (Knight Errant of Philosophy). Здесь на богословском факультете преобладало лютеранство, а на философском - кальвинизм; взгляды на личность Христа, "реальное присутствие" и доктрину предопределения отдаляли их друг от друга, несмотря на попытки Меланктона объединить эти две фракции. От лютеранской партии Бруно получил разрешение читать лекции, и так в течение двух лет он преподавал по "Органону" Аристотеля, а также по трудам Раймонда Луллия. Университетскому сенату он посвятил работу о Лулли "*De Lampade Combinatoria Lulliana*", главной целью которой было научить человека находить "неограниченное количество предложений и средних терминов для речи и спора". Он считал ее единственным ключом к луллианским сочинениям, а также ключом к множеству тайн пифагорейцев и кабалистов. Вскоре за ней последовала "*De Progressu et Lampade Venatoria Logicorum*", призванная дать возможность "быстро и много спорить на любую тему".

Но судьба вновь заставила сменить место жительства, так как политическое превосходство получила кальвинистская и герцогская партия, для которой Бруно, как коперниканец, должен был выглядеть еретиком. Произнеся красноречивую прощальную речь, он отправился дальше, его следующим пристанищем стала Прага, где Рудольф II Богемский изображал из себя друга всех ученых людей. Здесь у него уже были друзья при дворе, и здесь он представил себя с еще одним луллиановским произведением. Императору он посвятил следующий труд иконоборческого толка - "Сто шестьдесят статей против математиков и философов того времени". За это император пожаловал ему триста долларов, и в январе 1589 года он снова переехал в Хельмштадт, в Брауншвейг, где снова поступил в самый молодой из немецких университетов. Он был основан всего за двенадцать лет до этого герцогом Юлием, который придерживался крайне либеральных взглядов и намеревался основать образцовое учебное заведение, в котором теология не должна была играть слишком большую роль. Но пока он получал здесь определенное признание, судьба снова играла с ним, так как герцог умер через четыре месяца после его приезда. Бруно получил разрешение произнести погребальную речь, желая выразить свою благодарность памяти того, кто открыл такое учреждение, столь свободное для всех любителей Муз и для таких изгнанников, как он, которые здесь были защищены от жадной пасти римского волка, тогда как в Италии он был прикован к суеверному культу. Она была полна намеков на папскую тиранию, которая заражала мир сильнейшим ядом невежества и порока.

Глупое простодушие и житейскую слепоту, которые проявил Бруно, ни разу не ступив на итальянскую или папскую территорию после написания этого *Oratio Consolatoria*, можно как-

то оценить, но никогда не понять и не объяснить. Кроме того, он стал *персоной нон грата* и для протестантов, которые были едва ли более либеральны, чем католики. Похоже, что великий Боэций, управляющий церковью в Хельмштадте, выступил в роли судьи и палача и публично отлучил Бруно от церкви без слушаний, поскольку сохранилось письмо, в котором обжалуется его произвольное решение и злой умысел. Основания для такого решения так и не стали ясны, поскольку на апелляцию не обратили внимания; но поскольку Бруно так и не присоединился к протестантскому вероисповеданию, это, должно быть, имело целью наложить некий социальный ostracism. Впоследствии Боэция пришлось пресечь. Но Бруно, обнаружив у себя слишком много врагов, в 1590 году уехал во Франкфорт, "чтобы напечатать две книги".

Это два его великих латинских произведения, "*De Minimo*" и "*De Immenso*", введение к последнему - "*De Monade*". Над ними он работал собственными руками. В предисловии к первому издатель сообщил, что перед окончательной редакцией Бруно был спешно отозван по непредвиденной случайности. Этот внезапный отъезд, возможно, был вызван отказом городского совета разрешить ему жить там, а возможно, это был вызов в Цюрих, где он провел несколько месяцев с неким Хайнцелем, который склонялся к черным искусствам. Бруно написал для него "*De Imaginum Compositione*", руководство по искусству памяти. В этом швейцарском городе он также продиктовал работу "*Summa Terminorum Metaphysicorum*", которая была опубликована только в 1609 году, и то в Марбурге. Но Бруно вернулся во Франкфорт в 1591 году, где получил разрешение на публикацию своего "*De Minimo*". Эта работа была посвящена "трехкратным минимумам и измерениям, являющимся элементами трех умозрительных и нескольких практических наук". Эта работа, как и две следующие, была латинской поэмой, написанной по образцу Лукреция. В "*De Monade, Numero et Figura*" речь шла о монаде и элементах более эзотерической науки, а в "*De Immenso et Innumerabilibus*", "Неизмеримом и неисчислимом", - о Вселенной и мирах. Эти три поэмы содержат полную философию Бруно о Боге и природе.

Во время второго пребывания во Франкфорте Бруно был приглашен молодым венецианским патрицием нанести ему визит и стать его наставником в тех искусствах, в которых философ преуспел. Когда Бруно принял это, казалось бы, заманчивое приглашение, произошло самое печальное событие в его несчастной жизни. Мочениго, его хозяин, был из хорошей семьи, но неглупый, тщеславный, слабоумный и бесчестный, с модным в его время пристрастием к черным искусствам. Вполне возможно, что он был еще и орудием инквизиции, которая давно хотела заманить Бруно в ловушку. Вероятно также, что последний не понимал, насколько незavidное отношение к нему было со стороны той церкви, к которой он все еще считал себя принадлежащим. Кроме того, Венеция тогда была республикой и свободной, и он снова тосковал по своей любимой Италии.

По пути в Венецию он провел три месяца в Падуе, преподавая там и собирая вокруг себя учеников, даже за это короткое время. Он едва успел покинуть ее, как Галилей был приглашен туда преподавать; как сказал Риль, "создатель современной науки следовал по стопам ее пророка".

В начале 1592 года Бруно переехал жить в дом Мочениго. Вскоре начались неприятности. Совершенно разные по темпераменту и характеру, они вскоре разошлись во мнениях. Ученик был глубоко разочарован тем, что не овладел тайнами природы, на что надеялся, и обнаружил, что нет быстрого способа приобрести цепкую и полную память. И тогда Мочениго объявил своему другу, книготорговцу Чотто, о своем намерении вывести у Бруно все, что можно, а затем донести на него в Святую канцелярию. Пока другие составляли против него заговор, Бруно писал труд "Семь свободных искусств" и "Семь других

изобретательных искусств", намереваясь представить его папе, надеясь таким образом получить отпущение грехов и освободиться от запрета на отлучение.

Когда Бруно наконец осознал опасность, которой он был окружен, он объявил о своем намерении снова отправиться во Франкфорт, чтобы напечатать несколько своих книг, и таким образом распрощался с Мочениго. На следующий день, в мае 1592 года, Бруно был схвачен шестью мужчинами, которые силой заперли его в верхнем этаже дома Мочениго. На следующий день его перевели в подземный погреб, а на следующую ночь - в тюрьму инквизиции. 23 мая его бывший хозяин доносит на него, коварно и лживо рассказывая о некоторых его взглядах и учениях. Так, он заявил, что чудеса Христа были лишь кажущимися, что он и апостолы были волшебниками, что католическая вера полна хулы на Бога, что монахи осквернили мир и не должны быть допущены к проповеди, что они - попы, а доктрины Церкви - верования попов и т. д. (Макинтайр). За этим два дня спустя последовал второй донос, в котором Мочениго дошел до дьявольской крайности обмана и лицемерия, заявив, что все время, пока он развлекал Бруно, он обещал себе доставить его в Святую канцелярию. Через сорок восемь часов Священный трибунал собрался для рассмотрения дела; перед ним предстали книготорговцы, знавшие Бруно в Цюрихе и Франкфорте, а также Бруно от своего имени, заявив о своей полной готовности рассказать всю правду. Через несколько дней Мочениго дал еще одно показание, осудив высказывания Бруно о непогрешимости Церкви. На следующий день Бруно снова выступил в свою защиту и обратился к знаменитой и ошибочной доктрине двуединой истины, признав, что он слишком много учил как философ, а не как честный человек и христианин, и что он слишком много основывал свои учения на чувстве и разуме и недостаточно на вере, - настолько спекулятивным стал его аргумент, когда перед ним были ужасы инквизиции. Далее он утверждал, что его целью было не опорочить веру, а возвеличить философию. Затем он красиво изложил свои взгляды, заявив, что верит в бесконечную вселенную, в бесконечную божественную потенцию, считая недостойным бесконечной силы создавать конечный мир, когда она может создать такую огромную бесконечность; вместе с Пифагором он рассматривал этот мир как одну из многих звезд, бесчисленных миров. Эта вселенная, по его мнению, управляется универсальным провидением, существующим в двух формах; одна природа - тень или отпечаток божества, другая - неизреченная сущность Бога, всегда необъяснимая. В отношении триединого Божества он признался в некоторых философских сомнениях, а также в использовании термина "*лица*" в этих различиях, цитируя при этом святого Августина. Чудеса он всегда считал божественными и подлинными; в отношении Святой Мессы и Пресуществления он был согласен с Церковью. С течением времени он все больше настаивал на своей ортодоксальности. Он осуждал еретические труды Меланктона, Лютера и Кальвина, с уважением относился к трудам Луллия из-за их философского смысла, а к святому Фоме Аквинскому питал самое глубокое уважение.

Среди других пунктов обвинительного заключения, которые ему пришлось предъявить, были его сомнения в отношении чудес, таинств и воплощения, восхваление еретиков и еретических князей, а также знакомство с магическими искусствами. В конце концов он торжественно отрекся от всех ошибок, которые когда-либо совершал, и ересей, которые когда-либо произносил, сомневался или верил, молясь лишь о том, чтобы Святая Канцелярия приняла его обратно в Церковь, где он мог бы покоиться с миром. Были проведены дальнейшие экспертизы и отозваны предыдущие процессы против него в Неаполе и Риме. После этого наступил период видимого спокойствия, за исключением того, что он оставался в тюрьме. Неизвестно, каким пыткам его подвергали, но есть сведения, что он стоял на коленях перед судьями, прося у них и у Бога прощения за все свои проступки, и

признавался готовности к любому покаянию, видимо, еще не понимая, какая участь его ожидает.

Чуть позже выяснилось, что Священная конгрегация Верховного трибунала Священной канцелярии в Риме желает взять на себя всю дальнейшую ответственность за процесс против столь выдающегося еретика. Соответственно, для этого были приведены в движение все механизмы Церкви. Переговоры с Венецианской республикой, несколько утомительные и сложные, которые не должны нас сейчас задерживать, были, наконец, завершены. 7 января 1603 года венецианский прокурор сообщил о Бруно, что "его недостатки были чрезвычайно серьезными в отношении ересей, хотя в других отношениях он был одним из самых превосходных и редких натур, а также обладал изысканной образованностью и знаниями" (Макинтайр), но что дело было необычайно серьезным, Бруно не был венецианским подданным, Папа был очень обеспокоен и т. д. Тогда было решено передать его в трибунал инквизиции в Риме; как было должным образом сообщено, папа был глубоко удовлетворен.

Затем он отправился в Рим и здесь пропал, насколько можно судить по документам, на шесть лет. Как объяснить этот факт и эту очевидную милость, не мало беспокоит биографов. Было ли это время потрачено на изучение его объемных трудов, что кажется невероятным, или доминиканцы так долго трудились, чтобы добиться его более абсолютного отречения, чтобы предотвратить скандал в своем ордене, или же сам папа Климент в какой-то степени благожелательно относился великому ученому, который так хотел посвятить ему *magnum opus*; - на эти вопросы история не дает ответа. Доминиканцы сделали вид, что спустя годы сомневаются, был ли он когда-либо предан смерти и принадлежал ли он вообще к их ордену. Эти заявления слишком характерны, чтобы вызывать лишь грустную улыбку.

В конце концов, дело удалось завершить благодаря усилиям отцов Коммисарио и Беллармино; последний был ревностным фанатиком, решившим, что коперниканство - это ересь, и впоследствии выдвинувшим обвинение против Галилея. Благодаря их махинациям Бруно в феврале 1599 года был признан по восьми пунктам опасным еретиком, который все еще мог признавать свои ереси, и ему было дано сорок дней на то, чтобы отречься и покаяться. Но этот срок растянулся на десять месяцев, до декабря, когда стало известно, что Бруно отказался отречься, не имея ничего, что можно было бы взять назад. Среди трибунала в это время находился фанатик Сан-Северино, озлобленный неудачей добиться папства, который заявил, что день святого Варфоломея был "славным днем, днем радости для католиков". Было решено, что высшие офицеры доминиканцев должны предпринять последнюю попытку заставить или уговорить Бруно отречься. Он отказался это сделать, и тогда, 20 января 1600 года, было принято постановление "принять дальнейшие меры, *servatis servandis*, вынести приговор и передать упомянутого монаха Джордано светским властям". Через несколько дней Бруно был разжалован, отлучен от церкви и передан губернатору Рима с обычной лицемерной рекомендацией "проявить милосердие" и наказать его "без пролития крови", что, конечно же, означало сожжение на костре.

Ответ Бруно своим судьям заслуживает того, чтобы быть напечатанным золотыми буквами, когда его удастся записать: "*Возможно, ваш страх при оглашении моего приговора больше, чем мой при выслушивании его*".

Избежим слишком подробного рассказа о его казни. По некоторым сведениям, ему связали язык, потому что он отказался слушать увещания членов Общества святого Иоанна Усекновения, более известных как Братья Мизерикордии, которые сопровождали

осужденных на эшафот или на кол, прибегая к самым жестоким методам, чтобы в последние минуты жизни вызвать хотя бы видимость отречения или покаяния.

Здесь следует сказать о Бруно, что какими бы ни были его слабости перед инквизицией в Венеции, он твердо стоял на своем кресте, когда его подвергли последнему испытанию, и умер идеальной мученической смертью, потому что его вера не совпадала с верой его гонителей.

Так закончилась жизнь одного из величайших итальянских знаменитостей и ученых. Тогда повод не имел того значения, которое мы придаем ему сейчас. Сожжение еретика было частым зрелищем, а 1600 год был годом Юбилея, когда смерть еще одного неверующего была всего лишь событием одного дня. Он сам предвидел это, говоря: "Факелы, пятьдесят или двенадцать, не подведут меня, даже если поход будет в середине дня, если мне выпадет судьба умереть в римско-католической стране".

Остается прокомментировать его характер и проанализировать его взгляды.

Самым большим пятном на первом является его поведение перед венецианским трибуналом. Сначала он вел себя вызывающе, даже полемически, твердо отстаивая свое право пользоваться естественным светом чувства и разума. Под воздействием более сильного стресса он сменил это на абсолютное и возмущенное отрицание и, наконец, стал покорным до последней степени, смиряясь и в конце концов вымаливая помилование на коленях. То, что это отношение менялось по мере того, как он лучше осознавал свое положение, не вызывает сомнений. Более того, никогда нельзя предугадать, что могут сделать чуткие и чувствительные натуры под воздействием пыток. Многие ли из нас смогли бы устоять перед убедительностью дыбы, когда дело касалось изменения наших убеждений? Но какими бы ни были его слабости в то время, он полностью реабилитировал себя перед кончиной, ведь разве его прах не был развеян по ветру в знак того, что он совершенно не отрекался? Конечно, ни один мученик за науку или догму не умирал более достойной смертью, в назидание и в пример другим.

Что же сказать о его гонителях и обвинителях? Давайте будем милосердны, давайте будем справедливы. Есть ли у нас еще то абсолютное знание добра и зла, которое позволит нам вынести окончательный приговор людям прошлого, их мотивам и поступкам? Моральные представления - это продукт расы, эпохи и среды; они сильно меняются с течением времени. В Декалоге или вне его нет ни одного преступления, которое во все времена и у всех народов считалось бы таковым. Церковь на протяжении нескольких веков пользовалась монополией на мудрость и образование, а также на возможности их приобретения. Ревность, фанатизм, нетерпимость, нетерпимость, фанатизм были естественными продуктами таких условий. Жестокость и пренебрежение к человеческой жизни - тоже. Соедините ум фанатика с телом того, кто не знает страха, и в результате вы получите Лойолу или Сен-Луи Французского, который считал, что единственным аргументом в споре с еретиком для мирянина должен быть меч, пронзающий тело. Если же ересь стала преступлением, караемым жестокой смертью во всех столицах Европы, то давайте винить не столько тех, кто обучался и рос в этих понятиях, сколько церковь, которая их проповедовала, будь то католическая или протестантская. Только если одна из них действительно была, как она до сих пор утверждает, *непогрешимой*, то что же стало с ее непогрешимостью? Или, если ересь по-прежнему считается преступлением, что тогда говорить об этике Церкви? Если одно было дано Богом, то другое - не по-христиански. Но ни один свободный мыслитель не может участвовать в богословской полемике или в иезуитских софизмах, не позволяя своему разуму возбуждать эмоции; а когда эмоции входят в дверь, логика вылетает в окно.

Итак, скажем, что Бруно в некоторых отношениях настолько опередил свое время и поколение, что они его не поняли. И все же он был *факелonosцем*, сохранившим на своем погребальном костре, проливающим свет, который озарил грядущие века и помог сделать эпоху итальянского Возрождения одной из самых важных и славных в мировой истории. Если бы он был более известен и более широко изучен, английские и американские студенты поставили бы его на ту вершину, которую он заслуживает в Зале славы.

Что можно сказать о Бруно как о философе? Он, первый из всех людей средневековья, учил, что природа любима и достойна изучения. Любя ее, доверяя ей, он находил общий язык со всеми психическими процессами своих коллег-ученых. Таким образом, естественный метод вступал в прямую оппозицию с назойливо искусственными и напряженными методами его времени. Он считал, что наши глаза даны нам для того, чтобы мы могли открывать их и смотреть вверх. "Видя, я не притворяюсь, что не вижу, и не боюсь открыто заявить об этом", - говорит он. Его философия была скорее продуктом интуиции, чем рации, что и стало его настоящей религией, для которой католицизм был плащом, потому что в те времена человек был вынужден носить плащ или прожить лишь короткую жизнь, да и то в тюремных стенах. За что должна ответить средневековая церковь, католическая и даже протестантская, в том, что касается подавления истины и провоцирования лицемерия, не поддается человеческому измерению. К аргументам от авторитета он относился с величайшим презрением, и в этом он преподавал миру мыслителей ценный урок. "Верить многим, потому что их много, - вот признак раба" (Макинтайр). Перед Ба кон, перед Дескратом, он видел необходимость "сначала очистить разум от всех предрассудков, от всех традиционных убеждений, опирающихся на авторитет". Так он начинает один из своих сонетов: - "О святое единство!

"О, святая аскетичность! О, святое невежество, святая глупость и благочестивая преданность, которые одни делают души настолько хорошими, что человеческий ум и рвение не могут идти дальше" и т. д.

Благодаря независимости своих умственных процессов он был полностью брошен на собственные ресурсы, а его натура, и без того сдержанная и достойная, стала более интроспективной и самосознательной. Таким образом, в нем развились черты тщеславия и эгоизма, которые порой приводили его к напыщенному самовосхвалению Парацельса. Он не испытывал ничего, кроме отвращения к простолюдинам и тем ученым (педантам), которыми они восхищались. На вульгарный ум больше влияли софизмы, видимость, неспособность отличить тень от сути. Возьмем лишь две или три концепции Бруно.

Он, возможно, впервые в средние века учил превращению низших организмов в высшие, следуя за греками, которые впервые изложили доктрину эволюции, которую Дарвин и Уоллес отредактировали и проиллюстрировали как закон органической непрерывности жизни, который мы называем *эволюцией*. Далее он писал о человеческой руке как о факторе эволюции человеческой расы, что должно было похвалить его перед автором Бриджотерского трактата. Он писал об изменениях на поверхности Земли, вызванных природными процессами, которые изменили не только внешнюю конфигурацию, но и судьбы народов; об идентичности материи во всей Вселенной; о всеобщем движении материи. Задолго до Лессинга он показал, что мифы могут содержать зародыши великих истин и должны рассматриваться как их свидетельства. Именно так, говорил он, следует относиться к Библии, считая, что ее более или менее исторические положения вполне подчинены ее моральным учениям.

Когда мы осознаем, что к таким высокоразвитым способностям рассуждения, какими обладал Бруно, добавились феноменальная память, огромная способность к ассимиляции,

развитое воображение, поэтическая натура, дар легкой и точной речи и темперамент, легко возбуждаемый до пылкости в нападении или защите, мы сможем лучше оценить его доминирующее величие, а также его незначительные слабости; первые - полностью его собственная заслуга, а вторые - в значительной степени недостатки его времени и тот факт, что он действительно жил далеко впереди своего дня и поколения. Он был не только предтечей современной науки, но и прототипом современного библейского критика, предвещавшего современную высшую критику, хотя и в завуалированных выражениях, и как предмет эзотерического учения; ведь библейского критика тех дней сжигали на костре, а сегодня он едва ли подвергается остракизму со стороны поверхностных и узких умов, с которыми у него в лучшем случае нет ничего общего в умственном отношении. Так много сделали четыре века труда и жертвенных страданий для освобождения человеческого разума.

У Бруно было свое вероучение, но оно было слишком простым для его времени. Он отвергал некоторые ортодоксальные догмы (например, о Троице, непорочном зачатии), которые еще меньше нравятся эмансипированным и культурным умам наших дней. Он полностью отверг авторитеты, что стало шагом к разуму, сравнимым с освобождением рабов или крепостных. На основе *априорных* представлений он разработал теорию эволюции, которую Дарвину оставалось довести до конца и продемонстрировать. Он верил в естественную историю религий. Его мотивы были самыми высокими, хотя его методы не всегда соответствовали современным. Он верил, что суть истины заложена в тех различиях, которые разделяли и продолжают разделять людей. Он верил в *закон любви*, в то, что она исходит от Бога, который есть Отец всего сущего, что она гармонирует с природой и что с помощью любви мы можем превратиться в подобие Его. Как говорит сам Бруно: "Это религия, не подлежащая спорам и разногласиям, которую я наблюдаю из убеждений моего собственного разума, а также из обычаев моего отечества и моей расы". (McIntyre, p. 110).

И все же этот возвышенный человек был сожжен как еретик! Давайте остановимся, проходя по Кампо-деи-Фьори, как я делал это много раз, и снимем шляпы перед памятью этого великого человека, который, хотя и был мал в некоторых человеческих чертах, все же был величайшим мыслителем в Италии шестнадцатого века, память о котором может помочь нам забыть некоторые из лицемерия и ханжества, столь распространенных в эпоху, которая и среди людей, осудивших его. Давайте также возблагодарим Бога за то, что в наши дни не существует трибунала инквизиции, который вынес бы нам ошибочный приговор за то, что мы пошли дальше, чем Бруно когда-либо мечтал, хотя и по тем же самым направлениям, и осудил бы нас за это на пламя.

Эта статья уже затянулась и, возможно, утомительна, тем не менее я не могу удержаться от того, чтобы не процитировать несколько абзацев самого разностороннего исследователя этого периода, Саймондса, который оценивает Бруно следующим образом:- (Возрождение в Италии; Католическая реакция, II гл. ix).

"Бруно предстает перед нами как человек, который наиболее жизненно и всесторонне уловил ведущие тенденции своего века в их интеллектуальной сущности. Он оставил позади себя средневековую концепцию вездесущего Бога, создавшего конечный мир, центром которого является этот земной шар, а главным эпизодом в истории которого является серия событий от грехопадения, через Воплощение и Распятие, до Страшного суда. Он заменил концепцию вечно живого, вечно действующего, вечно самодействующего Бога,

имманентного бесконечной вселенной, к созерцанию атрибутов которой человеческий разум восходит путем изучения природы и опроса своей совести.

"Более смелый, чем Коперник, и более близкий к истине в своей интуиции, он отрицал, что у Вселенной есть "пылающие стены" или вообще какие-либо стены. Эта "невообразимая круговерть", "невообразимая граница небес", на которую опирались и античная наука, и христианская теология, стала объектом его непрекращающейся сатиры, его многократно повторенной полемики. Что сделало Бруно провозвестником современной мысли в ее различных проявлениях, так это то, что он постиг фундаментальную истину, на которой покоится современная наука, и предвидел выводы, которые должны быть сделаны из нее. Он рассуждал смело, бессвязно, яростно; но он рассуждал с ясным представлением о Вселенной, как мы ее понимаем до сих пор. На протяжении трех столетий мы занимались проверкой догадок, углублением, расширением и укреплением гипотез, которые Бруно, расширяя теорию Коперника и применяя ее к чистой мысли, предлагал своему проницательному и дерзкому интеллекту".

Бруно был убежден, что религия в ее высшей сущности не пострадает от новой философии. Перед человеческим интеллектом открывались более широкие горизонты. Душа расширялась в более волнующих областях, чем предлагали старые теологии.

"Возведи свет твой на нас и на себя,

О душа, чей дух на земле был жезлом

Чтобы бичевать священников, мечом, чтобы пронзить их Бога,

Посохом для свободной мысли человека, чтобы он мог идти один,

Светильник, чтобы вести его далеко от святилища и трона.

По путям непроторенным, где ступали его отцы.

Пока сердце земли не увяло по кивку первосвященника,

И уста всех людей, что не молились, издавали стон.

От уз и мук, и неистового пламени,

Дух разумный твой восстал, чтоб приветствовать

Лукреция, где встречаются только духи,

И шел с ним врозь, пока не пришел Шелли.

Чтоб сделать небо небес еще более небесно сладким,

И смешать с твоим третьим инкорпорированным именем".

VIII

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В СРЕДНИЕ ВЕКА [5]

Я полагаю, что каждый современный студент университета осознает, что его возможности во всех отношениях лучше, чем те, которыми пользовались студенты прошлых времен. Я также полагаю, что вы не откажетесь послушать рассказ о привычках, окружении, привилегиях и недостатках, которые окружали студентов в те времена, когда университеты были молодыми и когда обычаи в целом, как и нравы, сильно отличались от нынешних. Учитывая все это, я предлагаю вашему вниманию краткий отчет о студенческой жизни в Средние века, с особым упором на студента-медика. Если судить по результатам, то самым бесценным наследием средневековья для человечества была университетская система, которая зародилась в грубой форме и имела почти мифическое происхождение, но постепенно обрела форму и очертания под воздействием многих внешних сил. Она представляла собой попытку "реализовать в конкретной форме идеал жизни в одном из ее аспектов". Такие идеалы "превращаются в великие исторические силы, воплощаясь в институтах", как, например, в случае с Римской церковью.

Употребление слов в нашем языке претерпело множество любопытных извращений. Возьмем, к примеру, слово "bombast". Первоначально так называли хлопковое растение. Затем его стали применять к любой подкладке для одежды, которая была сделана из хлопка. Позже его стали использовать для описания литературной набивки, как это бывает, когда пустую речь заполняют ненужными и длинными словами, и, наконец, оно приобрело то значение, которое мы придаем ему сейчас. Так и со словом "университет". "Universitas" в оригинальной латыни означало просто собрание, множественность или совокупность. Это был почти синоним слова "коллегия". К началу XIII века оно стало применяться к корпорациям магистров или студентов, а также к другим ассоциированным организациям и подразумевало объединение людей, а не место встречи или даже собрание школ. Если быть буквальным и последовательным в использовании терминов, то для места, где такие собрания людей выполняют схоластические функции, следует использовать термин "*studium generale*", означающий, таким образом, место, где не изучают все предметы, но куда съезжаются студенты со всех сторон. Очень немногие из средневековых studia обладали всеми факультетами современного университета. Даже Париж в свои лучшие времена не имел юридического факультета. Название *universitas* подразумевает общее приглашение студентам со всего мира искать здесь место для получения высшего образования у многочисленных мастеров или учителей. Три великими studia тринадцатого века были Париж, превосходивший всех в богословии и искусствах; Бо-логна, где преобладала юридическая наука; и Салернум, где существовала величайшая медицинская школа в

мировой истории. Несмотря на то, что эти, как и все другие *studia* Средневековья, находились под влиянием церкви, из них исходила большая часть вдохновения, составлявшего основу интеллектуальной деятельности Средневековья, хотя насколько пагубным может быть такое влияние, можно проиллюстрировать на примере испанского, то есть ультракатолического университета Саламанки, где еще сто лет назад не разрешалось преподавать астрономическую систему Коперника.

В условиях, существовавших в Средние века, при относительно небольшом количестве учебных заведений и при наличии того духа, который заставлял людей преодолевать большие расстояния и очень широко выезжать из провинций в города, где находились великие схирии, или, как мы их сейчас называем, университеты, самой насущной общей потребностью был общий язык; и так получилось, что не только все лекции читались на латыни, но и она очень часто использовалась в разговорных целях, и, похоже, была почти необходимостью университетской жизни. В самом начале истории Парижского университета был принят устав, согласно которому способность просителя изложить свое дело перед ректором на латыни являлась критерием его добросовестного обучения. Возможно, это в какой-то мере объясняет варварство средневековой латыни. Тем не менее, как сказал слушатель о музыке Вагнера, "возможно, она была не так плоха, как звучит", поскольку период великого невежества в построении и риторике прошел до начала университетской эры. Джон Стюарт Милль даже похвалил школьников Средневековья за их изобретательность в области технических терминов. Латинский язык, который изначально был жестким и бедным на лексику, при использовании его этими средневековыми мыслителями стал гораздо более гибким и выразительным. Именно цистеронский педантизм XVI и XVII веков погубил латынь как живой язык. Тогда, как и сейчас, владение латынью считалось признаком учености, и шестьсот лет назад школьный учитель мог прийти в университет и, выполнив несколько упражнений и сдав экзамен, как это делают сегодня доктора музыки, написать сто стихов на латыни в похвалу университету и получить степень. Мальчики, которые поступали в университеты, изучали латынь в низших грамматических школах, часто в университетских городах. В основном эти школы были связаны с соборами или церквями, хотя в позднее Средневековье даже в самых маленьких городах были школы, где мальчик мог научиться читать и писать хотя бы на начальном уровне церковной латыни. В те времена не только духовенство изучало латынь, но и бейлиф каждого поместья вел свои счета на латыни, а репетитор даже входил в штат крупного дворянина или прелата, на попечении которого находилась семья или пажи.

В те старые добрые времена мальчики поступали в университет в возрасте от тринадцати до пятнадцати лет. Парижский статут требовал, чтобы им было не менее четырнадцати, но, естественно, многие были старше. Многие из этих студентов были бенефициантами, а мальчики - канониками или даже настоятелями приходских церквей. В этом качестве они получали отпуск для обучения в университетах, и поэтому в свое время было вполне обычным явлением, когда настоятели и церковники всех возрастов выступали в роли студентов университета. В конце XIV века в Пражском университете только на юридическом факультете в списке студентов числились один епископ, один аббат, девять архидиаконов, 290 каноников, 187 ректоров и другие мелкие церковные деятели. Одно время в Болонском университете, в реестре немецкого корпуса, более половины студентов составляли церковные сановники. Как ни печально признавать, многие из этих студентов-церковников были одними из самых беспорядочных и беспокойных среди академического населения. Устав тщетно предписывал им сидеть "тихо, как девочки"; в то время как, как говорит Рэшдалл, "иногда приходилось призывать даже духовные громы, чтобы помешать им кричать, играть и мешать".

Учитывая молодость тех, кого мы можем назвать первокурсниками, поскольку многие из них поступали в университеты в раннем возрасте, о котором уже говорилось, не странно, что мы слышим о "загонщиках", "перевозчиках" или "брингерах", которые должны были сопровождать их домой; но мы должны помнить, что дороги в те дни были опасными, и что защита определенного рода была необходима даже для мужчин. Прокламации против ношения оружия обычно делали исключения в пользу студентов, путешествующих в университет или из него. Студенты, многие из них, жили в залах, или, как бы мы сказали сейчас, общежитиях, и один из них брал на себя роль директора или получал полномочия на осуществление определенной власти. Нередко это был человек, который сам отвечал за аренду, чьи полномочия исходили только от добровольного согласия его сокурсников, или который избирался ими.

Когда дело доходило до дисциплины, старый добрый березовый прут был небезызвестным фактором в университетском управлении. Похоже, между классическими занятиями и телесными наказаниями всегда существовала определенная связь. В средневековых университетских записях упоминания об этой связи появились примерно в XV веке. В Париже примерно в это время, когда было так много позорных фракционных драк, ректорам и прокторам приходилось время от времени отправляться в колледжи и залы и лично руководить наказанием молодых бунтовщиков. Из истории Лувенского университета мы также узнаем, что в свое время порка назначалась факультетом искусств за убийство или другие тяжкие проступки. Стоит на минуту вспомнить, как в те времена расправлялись с тяжкими преступлениями. В Ингольштадтском университете один студент убил другого в пьяной ссоре, и университет наказал его конфискацией учебных вещей и одежды, но его даже не исключили. В Праге некий магистр искусств помог перерезать горло епископу-монаху, за что был фактически исключен. В те времена пьянство редко рассматривалось как университетский проступок. Наказания, которые назначались за самые серьезные проступки и безнравственность, в большинстве своем были крайне глупыми. В наиболее серьезных случаях применялись отлучение от церкви или тюремное заключение, в то время как менее серьезные проступки наказывались отсрочкой получения степени, исключением из коллегии, временным изгнанием из университетского города или штрафами.

В Лейпциге в 1439 году штраф в десять грошей был предусмотрен за то, что человек поднимал камень или снаряд с целью бросить его в мастера, но на самом деле не бросал; тогда как за бросок и промах штраф увеличивался до восьми флоринов, а удачная меткость стоила еще дороже. Более поздние статуты проводили различие между ударом без ранения и ранением без увечья, а за фактическое увечье полагалось изгнание. С начала XVI века, по-видимому, была введена практика порки самых бедных учеников. В Средние века существовала своеобразная мода на наказание даже за серьезные проступки. Например, в Сорбонне, если кто-то из студентов нападал на слугу или жестоко избивал его, его штрафовали мерой хорошего вина - не в пользу слуги, а в пользу всех сокурсников виновного. В те времена за пустяковые проступки полагалось отдельное наказание. Доктор богословия был оштрафован на кварту вина за то, что сорвал грушу с дерева в саду колледжа или забыл закрыть дверь часовни. Клерков штрафовали за то, что они были сильно пьяны и совершали дерзости в таком состоянии. Старший повар был оштрафован за то, что не положил соль в суп. Большинство этих штрафов были в виде ликеров или вин, но я полагаю, что эта практика была более общей, поскольку наказание разделяли все, кто находился рядом.

С течением времени уставы немецких университетов постепенно становились все строже, пока не превратились в очень подробные и жесткие ограничения в отношении

неакадемических удовольствий. Посещение таверны или даже кухни колледжа или зала стало университетским преступлением. Существовали уставы, запрещающие сквернословить, играть в азартные игры, гулять за городом без сопровождения, выходить на улицу после восьми зимой или девяти летом, проводить одиозные сравнения страны со страной и т. д. Особенно это касалось английских университетов, где за каждый проступок полагался определенный штраф - от четверти пенни за незнание латыни до шести шиллингов восьми пенсов за нападение с кровопусканием.

Вопрос постоянного говорения на латыни привел к системе шпионажа, в рамках которой была организована тайная система шпионов, называемых "*лупи*", или волками; они должны были доносить на "*вульгаризантов*", или тех нарушителей, которые упорно продолжали говорить на своем родном языке.

Именно студенты тех времен подавали пример и вводили моду на инициацию, или, как мы бы сказали сейчас, на издевательства над новичками. Этот обычай посвящения, в той или иной форме, кажется, имеет почти инеистую древность. Как говорит Рэшдалл, три глубоко укоренившихся инстинкта человеческой природы в совокупности делают этот обычай почти не поддающимся подавлению. Он удовлетворяет и инстинкт хулигана, и социальный инстинкт, и желание найти одновременно и повод, и средства для веселья. В те времена, о которых мы говорим, *Bejaunus*, что представляет собой искажение старого французского *Bec-jaune* (или *yellow bill*), как называли академического новичка, приходилось издеваться, уговаривать и дразнить, чтобы его приняли как товарища, и, наконец, его "веселое появление" должно было быть отмечено пиром, устроенным за его собственный счет. История процесса инициации стала бы одной из самых необычных глав в университетской летописи. Сначала было несколько запретов на любую *беджаунию*, так как ограниченный кошелек несчастного юноши не мог позволить себе даже расходы первого года. С годами вводились определенные ограничения, и к XVI веку *depositio cornuum* стал в немецких университетах церемонией, почти равной по важности поступлению в вуз. Предполагалось, что мозолистый деревенский юноша - это дикий зверь, которого необходимо лишить рогов, прежде чем он сможет попасть в изысканное общество на новом месте жительства. Это и составляло *депозит*, о котором он должен был договориться со своими новыми хозяевами, одновременно умоляя их о том, чтобы расходы были как можно меньше. Вскоре после получения аттестата зрелости его навели в комнату двое студентов, которые притворились, что выясняют источник отвратительного запаха.

Впоследствии выяснилось, что это дело рук самого новичка, которого они сначала приняли за дикого кабана, но позже обнаружили, что это редкое существо, известное как *бехаунус*, о котором они слышали, но никогда не видели. После замечаний по поводу его свирепого вида с заметным сочувствием предлагалось удалить ему рога с помощью операции, так называемой *depositio*. Затем лицо жертвы смазывали каким-нибудь препаратом и выполняли определенные формальности: зажимали уши, удаляли клыки и т. д. Наконец, в страхе, что эта шуточная операция окажется смертельной, пациента усыпляли; один из студентов, притворяясь священником, прикладывал ухо ко рту умирающего и повторял его исповедь. Мальчика заставляли обвинять себя во всевозможных преступлениях, и в конце концов в качестве наказания требовали, чтобы он устроил роскошный банкет для своих новых хозяев и товарищей.

Последняя церемония состояла из процессии, возглавляемой мастером в академической одежде, за которым следовали ученики в маскарадных костюмах. Затем проводились

некоторые дальнейшие оперативные процедуры, в конце концов животное обезроживали и зажимали ему нос, а чуть позже его подбородок украшала борода из жженой пробки, а уязвленные чувства успокаивались порцией соли и вина. Все это составляло особый германский обычай, хотя те или иные способы вымогательства денег или приставания к посвящаемым были практически повсеместными. В Германии эта церемония *depositio*, по-видимому, привела впоследствии к издевательствам и издевательствам старших над младшими, что порождало унижения и в то же время превосходило по жестокости все то, о чем мы читали в английских гимназиях. Эти эксцессы достигли своего апогея в XVII веке и долгое время не поддавались никаким усилиям как правительства, так и университетских властей по их подавлению.

На юге Франции эта инициация приняла несколько иную форму. Здесь к первокурснику относились как к преступнику, его должны были судить и освободить путем очищения от последствий его первородного греха. В Авиньоне это очищение первокурсников стало главной целью религиозного братства, созданного под церковной санкцией и имеющего часовню в доминиканской церкви. (Рэшдалл). В преамбуле устава братства благочестиво говорилось, что его цель - положить конец безрассудству, пьянству и безнравственности, однако его практическая деятельность в корне расходилась с заявленными целями.

Вопрос об академической одежде может на мгновение заинтересовать. В Средние века для студентов не существовало ничего, что можно было бы назвать академической одеждой. В итальянских университетах студенты носили длинное черное одеяние, известное как "каппа". В парижских университетах каждый студент по обычаю или уставу должен был носить тонзуру и церковную одежду, а такие "непристойные, развратные или светские" одежды, как пышные рукава, остроносые туфли, цветные сапоги и т. д., были категорически запрещены; так и одежда единого цвета и материала, как та, что носят в некоторых английских благотворительных школах, была результатом единообразия одежды определенного цвета, которую должны были носить средневековые студенты и которая указывала на то, что в то время они должны были быть клерками. В свое время так называемые "люди королевы" в Оксфордском университете были обязаны носить ярко-красные одежды, а различия в цвете и орнаменте до сих пор сохранились в платьях студентов Кембриджа. В то время как студенты обычно носили темные ткани, высшие должностные лица университетов облачались во все более сложные одежды, пока ректор не предстал в фиолетовом или пурпурном одеянии, возможно, с меховой отделкой. Капюшоны, которые носят и по сей день, когда-то делали из шерсти ягненка или кроличьего меха, а шелковые, такие, как мы носим, появились в качестве летней альтернативы в конце четырнадцатого века. Биретта, или квадратная шапочка, с хохолком на макушке, вместо современной кисточки на макушке квадратной шапочки, была отличительным знаком членства, а доктора и высшие офицеры отличались красным или фиолетовым цветом своих биретт.

Эта так называемая "философия одежды" бросает много света на отношение Церкви к университетам, а также на использование и злоупотребление термином "клирик". То, что человек был *clericus* в Средние века, не обязательно означало, что он принял даже низший класс духовных орденов. Это просто подразумевало, что он был клерком, то есть студентом. Даже ношение так называемого клерикального платья было скорее для того, чтобы его обладатель мог пользоваться освобождением от светских судов и привилегиями клерикального ордена. Самые низкие слои населения даже принимали постриг в духовный сан только для того, чтобы получить преимущества духовенства; а стать клерком в свое время было почти равносильно получению лицензии на совершение убийств или злодеяний со

сравнительной неприкосновенностью. Тем не менее, связь между клерчеством и минорными орденами до сих пор остается довольно туманной.

Совершенно очевидно, что в те времена студенты работали не так напряженно, как в наши дни. Три лекции в день составляли максимум работы такого рода, кроме того, проводились диспуты и "resumpciones", которые, похоже, во многом соответствовали современным викторинам: ученых экзаменовали или катехизировали, иногда даже сам лектор.

Постепенно вводились дополнительные лекции, но был период, когда университет, казалось, скорее приходил в упадок и разложение, чем наоборот, когда интеллектуальная жизнь была не столь активной, а учеба не столь пристальной. Во времена Фомы Аквинского интеллектуальная активность была на высоте, но в пятнадцатом веке наступил явный спад.

В эти века также не было ничего необычного в том, что студенты посещали мессу или религиозные службы, прежде чем идти на лекции. Эта практика распространилась во второй половине Средневековья. Однако посещение не было обязательным. Даже в Оксфорде устав Нового колледжа был первым, который требовал ежедневного посещения мессы. В те времена лекции начинались в шесть утра летом, а иногда и в семь по утрам зимой. Есть все основания полагать, что часто лекции читались в темноте, предшествующей рассвету, и даже без искусственного освещения. Следует сказать, что продолжительность этих лекций иногда составляла три часа, и поэтому может показаться, что три таких лекции в день - это почти все, что можно было ожидать от студента.

Уровень жизни средневекового студента не всегда был так плох, как это иногда представляют. Студенты университетов тогда, как и сейчас, набирались как из высших, так и из беднейших социальных слоев, а молодые сыновья из княжеских семей часто имели при себе неплохое заведение. На низшей ступени университетской социальной лестницы находился бедный ученый, который вынужден был просить милостыню или становиться слугой в одном из колледжей. В Вене и других городах существовали залы, обитатели которых регулярно отправлялись просить милостыню, а доходы от их нищенства складывались в общий сундук. Очень бедным ученым канцлер часто выдавал лицензии на попрошайничество. Однако это не считалось особой деградацией, поскольку пример монахов сделал попрошайничество сравнительно респектабельным. Те, кому было бы стыдно много работать, не стыдились просить милостыню.

От этого обычая, если уж на то пошло, еще ни в коем случае не отказались. Когда я только учился в Вене, в 1882 году, мне запомнился один молодой немецкий дворянин, который опустил до такой степени, что жил исключительно за счет благотворительности других людей. Он вел маленькую книжечку, в которой записывал, что в такой-то день такой-то человек обещал дать ему столько-то на содержание, и регулярно, почти ежедневно, звонил по списку своих сторонников, чтобы обещанные ими гильдены были получены.

Вы также знаете старую добрую историю о трех студентах, которые были настолько бедны, что у них была всего одна каппа или платье, в котором они по очереди ходили на лекции. В маленьких университетских городках, где тысячи студентов собирались вместе в течение года, где средства доставки еды были скудны, а сама еда не в изобилии, нет ничего странного в том, что студенческий рацион часто был самым скудным.

Вопрос питания был не единственной трудностью студенческой жизни в те дни, о которых мы говорим. В то время такая вещь, как огонь в лекционной аудитории, была неизвестна, не было никакого источника тепла или комфорта, кроме, возможно, соломы или камыша на полу. Зима в северных университетских городах, должно быть, была суровой, но маловероятно, что в лекционной аудитории или в собственной квартире студент получал хоть

какое-то утешение от тепла. Это было настолько верно, что они часто искали утешения на кухнях. В Германии в обязанности главы колледжа входило даже осматривать комнаты колледжа, чтобы убедиться, что их обитатели не обзавелись какими-то источниками тепла. В некоторых местах, однако, имелся общий зал или комбинированная комната, в которой в холодную погоду разводили огонь. Следует также помнить, что стеклянные окна были исключительной роскошью вплоть до конца рассматриваемого периода. В Падуе окна школ были сделаны из льна. В 1643 году стеклянное окно впервые появилось в Пражской теологической школе. В 1600 году комнаты, в которых жили некоторые младшие стипендиаты в Кембридже, все еще не были оснащены стеклянными окнами. Добавьте к этим трудностям относительную дороговизну освещения, когда средняя цена свечей составляла почти два пенса за фунт, и вы увидите, что самый бедный студент не мог позволить себе заниматься при искусственном свете. Возможно, у некоторых старших учеников были кровати, но младшие студенты в основном спали на полу. В некоторых местах стояли бачки или корыта из свинца, иногда выдавались кувшины и миски, но обычно студентам приходилось прибегать к общественным туалетам в холле.

Наряду с этими тяготами стоит упомянуть и о развлечениях этого периода, которые по большей части были заметны своим отсутствием. Законы, касающиеся развлечений, часто были более строгими, чем законы, касающиеся преступлений или пороков. Это были, по сути, военные времена, и турниры, охота и соколиная охота, которыми наслаждались высшие слои общества, считались слишком дорогими и отвлекающими для студентов университета, а потому были запрещены. "Осквернение плоти" - таков был клич в те времена, как и сейчас среди некоторых религиозных фанатиков. Даже игра с мячом или битой порой была под запретом, как и другие "дерзкие игры". В одном из законов XVI века говорится о теннисе и пятерках как о "непристойных играх", введение которых могло бы вызвать скандал в колледже и против него. Азартные игры и игры на деньги также были запрещены, но, тем не менее, они в большей или меньшей степени практиковались. Даже шахматы пользовались дурной репутацией среди моралистов средневековья, а некий епископ Винчестерский назвал их "вредной, неумеренной и нечестной игрой". Танцы были довольно любимым развлечением, но их пресекали по мере возможности, поскольку знаменитый Уильям Уайкхемский считал необходимым запретить танцы и прыжки в часовне. Видимо, в те времена хороший студент развлекался мало, если вообще развлекался, и должен был находить отдых в частых перерывах, вызванных церковными праздниками. Однако в шотландском колледже Святого Андрея во время карнавала два дня каникул отводилось специально для петушинных боев. Вечерами в дни праздников иногда развлекались бродячие игроки, шуты или конные бандиты, которым в значительной степени покровительствовали студенты.

В общем, нет ничего странного в том, что студенты в те времена впадали в распутные привычки, и многих из них приходилось исключать или наказывать. Мы даже можем понять, как некоторые из них превратились в разбойников и преследовали своих более мирных собратьев, когда те подходили к университетам с деньгами на предстоящий сезон. В архивах Лейпцигского университета хранятся стандартные формуляры, запрещающие даже такие мальчишеские глупости, как стрельба по гороху, уничтожение деревьев и посевов, выплескивание воды из окна на прохожих, крики по ночам, переодевание, вмешательство в работу палача или посещение выставок борьбы, бокса и т. п.

Очевидно, что университетская жизнь имела свою крайне дику сторону. Достаточно вспомнить историю знаменитого Латинского квартала в Париже, чтобы убедиться в этом. Это был студенческий квартал в старом городе Париже, расширенный Филиппом Августом за реку. Тогда Париж был окружен кордоном монастырей, аббаты которых осуществляли

юрисдикцию над близлежащими районами. К западу от студенческого квартала находилось большое аббатство Сен-Жермен. Между монахами этого монастыря и студентами часто возникали конфликты, и есть сведения, что, например, в 1278 году между монахами под командованием старосты, с одной стороны, и безоружными и беззащитными мальчиками и мастерами, с другой, произошла битва, в ходе которой многие были тяжело ранены, а некоторые - смертельно. В конце концов дело дошло до суда, и монахи были обязаны совершить определенную епитимию и заплатить определенные штрафы. Однако их жестокость не была подавлена. В 1304 году парижский бургомистр повесил и заколол студента, за что был наказан королем; последующая история Парижа - это постоянный конфликт между студентами и церковными орденами. С другой стороны, клерикальный постриг, в который облачался парижский ученый, позволял ему предаваться любым преступлениям, не опасаясь казни, которая постигла бы его, будь он обычным нищим.

Еще одной яркой чертой университетской жизни Средневековья была бибулярность. В те времена они не знали ни чая, ни кофе, ни табака, но спиртные напитки в том или ином виде были им далеко не безызвестны. Ни одно важное событие в жизни не обходилось без питейного сопровождения. На всех мероприятиях, общественных или частных, свободно подавалось вино, а многие праздники и фестивали, начинавшиеся с мессы, завершались пьяной оргией.

Вы заметили, что до сих пор я часто упоминал о церковных делах. На самом деле в Северной Европе церковь включала в себя практически все ученые профессии, в том числе государственных служащих, врачей, архитекторов, светских юристов, дипломатов и секретарей, которые все были епископами. Правда, для того чтобы стать "клерком", не обязательно было принимать даже малые ордена, но королю или епископу было так легко вознаградить своего врача, адвоката или секретаря не большим жалованьем, а монашеской должностью, что средний студент, по крайней мере в крупных городах, рассматривал святой орден как свое конечное предназначение. Сколько неискренности и лицемерия было среди этих преподобных джентльменов, сформированных таким образом, вы можете представить лучше, чем я. Реформация, а также растущая коррупция в монашеских орденах привели к изменениям, которые не были быстрыми, но стали почти полными, и в конце концов привели к частичному восстановлению древнего достоинства ранней Церкви.

Не углубляясь в эту часть темы, можно представить себе, какие общие изменения и реформы во всех отраслях обучения, а также в общей интеллектуальной жизни народа произвело основание университетов. В большинстве своем предназначенные для утверждения веры, они часто вызвали реакцию против нее. Как и другие составные части университета, медицинские факультеты почти всех средневековых учебных заведений возникли на основе добровольных объединений врачей и будущих преподавателей. Долгое время медицина входила в общий раздел философии, знаменосцами которой были Аристотель и арабы. В Тюбингене в 1481 году дни студента-медика распределялись примерно следующим образом: Утром он изучал "*Ars Medici*" Галена, а после обеда - "*Лихорадку*" Авиценны. На втором курсе в первой половине дня он изучал "Анатомию и физиологию" Авиценны, а во второй половине дня - девятую книгу "Местной патологии" Разеса. На третьем курсе днем он занимался афоризмами Гиппократов, а после обеда изучал Галена. Если использовался какой-либо учебник по хирургии, то обычно это был учебник Авиценны. Некоторое время уделялось и трудам других арабских врачей. В то время любой человек, изучавший медицину в течение трех лет и достигший двадцати одного года, мог по своему усмотрению взять на себя роль преподавателя, будучи вынужденным поначалу читать лекции только по подготовительным дисциплинам. В то время его называли *бакалавром*. После трех лет дальнейшего обучения

он становился *магистром* или *доктором*, хотя для получения последнего звания обычно предписывался еще один курс обучения. Курсы медицинского образования были довольно стереотипными по форме и тщательно контролировались церковью. Тем не менее получилось так, что медициной вновь занялись мыслители, хотя, к сожалению, не логические, тогда как раньше она была почти полностью замкнута в рядах клириков или духовенства. Самым знаменитым из всех этих средневековых философов в области науки и медицины был Альберт фон Боллштедт, обычно известный как Альбертус Магнус, который умер в 1280 году. Его труды, дошедшие до нас, состоят из двадцати одного тома формата кварто, в которых он обсуждал как анатомические, так и физиологические вопросы. О том, насколько глупыми были спекулятивные рассуждения, свидетельствует тот факт, что в них всерьез обсуждались такие вопросы, как действительно ли удаление ребра из бока Адама, из которого была сформирована Ева, причинило Адаму сильную боль, и будет ли в судный день потеря ребра компенсирована вставкой другого. В те дни также всерьез обсуждалось, был ли у Адама или Евы пупок. Однако, несмотря на подобные глупости, Альбертус Магнус оставил впечатление о науке в целом, которое надолго пережило его.

Это были времена, когда студенты объединялись в так называемые "нации", откуда и возникла та характерная черта сегодняшней жизни немецких университетов - так называемые студенческие корпуса. Эти нации, состоящие в основном из людей одной национальности, имели свои собственные места для собраний, свою собственность и т. д. Одним из главных средств обучения в те времена были диспуты, или, как мы бы сказали, дебаты, проводимые между студентами, часто разных наций, в которых они должны были доказать свои знания и умственную активность. Если вспомнить, что в те времена университеты были более многочисленными - то есть посещались лучше, чем сейчас, - то станет ясно, до какой степени были развиты эти нации. Говорят, что в 1340 году в Оксфорде обучалось не менее 14 000 студентов; в Париже в то же время было 12 000; а в Болонье - около 10 000 студентов, большинство из которых изучали право.

Звание доктора вошло в моду примерно в двенадцатом веке. Поначалу он принадлежал только учителям и присваивался ученым - тем, кто почти исключительно изучал внутреннюю медицину и давал клятву придерживаться преподанных им методов. За звание доктора платили определенную плату, частично деньгами, частично товарами. Так называемые подарки состояли из перчаток, одежды, шляп, шапочек и т. д. В Салернуме получение диплома стоило около 60 долларов, а в Париже иногда доходило до 1000 долларов, и это в то время, когда деньги имели гораздо большую покупательную способность, чем сегодня. Особенностью английских университетов тогда, как и сейчас, было то, что систематическое обучение медицинским наукам практически не проводилось. Как сейчас большинство английских студентов учится в Лондоне, а не в одном из великих университетов, так и в те времена они отправлялись в Париж или Монпелье.

Пожалуй, это самое подходящее место для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что духовенство, так долго монополизировавшее все обучение и преподавание и в то же время испытывавшее отвращение к пролитию крови, которое было запрещено многими папскими буллами и королевскими эдиктами, позволило оперативной части медицины - хирургии - попасть в руки самых неграмотных и некомпетентных людей. Поскольку церковь запрещала носить бороды, а многие религиозные ордена брили головы, при каждом монастыре и при каждом религиозном орденом имелось несколько цирюльников, в обязанности которых входила забота о духовенстве в этих вопросах. Таким образом, в их руки постепенно перешло выполнение любой незначительной операции, связанной с пусканием крови, и отсюда, как начало, пошло то, что ни один действительно образованный человек не занимался

хирургическими операциями, а полностью оставлял их неграмотным служителям церкви. Именно по этой причине цирюльники на протяжении многих веков занимались почти всей хирургией и почему в то же время хирургия впала в такое всеобщее и повсеместное уныние. Из этого состояния она возродилась лишь около ста лет назад. Если бы время позволяло, это было бы самым подходящим местом, чтобы отвлечься от темы данной статьи и повторить различные этапы эволюции хирурга от цирюльника; но время не позволяет, и это составляет отдельную главу в истории, которая должна быть отложена для другого случая. (См. с. 296).

Примерно в начале пятнадцатого века лучшие врачи стали принадлежать к мирянам и называться "физиками" в отличие от "клириков". Позже их стали называть "докторы". До XIV века большинство из них учились в итальянских или французских университетах, а немцы даже были вынуждены посещать эти иностранные учебные заведения. В Париже от них требовали клятвы, что они не будут присоединяться к хирургам. Это правило было основано как на злобе и зависти, так и на каких-либо других мотивах. Многие из духовных врачей принадлежали к низшему сословию и были настолько невежественны, что даже сама церковь была вынуждена объявить многие из их успехов чудесами. Хотя монахам и духовенству в целом часто запрещалось заниматься медициной, постановления об этом, как правило, игнорировались, за исключением хирургических операций. В рядах высшего духовенства, надо сказать, иногда встречались образованные врачи. Например, есть сведения о некоем епископе Базеля, которому было поручено добиваться от папы Климента V архиепископства для другого человека, но, обнаружив, что папа тяжело болен, вылечил его и получил взамен курфюршество Майенс, что, возможно, было одним из самых больших гонораров, когда-либо выданных врачу.

Это были времена, когда магия, смешанная с тайнами, играла не последнюю роль в медицинской практике, а отвратительные и диковинные средства были в моде. Суеверие и невежество повсюду играли самую заметную роль. Например, в те времена считалось отличным средством проползти под гробом святого. Когда человека отравляли, считалось разумным подвесить его за ноги и, возможно, выколоть ему один глаз, чтобы яд вытек. Следует отметить, что выкалывание глаз было ужасно распространено в Средние века, в основном в качестве наказания. Рассказывают, например, что император Василий II однажды выколол глаза 15 000 болгар, оставив по одному глазу каждому из тысячи, чтобы тот мог привести своих более несчастных собратьев к их правителю, который, как говорят, при виде этого безобразия упал в обморок и умер через два дня. Говорят также, что именно по этой причине император Альбрехт был одноглазым.

То, чего могло достичь возрождение образования и достигло в этих условиях, описанных выше, можно легко оценить. Восстановление греческой литературы, возрождение анатомии, привычка к независимому наблюдению - все это сыграло существенную роль в возрождении медицины. Итальянские университеты стали целью всех, кто желал получить основательное медицинское образование. Студенты выбирали преподавателей и офицеров университета и имели большой голос при составлении учебной программы. По крайней мере, до конца XVI века выбранные ими должностные лица вели переговоры с представителями государства.

Несмотря на общий ренессанс медицинской науки и импульс, который ощущали вдохновленные немногие в течение шестнадцатого века, следует сказать, что общее состояние медицинской науки и тех, кто ее практиковал, не было значительно улучшено. Суеверие простых людей, робость и леность всех заинтересованных лиц были столь же заметны, как и во всей истории человеческих заблуждений, а медицинская практика отставала от прикладных знаний других искусств и наук как минимум на столетие. В то время лучших врачей и медиков можно было найти в итальянских университетах, затем шли

французские и, наконец, немецкие. Итальянские университеты были Меккой, куда стремились те, кто хотел получить лучшее образование в то время, и среди всех итальянских медицинских факультетов Болонья, Пиза и Падуя занимали первое место.

Это были времена странствующих ученых - очень заметная черта средневековой жизни. Они переходили от одной латинской школы к другой и от одного знаменитого учителя к другому, иногда путешествуя в одиночку, иногда группами и группами, и часто практиковали худшие варварства *в пути*, поддерживая себя попрошайничеством и воровством. Во время своих походов они крали почти все, что не было крепко привязано, и готовили себе пищу даже в открытых полях. В результате большинство из них впадали в распутный образ жизни. Несколько лучший класс бродячих студентов пел гимны перед дверями и получал за это еду. Некоторые зарабатывали пением в церквях. Они, очевидно, пили больше пива и с меньшими затратами, чем сейчас. В то время стоимость пива составляла около одного цента за большой стакан.

Младших учеников называли "шутцен", и они, подобно подмастерьям в ремесле, должны были выполнять самые рутинные обязанности. Старших учеников называли "вакхантами", и каждый вакхант получал почести пропорционально количеству "шутценов", которые его обслуживали. Однако, когда этот вакхант сам попадал в университет, его заставляли отбросить грубую одежду и грубые манеры и дать клятву вести себя прилично.

Однако не только студенты кочевали с места на место, но даже профессора XVI века вели кочевой образ жизни, переходя из одного университета в другой; например, Везалий, великий учитель анатомии, преподавал в Падуе, в Пизе, в Лувене, в Базеле, в Аугсбурге и в Испании. Эти привычки можно отчасти объяснить тем, что студенты выбирали по крайней мере некоторых из своих учителей, а профессора, которым не удалось переизбраться, безусловно, можно считать имевшими мотив для перехода на другую работу. Зарплаты в те времена, конечно, не были большими. Меланхтон, великий теолог, первые восемь лет получал зарплату в 43 доллара в год и благодаря строгой экономии смог за это время купить жене новое платье. В последующие годы его зарплата достигла 170 долларов, что в наши дни эквивалентно 750 долларам. Когда Везалий умер, его зарплата составляла 1000 долларов в год, к которым добавлялись некоторые гонорары. Поэтому нет ничего странного в том, что многие профессора в нерабочее время занимались уважаемым делом или брали учеников на пансион. В наши дни мы часто слышим о том, что стремление к знаниям дается с трудом, но, безусловно, в те времена, о которых я говорил, пылкий студент, будь то бакалавр или профессор, терпел лишения, скудное питание и всевозможные неприятности, которые поразили бы большинство современных молодых людей.

Люди были людьми и тогда, и сейчас, и в университетах не обходилось без споров и ссор, которые иногда становились очень ожесточенными и позорными, но были и косвенным инструментом добра, так как в ряде случаев приводили к основанию других университетов. Так, в начале XVI века Писториус и Поллих были преподавателями в Лейпциге, но, придерживаясь противоположных взглядов на природу сифилиса, настолько озлобились, что не могли выносить присутствия друг друга, и каждый решил искать себе другой дом. Первый повлиял на курфюрста, который выбрал Франкфорт-на-Одере в качестве места для нового университета, а второй стал средством для основания другого университета в Виттенберге.

При обсуждении этой темы довольно трудно удержаться от отношения цирюльника к анатому и хирургу. В другом месте я рассматривал эволюцию хирурга из цирюльника (см. стр. 296) и попытался показать, что главным фактором, сдерживавшим прогресс хирургии в

течение восемнадцати веков, предшествовавших последнему, было влияние церкви, которая выступала против изучения анатомии и унижала хирургическую практику. В те времена, о которых я сейчас говорю, операция, которая приводила к пролитию крови, считалась ниже достоинства образованного врача, а в некоторых кругах рассматривалась даже как неблаговидная. Поэтому она была доверена единственному классу людей, которые, как предполагалось, умели обращаться с ножом или острым инструментом, - цирюльникам. Когда операции проводились в университетах, часто требовались папские индульгенции, а они стоили денег, поскольку в те времена Папа ничего не давал просто так. Публичное препарирование также требовало папских индульгенций, хотя в Страсбурге в 1517 году разрешение на препарирование тела казненного преступника было дано магистратом, несмотря на папский запрет.

Церемонии, сопровождавшие демонстрации такого рода, были одновременно фантастическими и забавными. Труп, как правило, считался неприличным, и его нужно было сначала сделать респектабельным, зачитав соответствующий указ главного магистрата или лорда земли, а затем, по приказу университета, скрепить тело печатью корпорации. Тело несли на крышке ящика, в котором оно было доставлено в анатомический зал, и эта крышка, на которой оно покоилось во время церемоний, после возвращалась к палачу, который оставался на некотором расстоянии со своим транспортным средством. Если труп принадлежал обезглавленному, то голова во время совершения этих торжественных церемоний лежала между ног. После завершения церемоний праздник украшался музыкой городских фиферов, трубачей и т. д., или же развлекали странствующие актеры (баас).

Со временем, однако, от этой глупости отказались, и во второй половине XVI века были созданы публичные анатомические театры. Самый знаменитый из них был построен Фабрикусом аб Аквапенденте в Падуе. Однако он был так высок и так темен, что даже при свете дня вскрытия можно было увидеть только при свете факела.

Рвение, с которым постепенно лучшие врачи занимались научными исследованиями, становилось все более заметным, о чем во многом свидетельствовали трудности, с которыми приходилось сталкиваться некоторым из них, как, например, борьба многих великих анатомов тех дней.

Так со временем духовенство почти полностью исчезло из рядов государственных врачей, а после Тридцатилетней войны полностью утратило свое главенство даже в литературных делах, которое постепенно узурпировали дворяне и более образованные миряне; но и тогда знания давались с трудом, особенно изучение анатомии. Лишь в 1658 году в Вене удалось найти скелет человека, находящегося на коне. Страсбург получил его в 1671 году. Обращение с мертвым телом, которое мы считаем столь необходимым, в те времена по возможности избегалось. Профессор анатомии редко, если вообще когда-либо, прикасался к нему сам, но читал лекции, пока цирюльник под его присмотром делал вскрытие бритвой.

Практические занятия по акушерству, которое кажется почти таким же важным, как и анатомия, в те дни не проводились; студенты-мужчины изучали его только теоретически. В парижском Hôtel Dieu та часть, которая была посвящена обучению акушерству, была закрыта для мужчин. Именно акушерки в те времена обладали монополией на это обучение, и от них зависели самые большие акушерские способности. Собственно врачи, или *medici puri* семнадцатого века, были людьми величайшего достоинства и глубочайшей серьезности, носили отороченные мехом халаты, перуки, носили мечи и считали ниже своего достоинства делать что-либо еще, кроме как выписывать рецепты по старой

галенской моде. Некоторое продолжение этого можно увидеть в различии, проводимом и по сей день в Англии между врачами, которые пользуются званием доктора, и хирургами, которые презируют его. Эти старые врачи, ничего не зная о хирургии, тем не менее требовали, чтобы с ними всегда советовались в хирургических случаях, утверждая, что только таким путем все может пойти на лад. И все же, когда возникали элементы опасности, как при лечении чумы, они с радостью отправляли хирургов-парикмахеров к больным, которых они просто осматривали через стекло. Можно было бы представить очень занимательные картины, иллюстрирующие привычки врачей двух-трехсотлетней давности при работе с этими заразными болезнями. Маски и доспехи, которые они носили, и меры предосторожности, которые они принимали, скорее указывают на защиту от оружия средневековых войн. В свое время им советовали, что если им придется вступить в контакт с этими больными, то сначала они должны повторить двадцать второй псалом. В старых книгах можно найти, если поискать, любопытные картинки, иллюстрирующие меры предосторожности, принятые несколько сотен лет назад против моровой язвы, о природе которой они ничего не знали, и, увидев их, можно представить себе смутный ужас и даже презренный страх, который заставлял *physici puri* или врачей посылать цирюльников для обслуживания больных чумой, в то время как сами они довольствовались тем, что обслуживали их нужды на расстоянии.

Но, господа, боюсь, как бы не утомить вас долгим пересказом средневековых обычаев и студенческих глупостей. Хотя все они канули в Лету, некоторые из них сохранились в традициях или в измененном виде, что, несомненно, пришло вам в голову во время их повторения. Вы не сможете не отметить неуклонный прогресс этической эволюции, которая смягчила варварство и жестокость прошлого, заменив их гораздо более благородными жизненными целями и методами их достижения, чем это казалось вашим предшественникам давних времен.

Неудивительно, что студенты тех дней пользовались дурной славой у окружающих. Теперь вы, возможно, лучше понимаете, почему студенту-медику даже в наши дни приходится бороться с предубеждением против своего призвания и самого себя, предубеждением, порожденным многочисленными распутствами и проступками его предшественников и, как мне жаль говорить, даже некоторыми излишествами сегодняшнего дня. Я не знаю, как более уместно закончить эти замечания, чем напомнить вам, что профессия, в которую вы, студенты, надеетесь вступить, очень сильно пострадала в прошлом от характера людей, которые в нее вступали, и что даже сегодня некоторые из ее членов не имеют должного отношения к ее достоинству. Аксиома заключается в том, что те обиды и оскорбления, от которых мы часто страдаем, пренебрежение и безразличие, на которые мы часто жалуемся, в действительности являются результатом наших собственных недостатков, и что мы сами в значительной степени виноваты в том, что нас не устраивает. Поэтому я прошу вас помнить, что даже в самом начале студенческой жизни перед вами должен постоянно стоять идеал интеллектуальной силы и достоинства, мощи, координации ума и тела, который будет постоянно удерживать вас на правильном пути, чтобы, достигнув наконец своей цели, вы могли заслужить благословение, которое я нахожу в одной из пьес Бомонта и Флетчера (*Custom of the Country*, v. iv.):

"Так пусть же вы всегда

Руками небесными, восстановителями природы;

Добивайтесь богатства и почестей, и, преуспевая

Во всех ваших начинаниях, распространяйте

Великое мнение в мире".

IX ИССЛЕДОВАНИЕ МЕДИЦИНСКИХ СЛОВ, ПОСТУПКОВ И ЛЮДЕЙ [6]

Изучайте природу, чтобы узнать факты; изучайте жизни великих людей, чтобы вдохновиться, как их использовать

Никогда еще я так искренне не жаждал дара красноречия, как в подобных случаях, когда молодые люди собираются покинуть залы, в которых они жили, и людей, с которыми они выросли в мужское сословие, чтобы принять на себя торжественную и весомую ответственность не только за свою собственную жизнь, но и за жизнь других людей. День, когда вы освобождаетесь от обязанностей одного рода, чтобы взять на себя обязанности другого, хоть и является долгожданным и радостным, тем не менее, должен быть перемежен серьезными и серьезными мыслями и решениями. Старый Йель ставит на вас свою печать. Она станет паспортом во многие дома, но ею нельзя злоупотреблять. Она даст вам право на общество культурных людей и уважение ученых повсюду. Она примет вас в ряды ученых и заставит уважительно и равноправно относиться к вам самых глубоких и ученых мыслителей, которых только знал мир. Йель уже подготовил вас к тому, что, как показал ее богатый опыт, необходимо для молодых людей, начинающих профессиональную карьеру. По сравнению с общим объемом человеческих знаний его совокупность невелика, но на протяжении веков не было принято, чтобы люди сидели в учебе, прежде чем приступить к медицинской практике, и когда вашу квалификацию сравнят с той, которой обладали мы, представители уходящего поколения, в соответствующий период нашей жизни, это сравнение в то же время послужит самой поразительной иллюстрацией стремительного прогресса медицины за последние двадцать пять лет.

Йель всегда отличался разносторонностью и оригинальностью своих преподавателей. История ее медицины была так хорошо изложена в прошлом году одним из ее самых заслуженных сыновей, доктором Уэлчем, что нет необходимости и смысла вдаваться в такие исторические подробности. Современная наука развивается по пути сравнительных исследований, и Библия - далеко не единственный литературный сборник, который сегодня подвергается "высшей критике". Вдохновение, на которое претендовали авторы этого великого древнего сборника, отрицают авторы великих современных произведений, где, тем не менее, фундаментальная истина так же необходима для благополучия тела, как в другом случае - для благополучия души. Только путем кропотливых исследований, кропотливо повторяемых, мы очищаем старые пути от мусора веков или открываем совершенно новые.

Следопыты такого рода всегда были в изобилии в этом великом институте, влекомые общими импульсами или притягиваемые какой-то центростремительной силой. И хотя, возможно, было бы нечестно упоминать имена, я все же должен выбрать двух великих преподавателей Йельского университета, чьи имена до сих пор остаются зелеными в памяти всех людей, и попросить вас обратить внимание на то, как примеры, которые они подали, и работа, которую они проделали, могут определить направление мысли, в котором я хочу, чтобы вы следовали за мной некоторое время.

Казалось бы, наука сравнительной филологии далека от медицины. Тем не менее, она основана на конечном анализе частей речи, и такие люди, как профессор Уитни, были не только сравнительными анатомами, но даже гистологами - если можно так выразиться - слов. Сравнительная филология для медицинской терминологии - это то же самое, что эмбриология и сравнительная анатомия для изучения строения человеческого тела. Филолог любит препарировать слова и проследить их путь через рудиментарные стадии и корни к их самым ранним формам. Он также любит изучать эволюцию идеи, передаваемой словом, и проследить атавизм или реверсию в человеческой речи.

Здесь, в Йеле, вы снова имеете замечательную коллекцию останков вымерших животных, восстановленных с удивительной точностью до подобия их первоначальной формы и вида. Неутомимая работа и замечательные способности профессора Марша и его коллег позволили нам создать идеограммы живых форм более ранних геологических эпох на этой земле, которые не могли бы быть предоставлены, если бы не их замечательные знания морфологии и мастерство синтеза. Действительно, где еще способности к анализу и синтезу были продемонстрированы более блестяще, чем у этих людей. О Кювье, великом французском сравнительном анатоме, говорили, что если бы ему дали зуб любого зверя, прошлого или настоящего, он мог бы описать животное и его повадки, а также реконструировать его скелет, настолько замечательно сохраняются мельчайшие различия, и настолько хорошо он был с ними знаком.

Давайте посмотрим, возможно ли взять некоторые из наших обычных медицинских слов и, применив к ним методы Уитни и Марша, проследить их ранние формы и значения, а затем построить на их основе идеограммы обычаев, привычек и суеверий людей, которые их использовали. Такой план, выполненный систематически, мог бы стать подходящим и новым введением в историю медицины. Кольридж, как известно, говорил, что из истории слова можно почерпнуть больше полезных знаний, чем из истории кампании.

Возьмем, к примеру, наше слово *"идиотизм"*. Греки, особенно афиняне, были расой политиков. Частные граждане, которые мало или совсем не заботились о должности, были *идиотами*, в отличие от государственных чиновников и должностных лиц. Со временем людей с такими уединенными привычками и скромными вкусами стали считать людьми с деградировавшим интеллектом и вкусом. Поэтому *ivivrai* считались людьми с низкими интеллектуальными способностями. Другими словами, идиотом в те дни был человек, довольствующийся частной жизнью. Как это отличается от сегодняшнего дня, когда условия кажутся почти противоположными.

Родственное нам слово *"имбецил"* также относится к людям со слабым, карликовым или извращенным интеллектом и обозначает скорее умственные, чем физические дефекты, хотя и то, и другое часто бывает связано. Но первоначально хромые и деформированные люди,

вынужденные пользоваться искусственной опорой, ходили, как говорили, *in bacillum*, на палке или костыле, и от этого выражения мы берем наше слово "имбецил".

Давайте проследим, например, этимологию нашего слова "нёбо". Латинское *palatum* - это то же самое, что и *balatum*, то есть часть, предназначенная для блеяния. Древние пастухи региона Кампанья следили за овцами, когда они блеяли (*balatans*) на этих холмах, один из которых впоследствии стал *Палатином*.

Или снова возьмем наше слово "мания". Оно происходит от *lunv* - луна, что означает лунную болезнь, и соответствует лунатизму от *luna*. Как видите, в названии сохранилось древнее суеверие, связанное с влиянием луны. Это вновь поднимает старые идеи о металле серебре, который был священным как для Дианы, так и для Луны, и, следовательно, женским по полу и свойствам. Отсюда происходит средневековый алхимический термин "*лунный каустик*", и отсюда же происходит его использование в лечении эпилепсии, для которой он раньше был очень востребован, поскольку эпилепсия считалась одной из форм мании, вызванной злым влиянием Луны.

Кстати, это также может напомнить нам о своеобразных взглядах алхимиков средневековья, которые считали, что свойство пола заложено в металлах. Например, они считали мышьяк мужским полом, и так называли его от *arsen* - мужчина и *arsenikos* - мужской. Медицина, как и сравнительная филология, является более или менее прямым результатом физических особенностей Земли, как они повлияли на смешение рас и завоевание наций.

Медицина кажется наукой арийского происхождения; в санскрите имеется богатая литература по медицине; она культивировалась греками, но потеряла большую часть своего первоначального значения в силу римского господства, так как латинские расы переняли ее. При арабах она процветала. С возрождением греческой образованности произошло восстановление утраченного, но главенство церкви удерживало его в крайне узких рамках, хотя церковники не смогли искоренить все арабские слова, проникшие в его терминологию. Сегодня греческий - это язык, к которому мы обращаемся за помощью, когда возникает необходимость изобрести новые термины для обозначения новых открытий или концепций.

Долг медицины перед нашими арийскими предками велик. Хирургия тогда была достойной отраслью науки. Их аутопластические методы были задуманы с большой изобретательностью и осуществлялись с большим, хотя и грубым мастерством. Так называемый индийский метод реконструкции носа свидетельствует об их способностях в пластическом искусстве. Их странствующие хирурги выполняли много капитальных операций, например, литотомию и хелиотомию. Есть все основания полагать, что Гиппократ ничего не знал о практической анатомии, тогда как задолго до него Сушрута призывал всех жрецов-врачевателей препарировать человеческое тело, чтобы они могли знать его строение; кроме того, он давал указания по выбору подходящих предметов. Санскритские писатели знали свойства многих растений и по крайней мере пяти металлов. Многие греческие названия лекарств заимствованы из санскрита, иначе они имели общее арийское происхождение. Так, греческие эквиваленты наших слов *castor*, *musk*, *cardamon*, *chestnut*, *hemp*, *mace*, *pepper*, *sandal-wood*, *ginger*, *nerve*, *marrow*, *bone*, *heart*, and *head*, несомненно, гораздо более древние, то есть санскритские или арийские, некоторые из них дошли до нас в латинизированной форме, но почти без изменений - например, *os*, *cor*, *moschus*, *cannabis*, *castorion*.

Хотя многие древние греки посещали Индию, похоже, что лишь немногие слова дошли до нас из этого древнего источника.

Однако наше слово "сера" имеет санскритское происхождение, а греческое слово *theion* указывает на ее божественную или дарованную Богом очищающую силу, с возможным намеком на ее полезность в том нижнем мире, с которым ее чаще всего ассоциируют теологи. В нашей химической номенклатуре греческое слово встречается как дитион, тритион и т. д.

Мы также отмечаем почти полное отсутствие египетских слов, хотя многие культурные греки посещали Египет. Тем не менее, последние смотрели с небольшой благосклонностью на варваризмы в речи, и наше слово "пирамида" - одно из немногих, которые они таким образом переняли. Термин "хирургия" имеет совершенно определенное греческое происхождение и означал ручную работу в отличие от действия внутренних лекарств. Медицина, по-видимому, происходит от *medeo* - заботиться, обеспечивать, а *physic* и *physician* - от *phusis*, то есть "природа". Изначально физики были натуралистами, или учеными, как Аристотель, а медицина была лишь частью их исследований. Кэмпбелл в своей книге ("Язык медицины") приводит список из не менее двух десятков распространенных в наши дни терминов, которые использовал Гомер. В дополнение к ним многие другие гомеровские термины все еще используются, но с более или менее измененными или извращенными значениями; например, *æther*, когда используется в смысле его наркотического действия; *astragalus*, который первоначально означал кость, поскольку аналогичные кости овцы использовались для игры в кости; *amœba*, от *amoibe*, изменение или перемена, указывая на постоянное изменение формы. Аммон первоначально означал молодого ягненка, ирис - ореол, меконий - сок мака, от *мекон* - опиум; молибден был назван так из-за сходства со свинцом, наркоз первоначально означал онемение; плевра - бок; Фаланги были названы так потому, что они были расположены бок о бок, как в фаланге; наш трох сначала был колесом; и наш тимпан был первоначальным греческим барабаном, это слово все еще сохраняется в музыкальной терминологии. Артерии были названы так потому, что они, как предполагалось, содержали воздух, а вены - это венозные сосуды, от *phleo* - вытекать или течь. Первоначальная путаница нервов и сухожилий проявляется в термине "апоневроз".

Давным-давно среди греков существовали две враждующие медицинские фракции: эмпирики, от *empeirikos*, что означает "экспериментальный", которые считали, что в основе медицинской науки нет философских принципов и что только опыт является надежным руководством, и методисты, от *methodos*, которые считали, что лучше следовать *hodos*, или "середине пути". Современное использование слова "эмпирический" показывает, с каким презрением относились к первому.

Как уже отмечалось, лекарство (*curo*) означает заботу, так и *medicus* имеет то же значение, а греческий раб, *терапевон*, который ждал своего хозяина, позже стал терапевтом, который заботился о его недугах. Наше слово "исцелять" также имеет несколько схожее смещенное значение, поскольку первоначально оно означало защиту, то есть покрытие. Тот же корень сохранился в слове ад, т. е. хадес, обозначающем некое предполагаемое место, настолько хорошо укрытое, что из него невозможно выбраться.

Отметим также влияние древней мифологии на медицинскую фразеологию. Юпитер Аммон, рогатый бог, узнается в хартшорне или аммиаке. Марс, бог войны, чьим символом является железо, сохраняется в так называемых боевых препаратах или железистых тониках. Венера и Афродита, естественно, фигурируют в венерических средствах и афродизиаках, а роль

Вулкана указана в тепла, которому подвергается каучук при вулканизации каучука. Меркурий появляется не только в римской форме металла, но и в его греческой роли Гермеса, о котором не следует забывать, когда сосуды герметично закрываются. Прервем длинный список, просто отметив мимоходом, что греческий амур Эрос и его подруга Психея увековечены в наших терминах эротики и психиатрии, а Морфей, бог сна, никогда не будет забыт, пока используется морфий. На то, что гнева богов следовало опасаться, указывает наше слово "чума", от *plege*, означающее *удар* из этого источника, то есть их месть. Таким образом, вы видите древность представления о том, что эпидемии - это божественное посещение, а не следствие плохих санитарных условий.

Меланхолия, *melas* и *chole*, первоначально означали черную желчь. В древней физиологии желчь играла очень важную роль, и результаты печеночной недостаточности не только обозначались этим названием, но и преимущества использования каломели подчеркивались ее названием, *kalos* and *melas*, так как она была прекрасным средством от этой черноты. Другое состояние, указывающее на проблемы с печенью, которое мы сегодня называем желтухой (от французского *jaunisse*), было известно как *icterus* от *ikteros*, желтой птицы. Припарка, которую так любит использовать современная домохозяйка, первоначально была *полтосом*, или пудингом, или, возможно, бобовой кашей.

Во времена древних жертвоприношений одну часть животного не клали на алтарь в качестве подношения, чтобы порадовать богов. Это была та часть, которая сейчас известна как *крестец*, и которая, по общему определению, считалась священной костью.

Прилагательное *sacer* (*sacrum*) имело не только то значение, которое ему обычно приписывают, но и означало также *execrable*, *detestable*, *accursed*. Таким образом, крестец означал скорее ту часть, которая была неприемлема для тех, кому ее предлагали. Слово *calculus*, как и термин *to calculate*, должно напоминать нам о наличии камешков и их раннем использовании для облегчения подсчета, а наши обычные термины *testimony*, *testify* обязательно должны напоминать о древних священных, но фаллических методах принесения клятвы. Еще одно суеверие, связанное с божеством, увековечено в термине "подвздошная *страсть*", который ранее применялся к вольвулусу, или одной из форм острой кишечной непроходимости с ее сильной болью, которую сравнивали с той, что причиняло острие копья, как часть страданий на кресте.

Внимательный анализ ситуации в начале христианской эры выявляет тонкость греческого характера. Названия тех органов, которые требовали глубокого исследования или препарирования, взяты непосредственно из греческого языка, например, печеночная, клиновидная, этmoidная, аорта, в то время как многие поверхностные части имеют латинские названия, например, височная, лобная.

Именно к греческому языку почти всегда обращаются все народы, когда ищут новые термины для характеристики или названия новых открытий. Римляне продемонстрировали свою признательность за все хорошее, когда с такой готовностью переняли науку и знания греков, и были готовы перенять даже их богов. Латинские расы всегда были хорошими подражателями, но плохими оригинаторами, за исключением, пожалуй, войны и политики. Если бы они были готовы подражать грекам в этом, их история могла бы быть совсем другой. Когда латинским переводчикам греческой медицинской литературы не хватало слова, они охотно брали оригинал, иногда придавая ему латинскую окраску. Например, то, что мы сейчас называем двенадцатиперстной кишкой, означающей всего двенадцать, первоначально было додекадактулон, то есть имело длину, равную ширине двенадцати пальцев, а название *eileon*, "скрученная кишка", они переделали в *ileum*. Но названия

большинства болезней, как и названия более скрытых частей, они скопировали почти в точности.

В то время как в последующие эпохи церковь то полностью доминировала, то подчиняла, а в конце концов почти прекратила изучение естественных наук, небезынтересно отметить, как христианство повлияло на изучение медицины. Хорошо сказано, что тот же "крест, который принес свет в религию, навел мрак на философию" (Кэмпбелл). Несомненно, что вероучение и догматы, которые на протяжении веков были главной опорой христианства и так много сделали для возвышения человечества, стали оправданием для постепенного подавления всех тенденций к исследованию природных явлений, а монастыри, где собирались ученые, стали могилами научной мысли и исследований. Так со временем знания были изгнаны из христианских домов и перенесены в магометанскую среду. Вместе с христианской мифологией и мистицизмом вскоре пришла и христианская демонология, а болезни, как правило, рассматривались как свидетельство дьявольской одержимости. Это породило тогда, как и сейчас, самозванцев, которые притворялись, что излечивают болезнь путем изгнания злых духов или призыва божественной или сверхчеловеческой помощи. Суеверия всегда были печальным временем для рациональной медицины. Даже при арабах наука процветала лишь в ограниченной степени. Их религия запрещала изображать любые живые объекты, животные или растения, поэтому их труды содержали лишь описания и никогда не были иллюстрациями. Этим, кстати, объясняется их пристрастие к геометрической прорисовке и богатство орнаментальных узоров. Они исповедовали тот же ужас перед мертвым телом, который позже привила церковь, и большинство из них презирали препарирование. Стоит ли удивляться, что и при христианстве, и при исламе наша профессия переживала не лучшие времена.

Но сейчас в нашей терминологии осталось очень мало напоминаний о периоде арабского господства. Арабские слова "нафта", "сумах", "щелочь", "спирт", "эликсир" и "нуха" (шея) - почти единственные, которые пережили эпоху Возрождения. Насколько монашеская латынь иногда отличается от классической, можно судить по использованию двух слов *os* и *bucca* для обозначения рта или *os frontis* и *glabella* для обозначения лобной кости.

Но это перечисление не должно быть чрезмерно долгим. Давайте выберем еще три-четыре примера почти наугад и пойдем дальше. Но мало кто будет ассоциировать христианство с кретинизмом. Первые христианские жители Пиренеев были известны как *христиане*, или по-французски, как и сегодня, как кретины. Горный регион сделал для них то же, что и Швейцария для современных рас, и привел к карликовости интеллекта многих из них, в то время как их щитовидные железы сильно увеличились. Таких дегенератов сегодня повсеместно называют кретинами, то есть христианами.

Тарентум - это старый калабрийский город, позже известный как Таренто, где в средние века мания танца проявилась в обостренной форме. Впоследствии это безумие стало называться *тарантизмом*, а паук, чей укус, как предполагалось, его вызывал, - *тарантулом*, а быстрая танцевальная музыка, которая как нельзя лучше подходила для таких стремительных движений, до сих пор известна как *тарантелла*.

Кошмар - отсылка к древненорвежскому божеству или полубогу Маре, который должен был душировать людей во время сна.

Сардоническая ухмылка связана с преданием о том, что на Сардинии было найдено растение, которое при употреблении в пищу вызывало у людей такой яростный смех, что они умирали.

Но перейдем от слов к делам, которые, как считается, еще громче заявляют о манере поведения и достоинствах их авторов. Где искать профессию, которая давала бы больше возможностей? И где найти такую, в которой стимулы были бы столь малы? Великие награды мира были выплачены великим разрушителям нашей расы, а не ее спасителям. Как вы думаете, если бы Наполеон спас столько же жизней, сколько потерял, вошел бы он в историю с нынешним блеском? Возможно, открытие Листера спасло гораздо больше жизней, чем загубил Наполеон. Если это так, то в отеле Инвалидов, когда придет время, должен стоять памятник Листеру, а не великому убийце.

Личная храбрость - одна из самых благородных черт, которую может проявить любой человек, особенно если она сочетается в себе моральный и физический типы. Публичная храбрость почти всегда сопровождается общественным признанием. На самом деле, публичность часто является стимулом для проявления храбрости, которая без нее вряд ли бы выдержала испытания. Но по-настоящему храбрый человек - это тот, кто не заботится о том, чтобы его поступки были замечены прожектором, тот, кто осмеливается и делает в тишине своего собственного окружения то, от чего его более слабые собратья уклонились бы.

Солдат, доведенный до бешенства накалом страстей, без особого страха совершит то, что легко может поставить в тупик здравомыслящего человека в спокойном состоянии духа. Религиозный фанатик, будь то мусулманин или христианин, скорее позволит разорвать себя на части, чем отступит от веры; но его мотивы по сути своей эгоистичны, поскольку он рассчитывает на рай для магометан или христиан, и поэтому они далеки от альтруизма. Но за этот тихий героизм, избегающий публичности, требующий высочайшего качества душевного и физического мужества, не заглядывающий ни в золотое настоящее, ни в мистическое, но чувственное будущее, меня ежедневно, да что там, ежечасно, посвящают в больничные палаты пациентов, страдающих от болезней, угрожающих благополучию других, - инфекционных, опасных, отвратительных. В последнее время можно прочесть множество историй об армейских хирургах, совершающих героические подвиги под огнем, и сердце, естественно, трепещет от умиления, когда представляешь себе эти сцены и задаешься вопросом, какая смелость может побудить человека рисковать своей жизнью подобным образом. Но я утверждаю, что, как бы ни был храбр такой поступок и достоин всяческих почестей, он сотни раз превосходил его по фактической преданности долгу и решимости, необходимой для того, чтобы отважиться на стихию, или встретить смерть не на поле боя, или отдать силы, а может быть, и саму жизнь, или навлечь на себя беду из-за инфекции, или измотать и изжить жизнь в постоянной альтруистической работе по оказанию помощи другим, которые, возможно, нарушили все известные санитарные законы и лишились всякого права на жизнь.

Вот тема, которая могла бы взволновать самого красноречивого поэта или оратора, когда-либо жившего на свете. Как же мне выразить справедливость? Джоанна Бейли хорошо сказала:

"Храбрый человек - это не тот, кто не испытывает страха,

ибо это глупо и неразумно;

Но тот, чья благородная душа покоряется страху,

И смело отваживается на опасность, которой сторонится природа".

Это признание нашей профессии было гораздо более безоговорочным почти две тысячи лет назад, в то время, когда оно было гораздо менее заслуженным, когда Цицерон написал (*De Natura Deorum*) "*Homines ad Deos nulla re propius accedunt, quam salutem hominibus dando.*" (Люди никогда не бывают более богоподобными, чем когда дарят здоровье человечеству).

Но мы не можем дольше задерживаться здесь и сейчас с темой героизма в медицине. Я не завершу работу, которую хочу представить вам сегодня, пока не обращу ваше внимание на краткий очерк карьеры четырех или пяти человек, которые за последние две или три сотни лет стали примером для людей всех времен и народов, чьи жизни настолько насыщены интересным, поучительным и важным, что их вполне можно представить выпускному классу как иллюстрацию всего, чему можно с пользой подражать. Они принадлежат к тому классу, о котором Лонгфелло написал:

"Жизни великих людей напоминают нам.

Мы можем сделать нашу жизнь возвышенной".

Одним из них был Жан Фернель, который родился во Франции около 1497 года и умер в 1558 году. Я не знаю, что в его истории жизни есть такого уж поразительного, хотя он и стал считаться самым выдающимся физиологом своего поколения, но он принял девиз, который, я думаю, мы все вполне могли бы выбрать для себя, и именно из-за этого девиза я упомянул его имя в этом месте. Он гласил: "*Судьба оставляет нам достаточно покоя*". Если каждый из вас возьмет это себе на заметку, он найдет в этом стимул, достаточный для любой тяжелой работы.

Первым из выдающихся людей, о которых сейчас пойдет речь, был Герман Бурхааве, родившийся в 1668 году и умерший в 1738 году. Он пользовался репутацией, пожалуй, самого выдающегося врача, который когда-либо жил. Старший сын бедного священника с большой семьей, он изначально был предназначен для теологии и с этой целью изучал философию, историю, логику, метафизику, филологию и математику, а также теологию. Случайность, вызванная сильным партийным духом и доктринальными разногласиями, не позволила ему посвятить свою жизнь богословию, и он обратился к математике, а затем к химии и ботанике, впоследствии изучая анатомию и медицину. Он окончил университет в 1693 году и сразу же начал практиковать в Лейдене, причем с таким успехом, что ему рано предложили должность обычного хирурга короля, от которой, однако, он имел моральное мужество отказаться. Впоследствии он преподавал медицину и ботанику, к которым позже добавилась и кафедра химии. Этот факт сам по себе покажет вам состояние медицинской науки того времени, когда один человек мог преподавать химию, ботанику и медицину. Однако его редчайшие таланты были развиты в направлении клинического обучения, и в этой области он завоевал такую репутацию, что слушатели съезжались в Лейден со всех концов света и в таком количестве, что ни одна университетская аудитория не могла их вместить. Его практика росла в масштабах и доходности в соответствии с его репутацией, и когда он умер, то оставил после себя состояние в два миллиона. Он был настолько знаменит, что о нем рассказывают, что один китайский чиновник однажды отправил ему письмо, адресованное просто "Самому знаменитому врачу в Европе". То, что у него были твердые убеждения и практика, можно лучше понять из того факта, что он так мало различал своих пациентов, что заставил Петра Великого ждать одну ночь, чтобы попасть к нему на прием,

отказавшись регулировать список посещений в зависимости от средств или положения своих пациентов.

Бурхааве повсеместно считался великим студентом и великим врачом, но, вероятно, именно его человеческие качества привели к поразительному размаху его репутации. В сущности, скромный, не спорный и не воинственный, он имел замечательное влияние на молодых людей, которые приближались к нему, и имел привычку говорить оракулами или афоризмами, которые не всегда так глубоки, как кажутся, но часто делают дикту человека знаменитым. Если не считать того, что он ввел использование термометра и обычной линзы при обследовании пациентов, его учения не образуют никакой действительно новой системы. В классификации людей его можно считать великим эклектиком, в чистом смысле этого слова. Вероятно, его величайшая заслуга перед медициной заключается в постоянном утверждении клинического метода обучения, и, возможно, его следующей величайшей реальной претензией на славу является характер обучения и вдохновение, которое он дал двум своим величайшим ученым, а именно: Халлеру и Ван Свьетену. Он не был основателем школы. Он не оставил великих и запоминающихся доктрин, за которые должны были бы бороться другие, но он оставил имя учености, честного и логического мышления, которое стало бесценным наследием для университета, с которым он был связан.

Следующий великий ученый, на жизнь и труды которого я хотел бы обратить ваше внимание, - Морганьи, родившийся в Италии в 1682 году и умерший в 1772 году. Он был учеником Вальсальвы, помощником которого стал в возрасте девятнадцати лет. Воспитанный таким образом, как бы в области анатомии, он, как не странно, всю жизнь уделял особое внимание анатомическим продуктам болезни. Сейчас для нас не имеет значения, что он был склонен рассматривать эти продукты как причины болезни и, таким образом, пренебрегал их отдаленными причинами. Именно он научил нас применять в патологической анатомии то же скрупулезное внимание к изменениям тканей, которое обычный анатом отметил бы при препарировании новой формы животного. Вряд ли он был основателем науки патологической анатомии, ведь эта заслуга принадлежит Бенивени, но он сделал очень много для популяризации этого исследования и для того, чтобы показать его важность. Более того, он написал труд, который для своего времени и поколения был колоссальным. Она называлась "*De Sedibus et Causis Morborum per Anatomen Indagatis*". Он состоял из пяти книг. Первая появилась в Венеции в 1761 году. Она оказалась прекрасной копилкой информации, к которой и сегодня можно часто обращаться и с удовольствием читать наблюдения, опубликованные сто пятьдесят лет назад. Они запечатлели Морганьи как великого ученого, так и анатома. О его трудолюбии говорит тот факт, что даже после того, как он ослеп, он не прекращал работать.

Возможно, самой замечательной фигурой во всей истории современной медицины является Альбрехт фон Халлер из Берна, родившийся в 1708 году, умерший в 1777 году и часто называемый Великим. Более разносторонний гений, чем его, никогда не украшал нашу профессию. Будучи очень развитым ребенком, он проявил замечательные способности к поэзии и музыке, а также к медицине, и остается только удивляться, что он дожил до столь зрелого возраста, наслаждаясь плодами своих трудов, проявляя на протяжении всей своей жизни удивительное трудолюбие и работоспособность. Еще до достижения десятилетнего возраста он написал грамматику халдейского языка, словарь греческого и древнееврейского, а также большую коллекцию латинских стихов и биографий. В течение следующих нескольких лет он перевел многих латинских авторов и написал оригинальную эпическую поэму из четырех тысяч стихов о Швейцарской конфедерации. Всю эту работу он завершил к двадцати одному году. Неудивительно, что среди тех, кто знал о его

способностях, он был известен и считался "чудо-ребенком". Таким образом, становится ясно, что медицина была лишь одним из многих предметов его изучения. Он проучился год в Тюбингене, где буйная жизнь его сокурсников оттолкнула его; затем он отправился в Лейден, попав там под влияние прославленного Бурхааве. Сколько он почерпнул из этого источника, сейчас никто точно сказать не может, но более яркого примера у него точно не могло быть. Он закончил обучение в Лейдене до двадцати лет, затем путешествовал по Англии и Франции, но был вынужден бежать из Парижа, чтобы избежать ареста за то, что прятал в своей комнате трупы для препарирования. Это будет свидетельствовать о вкусе к учебе, если не о вкусе в других направлениях.

Внезапно увлекшись математикой, он отправился в Базель и работал так много, что почти подорвал свое здоровье. Это потребовало поездки в горы, и здесь пробудился его интерес к ботанике, а косвенно и к медицине. Вскоре после этого он вернулся в Берн, чтобы заняться врачебной практикой. Здесь он учился и работал так много, что это вызывало подозрение в его здравомыслии, но он поддерживал свое здоровье частыми поездками в Альпы в поисках цветов. Его увлечение ботаникой и вкус к поэзии росли с одинаковой скоростью, и, похоже, он одним из первых среди современных студентов оценил красоту и величие швейцарских горных пейзажей. Когда ему было двадцать пять лет, вышло первое издание его стихов, а затем появилось множество изданий. Здесь же, в Берне, он опубликовал столько сочинений по ботанике, анатомии и физиологии, что всеобщее внимание привлекли его выдающиеся познания, и он был призван занять кафедру анатомии и ботаники в новом Геттингенском университете, где провел семнадцать лет необычайной умственной деятельности, публикуя бесчисленные работы и одновременно продолжая свои поэтические и кочевые привычки. Он разбил в Геттингене большой ботанический сад, основал научные общества, издал пять книг по анатомии, все тщательно иллюстрированные, напечатал серию комментариев к лекциям Бурхааве и, как говорят, написал в общей сложности тринадцать тысяч статей, относящихся почти ко всем отраслям человеческого знания. Неудивительно, что слава Геттингенского университета во многом зависела от репутации Галлера.

Но у Галлера развилась явная ностальгия, и после того, как его чествовали дворяне, почти все монархи Европы, и он удостоился всех почестей, которые оказывают университеты и философские общества, он оставил свою кафедру в Геттингене и вернулся в Берн, на свою родину. Здесь, среди старой родной обстановки, он еще двадцать лет работал в том же огромном темпе, выполняя различные государственные и частные обязанности, основывая и развивая промышленные предприятия и приюты, постоянно выполняя всевозможные поручения. Во время этой работы появился феноменальный труд, его великий "Трактат по физиологии", настолько полный оригинальных наблюдений, что было заявлено, что если бы открытия, которые были заново открыты со времен Халлера, были собраны, они заполнили бы несколько томов формата кварто. Физиологический институт в Берне сегодня известен как *Hallerianum*, как и должно быть, потому что это явно продукт его гения. Он умер в зрелом возрасте, проделав невероятное количество работы, величайший ученый своего или, возможно, любого другого века, почитаемый и уважаемый, верный до последнего и проявивший в последние минуты жизни то "философское спокойствие культивированного интеллекта", о котором любил писать Цицерон. О нем рассказывают, что на смертном одре он держал пальцы на собственном запястье, наблюдая за угасанием собственного существования и ожидая последней пульсации лучевой артерии. Наконец он воскликнул: "Я больше не чувствую ее", после чего присоединился к великому большинству.

Возможно, самым большим вкладом Галлера в физиологическую науку стало его учение о раздражимости тканей. Она заняла место многого, что вызывало предыдущие дискуссии, и

по сей день признается как объясняющая, насколько мы можем объяснить, многочисленные явления.

В том же великом чудо-веке жил и Джон Хантер, величайший из английских студентов-медиков, самый знаменитый хирург своего времени и самый неутомимый коллекционер естественной истории и естественных наук, который когда-либо жил. Он родился в 1728 году и умер в 1783-м. К изучению медицины его подтолкнула слава его знаменитого брата Уильяма, и он начал свое обучение, выступая в качестве проктора при нем. Вскоре он стал учеником Чезелдена, пожалуй, самого известного английского хирурга своего поколения. Хантер очень рано развил в себе те необычайные способности к наблюдению и ту оригинальность в исследованиях, которые впоследствии сделали его столь знаменитым. В начале своей медицинской карьеры он некоторое время находился под влиянием Персиваля Потта. Это было в то время, когда хирургия вышла из состояния варварства и когда Французская академия хирургии возвела ее в достоинство науки. В 1754 году он поступил в больницу Святого Георгия в качестве ученика хирурга. Позже он стал партнером своего брата в частной анатомической школе последнего, но Джон, будучи плохим лектором, отличался своими заслугами скорее в президиуме, чем в амфитеатре. Обычаи его времени и ревность различных медицинских группировок, существовавших тогда в Лондоне, привели к многочисленным ожесточенным спорам, в литературной части которых первенствовал Уильям Хантер, более культурный студент, а на Джона, не обладавшего достаточными способностями и гораздо меньшим образованием, возлагались обязанности по предоставлению анатомических данных. Джон болезненно осознавал свои недостатки в литературной культуре и, как рассказывают, однажды ответил на пренебрежительное замечание оппонента: "Он обвиняет меня в том, что я не понимаю мертвых языков, но я могу сказать ему на мертвом теле то, чего он никогда не знал ни на одном живом или мертвом языке".

Именно таким образом он вступил в неприличную схватку с Мунросами из Эдинбурга и со своим покойным учителем Поттом. Подобный спор окончательно разлучил двух братьев, и они расстались после весьма неприличной демонстрации ревности и братских разногласий.

Изучая анатомию человека в течение нескольких лет, Джон Хантер глубоко проникся необходимостью более глубоких знаний в области сравнительной анатомии, но в это время плохое здоровье заставило его временно сменить профессию, и он отправился в армию в качестве штабного хирурга. Это было в то время, когда Европа была вовлечена в кровопролитную Семилетнюю войну, и так случилось, что у Хантера было много возможностей для изучения и наблюдений в военной хирургии - во время осады Беллея и позже во время войны на полуострове. Здесь он сделал многие из тех наблюдений за огнестрельными ранениями, которые он публиковал в разные периоды позже и которые помогли ему стать знаменитым.

В 1763 году он возобновил свою работу в Лондоне, и здесь ему снова пришлось пройти долгую проверку тех качеств пассивной стойкости и активного упорства в трудностях, которые были его отличительными чертами. Его личные потребности были невелики, но научные - велики, и на их удовлетворение он тратил каждую гиней, которую мог заработать в своей небольшой, но медленно растущей практике. Его собственные манеры были настолько грубыми, и ему так не хватало утонченности многих его коллег и конкурентов, что требовались редкие душевные качества, чтобы заставить его вырваться вперед, к чему он, тем не менее, быстро продвигался. Бэкон говорил: "Тот, кто только реален, нуждается в больших частях добродетели, как камень нуждается в богатстве, который оправляют без фольги", и это никогда не было так верно, как в случае Джона Хантера. Его часы досуга

никогда не оставались без работы. Он получил тела всех животных, умерших в публичных коллекциях Лондона, и таким образом начал формировать ту огромную коллекцию, которая позже стала известна как Хантерианский музей. По мере поступления средств он строил и расширял свои помещения и проводил обширные исследования в области анатомии и физиологии животных, которым посвятил всю свою жизнь. Хотя его практика постепенно расширялась, и со временем он стал самым известным хирургом и консультантом в Лондоне, он, тем не менее, проводил три или четыре часа каждое утро перед завтраком за препарированием животных и столько же в остальное время дня, сколько мог выделить. Ученики и студенты, желающие проконсультироваться с ним, должны были приходить рано утром, часто уже в четыре часа, чтобы застать его свободным. Он обладал той редкой способностью выполнять максимум работы при минимуме сна, которая так ярко проявилась в случае с Вирховым. Перед смертью Хантер достиг большой компетенции, а его анатомическая коллекция, состоящая примерно из десяти тысяч препаратов, сделанных в основном его собственными руками, была куплена после его смерти правительством за семьдесят пять тысяч долларов и подарена Колледжу хирургов, где она составляет главную часть так называемого Хантерианского музея.

Главные претензии Хантера на величие заключаются в том, что он не только привнес свет физиологии в практику нашего искусства, но и своими трудами, учениями и особенно своим примером побудил людей идти по тем путям, которые он для них расчистил. Быть известным благодаря таким ученикам, какие были у Хантера, - не малая претензия на славу. Благодаря им, его колоссальной работе по созданию музея и его трудам, он навсегда останется самой выдающейся фигурой в истории медицины Великобритании.

Пятым человеком в квинтете гениев, которых я представляю вам сегодня, был Франциск Ксавье Биша, который родился во Франции в 1771 году, а умер в 1802 году. Хотя на момент смерти ему был тридцать один год, его карьера была настолько феноменальной, почти метеоритной, что заслуживает внимания как пример того, что человек может сделать в ранний период своей жизни, если только будет работать. Читая о его оригинальности и таланте, поневоле сравниваешь их со знаменитыми музыкантами, которые также умерли в раннем возрасте, подарив миру свои бессмертные произведения, например, с Шубертом, Моцартом и Мендельсоном. Биша был сыном врача и рано посвятил себя изучению медицины в Нанте, Лионе, Монпелье и, наконец, в Париже, где он стал учеником и верным другом Дезо, в то время величайшего парижского хирурга. Когда Дезо умер в 1795 году, этот молодой человек начал читать лекции за него, в возрасте двадцати четырех лет. Он проявлял удивительную, почти лихорадочную научную активность, особенно в области общей и патологической анатомии. Именно ему принадлежит фраза, которую он сделал знаменитой: "Уберите несколько лихорадок и нервных расстройств, а все остальное относится к области патологической анатомии". Появившись на сцене вскоре после того, как ее покинул Морганьи, он смог своим гением, логической проницательностью, изяществом речи и манеры придать этому предмету привлекательность и значимость, которых ему до сих пор не хватало.

Его большой заслугой было более четкое разграничение тесно связанных между собой заболеваний и настойчивое изучение посмертных проявлений в связи с ранее наблюдавшимися клиническими явлениями. Он также установил тенденцию сходных тканей к сходным анатомическим поражениям. Фактически наше представление о том, что мы называем общими системами тканей, в действительности обязано ему, поскольку без использования микроскопа он выделил двадцать один вид тканей, которые изучал под

рубрикой общей анатомии, в то время как описательная анатомия занималась их различными комбинациями.

Бишат в значительной степени был обязан свержением чисто спекулятивной медицины, поскольку он ставил факты намного выше теорий и идей. Книги, по его мнению, должны быть просто "памятками фактов". То, что он сделал много таких памяток, следует из того факта, что до своей безвременной смерти он опубликовал девять томов эссе и трактатов, почти все из которых касались общей темы анатомии, нормальной и болезненной. У него также были не только свои ограничения, но и недостатки. Он странным образом отрицал применимость так называемых физических законов к процессам в организме, преуменьшал значение терапии и стремился поставить виталистическую систему на реалистическую основу. Тем не менее он стал примером не только для молодых людей Франции, но и для всех времен и народов, который должен быть часто перед ними.

Итак, я представил вам пять ярких и блестящих иллюстраций того, чего могут достичь ум и трудолюбие, отобранных из разных стран, чтобы показать, что у медицины нет страны, и из прошлого века, чтобы вы могли лучше понять, насколько скудны были их условия в те дни по сравнению с теми, которыми наслаждаетесь вы. Возможно, вы скажете: "В те времена были гиганты". Верно, но раса не совсем вымерла. Пока живы Спенсер и Вирхов, расу нельзя назвать вымершей, как и время, породившее таких людей, как Гельмгольц, Дюбуа-Реймонд, Дарвин, Хаксли, Лейди или Марш, не может и дальше не порождать достойных преемников.

Но пора заканчивать это довольно бессвязное рассуждение. Отчасти мы стремились привлечь ваше внимание к некоторым побочным огням, с помощью которых можно более приятно осветить перспективу вашего будущего, а отчасти, поместив перед вами краткие отчеты о карьере некоторых из ваших выдающихся предшественников, показать, что выдающиеся достижения в медицинской науке не принадлежат ни к определенной национальности, ни к расе, не достаются ни по наследству, ни по желанию. Как и спасение, оно доступно всем, кто выполняет необходимые условия. Это составной продукт прилежания, направления, рвения в учебе, логических способностей ума, честности цели, способности к наблюдению, бдительности к улучшению возможностей, в сочетании с тем редким даром такта, который в последнем случае составляет так называемое уравнение личности, с помощью которого решаются многие гуманитарные проблемы. *Изучайте природу для получения фактов; изучайте жизнь великих людей для получения вдохновения, как их использовать.*

"Если бы звезда погасла в вышине.

Веками светила бы она,

все еще падающий с небес,

Сиял бы для нашего смертного взора.

Так и когда умирает великий человек

На протяжении многих лет, о которых мы не знаем,

Свет, который он оставляет после себя, лежит

На путях человеческих".

Если вы будете регулировать свои умственные привычки таким кодексом, то и другие привычки обязательно придут в соответствие. Единственное другое напутствие, которое я хотел бы дать вам на прощание, заключено в этих прекрасных строках нашего Брайанта:

"Живи так, чтобы, когда придет твой призыв присоединиться к

К бесчисленному каравану, что движется

В то таинственное царство, где каждый займет

Свою палату в безмолвных залах смерти,

Ты не пойдешь, как раб в каменоломне ночью,

бичеванный в темницу, но поддерживаемый и успокаиваемый

С непоколебимым доверием подойди к своей могиле.

Как тот, кто укутывается в драпировку своего ложа

И ложится в приятные сны".

Однако то, что это чувство не ново, видно из другой, древней версии, которую сэр Уильям Джонс перевел с персидского:

"На родительских коленях, нагой новорожденный ребенок,

Плакал ты, пока все вокруг тебя улыбались,

Так живи и ты, погружаясь в свой последний долгий сон,

Спокойно улыбайся, пока все вокруг тебя плачут".

Х КАРЬЕРА АРМЕЙСКОГО ХИРУРГА [7]

Опыт прослушивания так называемой вступительной речи в этих особых обстоятельствах, несомненно, так же нов для вас, как для меня ее подготовка. Это событие настолько отличается от того, что обычно говорят о Дне вступления в должность, что оно потребовало от меня столько же рассудительности, сколько и умения - как бы это сказать - "соответствовать ситуации" и постараться сказать то, что нужно. Мне следует помнить, что это, по сути, не обращение к классу студентов, только что приступивших к освоению

профессии, а попытка одного человека, находящегося на границе опыта, полученного от работы гражданского хирурга, но имеющего квазиеевоенное звание, с сильными связями и склонностями - в некоторой степени унаследованными - к курсу армейского хирурга и прелестям солдатской жизни. Само собой разумеется, что вы не нуждаетесь в наставлениях, которые я мог бы дать, поскольку сам факт вашего присутствия здесь указывает на то, что ваш выбор вышестоящими офицерами свидетельствует об их одобрении ваших способностей, а также вашего характера.

Время внесло огромные изменения в кадровый состав армейского медицинского корпуса, как и во все остальные отрасли службы. Со времен Ксенофонта с его отбором лучшего материала, темного средневековья, когда практически ничего не было предусмотрено, последующих столетий с их парикмахерами и хирургами-цирюльниками, постепенно улучшавшихся условий службы и до настоящего времени, когда лучшее не слишком хорошо, происходила та же эволюция, которая характеризует все остальное окружение человека и его осознание своих общественных и личных обязанностей. С тех дней, когда первым долгом так называемого армейского хирурга было служение своему командиру-генералу, а рядовому солдату уделялось лишь самое скудное внимание, мы пришли к тому времени, когда здоровье всей армии является целью и гордостью медицинского корпуса, и когда общественное мнение требует от каждого военнослужающего такой степени заботы, какую многие родители оказывают своим собственным семьям. Сегодняшний линейный офицер уже не может позволить себе пренебрегать советами своих медиков, а санитария в лагере теперь имеет даже большее значение, чем оперативная техника, потому что предотвратимые болезни и неспособность, вызванная болезнью, признаны гораздо более страшными, чем пули противника.

Общественная оценка наших обязанностей по отношению к больным и раненым в разные эпохи сильно различалась. Так, Гомер заставляет Нестора сказать:

"Хирург искусный наши раны лечит",

Для общественного блага больше, чем армии".

Гомер также высоко оценил заслуги двух сыновей Эскулапия, которых он обожествлял как величайших героев и мудрейших хирургов, и так писал о них во время осады Трои, за двенадцать сотен лет до рождения Христа:

"Из двух великих хирургов Подалирий стоит

В этот час окружен троянцами,

А великий Махаон, израненный, в своем шатре

Теперь просит помощи, которую так часто оказывал".

И снова он описывает операцию:

"Патрокл отрубил кованую сталь;

В руке он сжимал горький корень,

Рану он промыл и кровоостанавливающий сок влил;

В тот же миг плоть перестала пылать,

Рану терзать, и кровь течь".

В противоположность описанным нежным милостям можно привести случай, произошедший во время одного из захватывающих впечатлений Амбруаза Паре, который однажды во время сражения увидел трех отчаянно раненых солдат, прислоненных спиной к стене. Старый участник похода поинтересовался: "Могут ли эти парни поправиться?" "Нет", - ответил Амбруаз. Тогда старый агитатор подошел к ним и перерезал им всем горло, "сладко и без гнева". Обратите внимание на выражение "сладко и без гнева", поскольку оно подразумевает примитивную форму гуманности в обеспечении эвтаназии для безнадежно раненых.

Хотя с незапамятных времен было принято прикреплять хирургов к различным армиям, некоторое представление о преобладающих представлениях древности можно получить из утверждения, что у Ксенофонта было всего восемь полевых хирургов на 10 000 солдат. В его армии за больными и ранеными ухаживали в прилегающих деревнях или, когда они находились на марше, их везли в тылу войска, за которыми ухаживали женщины из "багажа". Были ли эти женщины "вивандьерами" тех дней, я не совсем понимаю, но, тем не менее, они должны были быть примерно тем же самым.

Во времена величайшей славы Рима в каждой когорте из 420 человек было четыре хирурга, а в каждом легионе из десяти когорт - один легионер-врач. На флоте также имелся один врач на каждую трирему; тем не менее, раненым на суше или на море уделялось мало внимания, хотя интересно прочитать, что каждый солдат носил с собой самые необходимые бинты, готовые к использованию, - пакет для экстренных случаев, который считается вполне современным.

Несколько сотен лет спустя, в Восточной империи, император Морис приказал, чтобы в каждой дивизии от двухсот до четырехсот кавалеристов было отобрано восемь или десять самых сильных мужчин, чтобы доставлять в тыл тяжелораненых, снабжать их водой и собирать оружие, лежащее на поле боя. За каждого спасенного конные кавалеристы получали небольшое вознаграждение. Триста лет спустя этот порядок продолжил Лев VI. Там, где это было возможно, за больными и ранеными солдатами ухаживали монахи или сестры, в многочисленных хосписах и учреждениях, которыми изобилует весь Восток, и хотя уход часто был наихудшим, усилия прилагались в правильном направлении. Святое масло, возложение рук, молитвы и использование святых мощей составляли большую часть лечения, которое было в моде; тем не менее эти средства были не так вредны, как некоторые другие, более отвратительные, которые использовались в те дни.

Несомненно, двумя армейскими хирургами, которые за последние 500 лет добились большей славы, чем кто-либо из их коллег, были Амбруаз Паре и барон Ларрей. Они были настолько выдающимися фигурами не только в своей профессиональной деятельности, но и в общем влиянии, которое они оказывали как на государя, так и на простого солдата, что их всегда будут считать одними из самых запоминающихся персонажей общей истории. Паре умер в 1590 году, Ларрей - в 1842-м. Каждый из них передавался по наследству от одного правителя или полководца к другому, и каждый считался самым бесценным наследием, которое можно было передать таким образом.

Имя Паре всегда наиболее часто упоминалось в связи с историей введения лигатуры в качестве замены каутера или кипящего масла, которые ранее использовались для остановки кровотечения, а также в связи с его учением о природе огнестрельных ран, которые ранее и повсеместно считались обязательно отравленными; но его новая практика и новые взгляды в этих отношениях были лишь небольшой частью общих заслуг, которые он оказал. Не стоит

даже пытаться вкратце изложить здесь историю лигатуры; хотя ее введение широко приписывается Паре, не стоит забывать, что она использовалась за много веков до его времени и часто упоминалась ранними авторами. Что действительно сделал Паре, так это, во-первых, отменил варварский и ненаучный метод борьбы с кровотечением, а затем вновь ввел или пропагандировал использование лигатуры как гораздо более предпочтительной замены, более гуманной, более чистой и более желательной. И поэтому, вместо того чтобы неполно ссылаться на фактический вклад Паре в знания, я предпочитаю рассказать о другой стороне характера этого великого человека и напомнить вам о некоторых из многочисленных способов, с помощью которых он добился такого чудесного влияния на окружающих и сделал свою замечательную личность максимально полезной. По мере того как он проходил одну кампанию за другой, его репутация становилась все более и более прочной и внушала хирургам всего мира желание посетить его. Почти в каждом его поступке ярко проявлялась его проницательность, а когда требовалось ее проявление, то в равной степени проявлялись его личное мужество и абсолютное отсутствие страха.

Лишенный преимуществ раннего и свободного обучения, он, вероятно, именно поэтому развил свою силу мысли, память и аналитические способности еще сильнее, поскольку они должны были занять место того, что он мог бы почерпнуть из книг.

Следующий анекдот проиллюстрирует, например, всеобщее уважение, которым он пользовался. В октябре 1552 года армия Карла V осаждала город Мец, и сам Карл прибыл туда, чтобы принять командование. В осажденном городе собрались дворяне и самая голубая кровь Франции, а во главе обороняющихся стоял герцог Гиз. Заключенные солдаты и мирные жители одинаково страдали от натиска врага, суровой зимы, нехватки еды и болезней. Герцог основал два госпиталя для солдат, которые передал в ведение городских хирургов-парикмахеров и снабдил их деньгами для закупки провизии, но из-за жалкой некомпетентности тех же хирургов-парикмахеров почти все раненые погибли, и возникло ужасное подозрение, что солдат отравляют. Герцог отправил королю Франции сообщение, что здесь можно продержаться десять месяцев, но нужно больше лекарств. Король послал за Паре, дал ему денег, приказал взять все лекарства и другие припасы, которые он считал необходимыми, и еще больше помог ему, подкупив итальянского капитана, чтобы тот разрешил знаменитому хирургу каким-то образом попасть в осажденный город. Преодолевая все опасности и добившись успеха, Паре вошел в Мец через два месяца. К тому времени он находился в войсках уже не менее шестнадцати лет и был известен на слух как офицерам, так и солдатам. На следующий день после прибытия герцог Гиз резко представил его на крепостном валу всем своим офицерам, которые обняли его и громко приветствовали, а солдаты встретили его криками триумфа. "Мы не умрем, - восклицали они, - даже будучи ранеными, потому что Паре среди нас". Появление этого великого хирурга придало новые силы защитникам, и именно благодаря ему город был спасен.

В свое время Паре добился успеха, который сегодня назвали бы необычайным. Он внушал раненым глубочайшее доверие и всегда и везде проявлял удивительную твердость. Не менее примечательной чертой его личной истории является то, что он так долго сохранял благосклонность при дворе при такой откровенной независимости характера.

Не менее авторитетным среди армейских хирургов прошлого и одной из самых ярких фигур в истории медицины и других наук был барон Ларрей. Более пятидесяти лет он был армейским хирургом, и большую часть этого периода он стоял действительно ближе к Наполеону, чем почти все люди, которых тот прикреплял к своей персоне теми или иными чертами,

сделавшими его столь выдающейся фигурой. То, что один из величайших убийц и один из величайших спасителей жизни всех времен должны были так тесно общаться друг с другом, представляет собой один из самых примечательных случаев в истории. Сходство во многих отношениях и различие во многих других - одна из самых похвальных черт карьеры Наполеона, что он должен был отдать Ларрею признание, которое он рано дал и никогда не отменял. Никогда еще эта заслуга не была столь значительной и достойной. Хотя он прошел двадцать шесть кампаний, "от Сирии до Португалии и от Москвы до Мадрида", и хотя его удивительное мужество никогда не подводило его в самых тяжелых условиях резни и конфликтов, все же можно задаться вопросом, не требуется ли более высокая степень или порядок мужества, чтобы встретиться с Наполеоном лицом к лицу в его палатке или сказать ему откровенные истины в Тюильри.

История кампаний содержит бесчисленное множество случаев, иллюстрирующих героизм под огнем или в столь же сложных обстоятельствах, и выделить несколько из них для отдельного упоминания трудно и, возможно, несправедливо. Храбрость не присуща ни одной эпохе, ни одной расе; это просто Богом данная черта, которой обладают далеко не все люди. Возьмем, к примеру, один случай из карьеры Ларрея. Во время высадки англичан на берег Абукирского залива, когда генералу Силли пуля раздробила колено, Ларрей понял, что немедленная ампутация необходима, и, получив согласие, произвел ее за три минуты под огнем противника. Как раз в тот момент, когда он закончил операцию, на них набросилась английская кавалерия; по его собственным словам, "у меня было мало времени, - говорит он, - чтобы взвалить раненого офицера на плечи и быстро нести его к нашей армии, которая полностью отступила. Я заметил ряд рвов, через которые перебрался, в то время как врагу пришлось обходить их более кружным путем. Таким образом, мне посчастливилось добраться до тыла нашей армии раньше, чем этот корпус драгун достиг нас. С этим почтенным раненым офицером я прибыл в Александрию, где завершил его лечение".

Пожалуй, ни при каких обстоятельствах мужество и рвение Ларрея не проявились с большей пользой, чем во время ужасного отступления из Москвы. Например, после страшной Бородинской битвы Ларрей сделал двести ампутаций, практически своими руками, где не было ни кушеток, ни каких-либо покрывал, когда холод был настолько сильным, что инструменты часто выпадали из онемевших пальцев хирургов, а пища состояла из конского мяса, стеблей капусты и нескольких картофелин. И все это при том, что вокруг вились дикие казаки, готовые в равной степени убить и хирургов, и пациентов. Вскоре последовал переход Березины с сопутствующими ему ужасами. Генералу Зайончеку, шестидесяти с лишним лет, раздробило колено, и он нуждался в немедленной ампутации, которую Ларрей произвел под огнем противника, среди падающего снега, не имея никакого укрытия, кроме плаща, который два офицера держали над пациентом во время операции. Генерал поправился и умер четырнадцать лет спустя в качестве наместника Польши.

Именно после этого перехода Березины императорской гвардией было обнаружено, что все необходимое для больных и раненых было оставлено позади и на другом берегу. Ларрей сразу же переправился через реку и оказался среди неистовой, борющейся толпы, в опасности быть раздавленным насмерть, как вдруг солдаты узнали его. Они тут же подхватили его на руки, перешли с ним через реку, восклицая: "Спасем того, кто спас нас", и забыли о собственной безопасности ради того, чью милосердную доброту они так часто испытывали.

Еще один случай в карьере Ларрея: Будучи всегда верным Наполеону, своему обожаемому господину, в победах и поражениях, Ларрей стоял однажды ночью с небольшой группой медиков и смотрел на поле Ватерлоо, на раненых и умирающих, которые лежали вокруг него и стонали. Внезапно на них напал эскадрон прусских улан, Ларрей выстрелил из пистолета и галопом помчался прочь, но его настигли пруссаки, которые застрелили его лошадь, ударили саблей и оставили умирать. Через некоторое время он пришел в себя и попытался пробраться через лоты во Францию, но снова был схвачен другим отрядом кавалерии, который лишил его всего, а затем отвел в штаб, где было приказано его расстрелять. Подумать только, такая участь постигла того, кто спас столько жизней! Но приказ был выполнен незамедлительно, если бы один из прусских хирургов не узнал Ларрея, прослушав его лекции несколько лет назад. Его доставили к Бюлову, а затем к маршалу Блюхеру, чей сын был ранен и взят в плен французами во время Австрийской кампании, и чья жизнь была спасена благодаря усилиям Ларрея. Вы можете себе представить, что не потребовалось много времени, чтобы отменить этот приказ о казни.

Наполеон очень редко хвалил Ларрея, но в своем завещании, вместе с завещанием в 100 000 франков, он сделал следующее замечание: "Это самый добродетельный человек, которого я когда-либо знал".

Упомянем еще несколько примеров. Например, хирург Томсон, который во время Крымской войны, после битвы при Альме, вызвался вместе со своим слугой Джоном Макгротом остаться на открытом, неукрытом поле с пятью сотнями русских, раненых настолько, что они стали инвалидами или даже находились под угрозой смерти. В течение трех дней и ночей эти два англичанина оставались практически одни на поле, покрытом только мертвыми и умирающими, среди чужих врагов, никто из которых не мог помочь себе или даже говорить на понятном языке.

В битве под Инкерманом помощник хирурга Уолсли разместил свой полевой госпиталь в этом ужасном месте бойни - батарее мешков с песком. Когда ее защитники сократились до 150 человек и были вынуждены покинуть ее, большинство из них отступили в одном направлении, чтобы обнаружить, что всего в тридцати шагах от них путь им преграждает русский батальон. В нем не осталось ни одного грамотного офицера, поэтому командование принял на себя хирург. Схватив штык, потому что у него не было сабли, он торопливо обратился к бойцам и объяснил, что их следующий бой будет не только за победу, но и за их собственные жизни; затем он повел их в атаку, которая так яростно прорвалась через русский отряд, что только половина из них добралась до другого берега живыми.

Во время южноафриканской кампании газеты писали (но мало ли кто читал об этом?) о судьбе хирурга Лэндона, который был ранен в позвоночник во время ухода за ранеными на холме Маджуба. Парализованный ниже пояса, он поддерживал себя и продолжал работать, как мог, пока силы не покинули его, и тогда он сказал: "Я умираю; сделайте все возможное для раненых".

Возможно, будет интересно уделить несколько минут рассмотрению условий, существовавших во время нашей Революционной войны. В 1776 году хирург-парикмахер все еще занимал свое место в армиях мира и даже тогда считался едва ли не более чем простым служащим. Ему не оказывали уважения и почестей, как джентльмену, и не разрешали носить меч. С другой стороны, он подвергался телесным наказаниям и мог быть выпорот своим полковником или почти любым другим человеком, если его провоцировали на такой поступок. Можно сказать, что английские войска были несколько лучше оснащены, чем наемные гессенцы, а французы, пришедшие нам на помощь, привели с собой гораздо

лучших людей, которые во многих отношениях стали откровением во время нашей революции и вдохновением для наших собственных так называемых хирургов. Но наши колониальные и генеральские правительства очень скупо обращались с медицинским отделом нашей армии, и их профессиональное оборудование было самым скудным; фактически, история хирургии тех дней, как в армии, так и в гражданской жизни, - это практически история нескольких выдающихся личностей, большинство из которых потратили время и деньги, необходимые для обучения за границей, и вернулись домой, привезя с собой лучшее из того, что было в их время, таким, каким оно было. Например, братья Уоррены из Бостона, старший из которых, Джозеф, отправился в знаменитую поездку с Полом Ревиром. Он был избран президентом провинциального конгресса, а незадолго до битвы при Банкер-Хилле стал генерал-майором континентальных войск - должность, которую он предпочел должности генерального врача, которую ему предлагали. Во время битвы он сражался с мушкетом, как рядовой, и был застрелен сразу после окончания конфликта. Младший брат, Джон, дожил до славы и известности и передал их своим потомкам.

Во время войны некоторые колониальные полки приходили в лагерь без хирурга и без малейшей защиты от болезней и травм. В 1776 году Конгресс распорядился, чтобы на каждые 5 000 новобранцев приходился один хирург и пять помощников, первым платили 1,66 доллара в день, вторым - 1 доллар в день. Представьте себе, сколько внимания могли бы уделить 5000 солдат шесть человек, чьи услуги были бы таким образом оплачены. О лагерной гигиене, госпитальном корпусе и скорой помощи даже не мечтали; тем не менее Джон Уоррен, которому тогда было всего двадцать три года, добился многого в создании медицинского корпуса, и еще столько же сделал Бенджамин Черч из Бостона, который был назван генеральным директором и главным врачом и получал зарплату 4 доллара в день. К сожалению, Черч был уличен в предательской переписке с врагом, отдан под трибунал, заключен в тюрьму на год, затем ему разрешили покинуть страну, и он, вероятно, погиб в море. Его сменил Джон Морган из Филадельфии, которому пришлось бороться не только с иностранным врагом, но и с политиками, и, не сумев удовлетворить их, он был уволен со службы, хотя и оправдан по всем статьям. Таким образом, вы видите, что даже в те дни политики не могли обеспечить адекватный и надлежащий уход за нашими больными и ранеными солдатами. Повсюду в то время царили беспорядки, волнения и подозрения, и их деморализующее воздействие проявлялось в каждом департаменте как военного, так и гражданского правительства. После Моргана пришел Шиппен, занимавший свой пост с 1777 по 1781 год, под руководством которого дела в медицинском департаменте значительно улучшились. Оспа была, пожалуй, самым большим бичом солдат, как и людей в целом, но ее удалось сдержать благодаря практике прививок, которая была принята в этой стране почти всеми людьми, начиная с Вашингтона.

Следует также сказать пару слов об этом замечательном человеке, Бенджамине Раше, с его многогранным, разносторонним, непостоянным, упрямым и раздражительным характером, который, тем не менее, был в свое время самой выдающейся фигурой в профессии; который два года проработал в Конгрессе; который подписал Декларацию независимости; и который в том же году получил свой первый армейский медицинский опыт. Возможно, нет ничего странного в том, что, обладая особым темпераментом, он не смог попасть под влияние своеобразного личного магнетизма Вашингтона, и что их личные отношения были совсем не в пользу Раши, поскольку он всячески старался принизить своего главнокомандующего и за это подвергся довольно позорному разоблачению.

Всегда есть соблазн придать наибольшее значение рассказам о героизме, который совершается наиболее публично. Хотя в этом нет ничего противоестественного, зачастую

это несправедливо, поскольку акт мужества может быть совершен в свете публичности, с учетом дурной славы, которая была бы утрачена, если бы он был совершен наедине с собой. Возможно, не стоит думать, что кто-то может быть более мужественным на публике, чем наедине с собой, и все же следует опасаться, что человеческая природа не всегда свободна от искушения такого рода. Но настоящие безмолвные герои военной или гражданской медицины - это те, кто занимается обязанностями, которые, тем не менее, таят в себе еще больше опасности, чем эффектные выступления на поле боя. Возьмем, к примеру, работу майора Рида и доктора Кэрролла, которые в течение нескольких месяцев посвятили себя изучению желтой лихорадки. Многие люди, стоя на поле боя, позволят обстрелять себя, но многие ли сознательно согласятся быть укушенными насекомыми, которые считаются переносчиками микробов желтой лихорадки. Доктор Кэрролл проявил спокойную храбрость и позволил укусить себя комару, который за двенадцать дней до этого напился кровью больного желтой лихорадкой, и в результате перенес тяжелый приступ, едва избежав жизни. Доктор Лазир позволил себе такой же эксперимент, но в тот момент не заразился; однако через несколько дней, находясь в палате для больных желтой лихорадкой, он был укушен комаром, тщательно зафиксировал этот факт, заразился болезнью в ее самой отвратительной форме и умер мучеником науки, таким же настоящим героем, какой когда-либо умирал в крепости или на военном корабле. Другие тоже добровольно подвергали себя опасности, но в то время не было ни одного другого смертельного случая. Но если осознать ценность оказанной услуги, неоспоримого доказательства природы болезни и метода, которым она переносится, то ценность демонстрации становится неоценимой, поскольку была продемонстрирована настоящая профилактика и предложено средство избавления общества от этой страшной язвы. Кроме того, было показано, насколько нет необходимости уничтожать ценное имущество, достаточно уничтожить комаров и ликвидировать места их размножения. Майор Рид умер через несколько лет после того, как возглавил эту борьбу с ужасной болезнью, но ни один памятник или другое свидетельство, которое можно воздвигнуть в память о Риде, Кэрролле и Лэзире, не сможет адекватно выразить значение той услуги, которую они оказали миру.

"Мир имеет свои победы не меньше, чем война". Эта эпиграмма так же справедлива к конфликтам, в которых участвует медицинская профессия, как и к любым другим. Это же чувство было выражено и другими словами. Говорят, что "мир дает более высокие испытания мужественности, чем когда-либо знала битва". Например, в Нью-Йорке есть простая табличка, с любовью напоминающая о смерти восемнадцати молодых врачей, которые один за другим ухаживали за эмигрантами, заболевшими сыпным тифом на Карантинном острове. Они достойно сражались и были похоронены без военной музыки, добавив восемнадцать имен к бесчисленному списку жертв, сражавшихся в молчаливой борьбе с болезнью, и выигравших от этого только то, что кто-то оказался достаточно предусмотрительным, чтобы записать их имена таким полупубличным образом.

Взять хотя бы случай доктора Франца Мюллера из Вены, который заразился бубонной чумой, работая в лаборатории с ее микробами. Как только он понял, что сам заражен, он заперся в изолированной комнате и приклеил к оконному стеклу лист бумаги с таким посланием: "Я болен чумой. Не присылайте ко мне врача, так как в любом случае мой конец наступит через четыре-пять дней". Он отказался принять тех, кто хотел помочь ему, написал письмо родителям, которое приложил к окну, чтобы его можно было скопировать снаружи, а затем сжег оригинал, опасаясь, что при пересылке по почте в нем может оказаться неуловимый микроб. Разве это не равносильно любому проявлению доблести в условиях волнения или стресса, вызванного битвой и канонадой? Может ли кто-нибудь более достойно получить Викторианский крест или любую другую эмблему мужества и героизма?

Многие из вас бывали или собираются в Гавану. Вам стоит совершить паломничество на кладбище, где похоронены шестнадцать молодых студентов-медиков, погибших при своеобразных обстоятельствах, которые также являются иллюстрацией испанской тирании и несправедливости. В 1871 году умер один из профессоров медицинской школы, и за ним в могилу отправились студенты, которых он учил и которые его любили. К несчастью, они совершили неосторожность, нацарапав карандашом в общественном месте несколько критических замечаний в адрес правительства; в результате на них донесли, арестовали и отдали под трибунал. Написанные параграфы были достаточным доказательством, и генерал-губернатор приказал уничтожить ряды студентов. Всего было 160 студентов, и в соответствии с этим приговором шестнадцать из них были на следующий день расстреляны без всяких церемоний. Самому младшему из них не исполнилось и шестнадцати лет, и его отец предложил за его жизнь все свое состояние, но безрезультатно. Позже жители Гаваны воздвигли в память об этой жертве памятник из белого мрамора, который обошелся им недешево.

Когда я готовлю эти слова, чтобы прочитать их вам, меня охватывает чувство неадекватности и недостаточной личной справедливости по отношению ко многим из моих слушателей. Воспитанный в гражданской жизни и получивший лишь небольшое военное образование, я пересказываю случаи, о которых вы можете прочитать с таким же успехом, как и я, и в то же время не забываю, что из жизни многих моих слушателей можно почерпнуть не меньше иллюстраций мужества, стойкости, выносливости и личной доблести, чем из библиотеки Генерального хирурга. К сожалению, я с ними не знаком. К счастью, в одном отношении они слишком многочисленны, чтобы их упоминать, и, опять же, пока не являются достоянием общественности, потому что скромность всегда сопровождает эти другие черты, которыми мы все так восхищаемся. Поэтому, господа, если вам покажется, что я пренебрег или забыл многие случаи из вашей жизни или жизни ваших друзей, объясните это скорее моим невежеством, чем намерением, а также тем, что я никогда не видел сражений и что мои схватки с болезнями проходили не в лагерях, а в стенах тихой больничной палаты или больничного отделения. Тем не менее я никогда не бываю так счастлив, как когда могу попытаться добиться более широкого общественного признания того, что вы постоянно делаете, и ваших доблестных поступков.

Помимо тех общих улучшений в службе, которые произошли по естественным причинам, в результате лучшего понимания ее потребностей и общего улучшения состояния профессии, за последние пятьдесят лет ничто не пришло извне, что было бы так полезно и выгодно, как поддержка, оказанная Красным Крестом, и введение квалифицированных медсестер; фактически самая большая помощь, которой может пользоваться медицинская служба армии и флота, - это та, что приходит из этого добровольного и внешнего источника. Кстати, интересно, многие ли из вас помнят или знакомы с истоками движения Красного Креста? Оно стало настолько важным, что его история должна быть хорошо известна всем. В июне 1859 года состоялась кровавая битва при Сольферино, по окончании которой около 36 000 французских, сардинских и австрийских солдат лежали на поле боя мертвыми или умирающими. Медицинский корпус, разумеется, был совершенно не приспособлен для выполнения возложенной на него работы, и, как обычно, тысячам раненых приходилось заботиться о себе, как только они могли. Швейцарский путешественник Анри Дюнан, наблюдая за происходящим и находясь под глубоким впечатлением, не только помогал в оказании помощи, но и написал книгу под названием "Сувенир из Сольферино", в которой призвал к более гуманной, повсеместной и быстрой помощи раненым. М. Муанье, президент Женевского общества коммунального хозяйства, человек с независимыми средствами; доктор Аппиа, мудрый врач, и М. Адор, выдающийся женевский юрист, также

заинтересовались этим движением. На это обратил внимание генерал швейцарской армии и заручился его содействием. Таким образом, в 1863 году было создано постоянное общество помощи раненым солдатам. На собрании, состоявшемся в октябре того же года, люди из многих стран присоединились к обсуждению этой темы, и состоялась международная конференция, результатом которой стал созыв международной конвенции, которая должна была состояться в Женеве осенью 1864 года.

Так было положено начало движению Красного Креста, которое сегодня распространилось по всему миру и дало возможность всем расам, вероисповеданиям и национальностям заботиться о тех, кто стал жертвой войны или моровой язвы, или страдает от любого другого большого бедствия, с которым не в состоянии справиться частная благотворительность. Она знаменует собой шаг в эволюции человечества и уже достигла такого всеобщего признания, что правительства стран и отдельные государства с радостью объединяют свои усилия в этом великом деле.

Более конкретным применением той же идеи стало сравнительно недавнее формирование в нашей службе корпусов скорой помощи, а затем и бюро медсестер, и привлечение к работе квалифицированных медсестер. Во всех отношениях это было нелегко осуществить, но, тем не менее, это принесло пользу и благосостояние всем заинтересованным сторонам. Никогда еще ни в частной, ни в военной практике о больных и раненых не заботились так хорошо, как сейчас, и Америка должна сегодня, как никогда, лидировать в мире по адекватности своих положений и совершенству методов. В частном порядке это особенно заметно в обычной больничной работе, в чем убеждаются все путешественники, побывавшие на континенте и в Великобритании, которые стараются сравнить то, как все делается там и у нас. Хотя Флоренс Найтингейл обессмертила себя, показав, что может сделать женщина на поле боя и в военных лагерях, американцам остается совершенствовать преподанные ею уроки, в то же время почитая ее за удивительную преданность своему самоотверженному долгу и энтузиазм. Уроки Крымской и Гражданской войн, например, оставили свои следы в истории так, что их никогда не стереть, и, конечно, никто не имел большего права на звание "ангела больничной палаты", чем мисс Найтингейл.

Завоевательные войны приводят к любопытным результатам и неожиданным последствиям. Хотя алчность, похоть и фанатизм - три великих побудительных мотива, лежащих в основе большинства войн, которые человек обрушивает на своих собратьев, один гораздо более благородный мотив был случайной и единственной справедливой причиной раздоров, а именно стремление к свободе; однако оно всегда вторично и является результатом алчности другого человека или народа. Как только катаклизмы природы подготовили мир к обитанию человека, так и некоторые войны принесли непредвиденные блага с улучшением состояния человечества в целом, которое не могло быть обеспечено никакими менее радикальными мерами. Однако печальным комментарием к человеческому интеллекту является то, что наибольшие почести воздаются тем, кто забрал больше жизней, а не тем, кто их спас. Ни один школьник в самых отдаленных районах не воспитывается с пустяковыми знаниями о мировых героях, так называемых, хотя на самом деле они были оптовыми убийцами. И все же можно найти немало людей, получивших высшее образование, которые до сих пор не знают о преимуществах, предоставляемых этими двумя величайшими открытиями в мировой истории (оба англосаксонского происхождения), *анестезией* и *антисептикой*, которые будут долго и увлекательно рассказывать о Дарии, Цезаре, Ганнибале и более современных военных светилах, но при этом никогда не слышали ни о Мортоне, ни о Листере. И все же, если сегодня поинтересоваться, что делается в различных парламентах мира, можно узнать, что речь идет о все более многочисленных и мощных двигателях разрушения, и что у власть

имущих нет времени на усовершенствование медицинской службы армии или флота, и что даже сейчас невозможно добиться хоть сколько-нибудь похожего на адекватное внимание к нашим потребностям в этом направлении.

Средства для лишения человека жизни должны быть постоянно под рукой; средства для ее спасения не имеют большого значения, пока не возникнет чрезвычайная ситуация; и тогда вина за недостаточное обеспечение как средствами, так и людьми ложится не на политиков, которые не хотят смотреть вперед, а на администрацию медицинского департамента, которая работает до отчаяния и безысходности в мирное время, которая несет вечную вахту, почти не осознавая святости своей цели и не получая никакой помощи в ее достижении.

Неужели уроки южноафриканской, испано-американской и русско-японской войн будут забыты почти до того, как они прозвучат? Готовы ли мы сегодня уделять должное внимание и заботу нашим солдатам и морякам, если бы война была на пороге? Вы прекрасно знаете, что нет; каждый военный или морской хирург знает, что нет; медицинская профессия в целом знает это; и нашим законодателям говорили об этом, пока мы не устали повторять. И все же, каков результат? То же безразличие с их стороны, то же незнание того, что все это значит; а со стороны общественности - та же слепота и глупая уверенность в том, что "все в порядке".

Например, если мы хотим создать адекватную медицинскую службу для войны, то на каждые 100 человек, проходящих службу по призыву, должен приходиться один офицер. По оценкам, если мы вступим в бой с первоклассной державой - а какая другая осмелится вступить с нами в бой, - потребуется армия численностью не менее 400 000 человек, что означает 4000 армейских хирургов. Из них по крайней мере четвертая часть должна быть регулярными и опытными медицинскими офицерами. Другими словами, в такой армии должно быть не менее 1 000 офицеров-медиков, состоящих на регулярной службе, а также не менее 3 000 хирургов-добровольцев, профессионально и физически подготовленных для такой работы. Если кто-то возразит, что это превышает все ассигнования прошлого времени, ответ будет готов и достаточен, а именно: в прошлом все эти ассигнования были совершенно недостаточны; условия современной войны полностью изменились, больной, раненый или инвалид - это обуза, и мы должны предотвратить болезнь и вылечить инвалида как можно быстрее. Кроме того, достижения в медицине и хирургии были настолько велики, что от медицинского корпуса теперь ожидается гораздо больше, чем когда-либо прежде, и мы обязаны заботиться о тех, кто подвергается опасности, сражаясь за нас. Поэтому на нас лежит высочайшее моральное обязательство отдавать им все свои силы, причем в достаточном количестве. Наверное, мы не очень-то побуждаем людей участвовать в наших сражениях, если позволяем им чувствовать, что они не являются объектом нашей заботы, когда больны или ранены.

Есть еще одна особенность, которую мы не можем игнорировать. До тех пор, пока армейские правила требуют, чтобы человек, получивший образование в области передовых наук, тратил большую часть своего драгоценного времени на выполнение функций бухгалтера или клерка, будет меньше стимулов для поступления на службу, и, следовательно, она не будет привлекать людей с высочайшей квалификацией. То, что от вас требуется, сложно и требовательно. Вы должны быть хорошими бухгалтерами, хорошими санитарями, а также хорошими хирургами, врачами и даже акушерами. Прежде всего, от вас ожидается, что все люди, находящиеся под вашим руководством, будут готовы в любой момент выйти на "линию огня". Вы получили наивысший комплимент, который может сделать государство, признав вас достаточно разносторонним и компетентным, чтобы исполнять все эти роли и делать все эти вещи.

Более того, по мере продвижения по службе от вас будут требовать и других вещей, даже, я надеюсь, заполнения кафедр в этой современной Военно-медицинской школе. Это в некотором роде Вест-Пойнт медицинского корпуса, и кажется, что не должно возникнуть ни малейших трудностей с заполнением вакансий на его факультете за счет ваших подчиненных. Коллекции и литературные труды вашего корпуса составляют на сегодняшний день сокровища, превосходящие по ценности лишь немногие в этой столице страны. Библиотека, музей и архивы медицинского департамента стали образцами, с которых копировали все народы Земли.

В связи с этим мне приходит на ум, в качестве контраста, история о том, как французский хирург взялся преподавать анатомию в завоеванной и восстановленной стране.

После оккупации Египта французами Мехемет Али решил внедрить в Африку европейскую цивилизацию и ввез в страну всевозможных художников, ученых и медиков, среди которых был марсельский врач, настоящий богемец в современном понимании этого слова, который предстал перед публикой в самой грязной одежде, заявив: "Я доктор медицины, у меня много смелости, но нет одежды; я хочу испытать судьбу". Этим человеком был доктор Клот, который быстро стал любимцем вице-короля. Вскоре он выучил арабский язык, чтобы свободно говорить на нем, а через шесть месяцев не только получил армейскую комиссию и стал беєм, но и занял кафедру анатомии в недавно организованной медицинской школе. Все условия были против него. Фанатизм мусульман и запреты Корана противостояли всем анатомическим занятиям, и как только он предложил препарирование, произошел всеобщий взрыв. По магометанскому ритуалу тот, кто даже прикоснется к мертвому телу, становится "нечистым" на семь дней. Улемы, муфтии и все прочие фанатики потребовали от вице-короля закрыть школу и объявили препарирование святотатственной профанацией. Мегемет отказал им в этом и приказал Клот-бею начать свои демонстрации. Однажды произошел следующий случай: Профессор со скальпелем в руках, стоя рядом с трупом, начал вскрывать грудную клетку, когда один из студентов, то ли из фанатизма, то ли более смелый, чем остальные, набросился на него и ударил острием. Лезвие скользнуло по ребрам, и Клот-бей, заметив, что тот не получил серьезных повреждений, приложил к ране кусок пластыря, заметив при этом: "Мы говорили о расположении грудины и ребер, и теперь я могу проиллюстрировать вам, почему удар, направленный сверху, имеет так мало шансов проникнуть в полость грудной клетки". Он продолжал читать лекции и выпустил несколько искусных практиков. Он стал офицером почти всех орденов мира и получил более шестидесяти наград, хотя никогда не носил только одну - красную розетку своей страны. (Мед. Таймс энд Газетт, 19 сентября 1868 г.).

Хотя подобный опыт, возможно, уже никогда не повторится, Филиппины или какая-нибудь другая страна, которая еще не попала под нашу власть, может предоставить возможность для подобного проявления *sang froid*.

Хотя никто не может заглянуть далеко в будущее, поговорка "В мирное время готовься к войне" верна для медицинского департамента, как ни для какого другого. Если бы это было государственной тайной, никто бы здесь не дышал, но это прискорбная правда и общеизвестно, что даже сейчас мы не готовы так, как должны быть. Ужасные уроки испанской войны забыты. Офицеры Вест-Пойнта до сравнительно недавнего времени не получали никаких инструкций по санитарии в лагере. Некоторые из нас некоторое время назад приложили немало усилий, чтобы в их учебную программу было введено хотя бы элементарное обучение этому. В качестве примера могу сказать, что сегодня их больше учат тому, как содержать ноги лошадей в хорошем состоянии, чем тому, как содержать ноги их подчиненных. Линейные офицеры, особенно добровольцы, никогда не были слишком готовы

размещать свои лагеря там, где вода и дренаж были лучше всего, и ужасная смертность в Испанской войне была в основном вызвана предотвратимыми болезнями, в то время как это было вызвано глупым и непростительным пренебрежением со стороны линейных офицеров (в основном добровольцев) к советам их медицинских офицеров.

Но, в конце концов, джентльмены, разочарований, с которыми вы столкнетесь, будет гораздо меньше, чем тех, с которыми приходилось сталкиваться вашим предшественникам, а приятная сторона вашей жизни будет гораздо приятнее, чем у них. На самом деле, я думаю, что во многих отношениях ваша жизнь протекает в более приятных местах, чем наша.

Дисциплина и порядок в значительной степени защищают вас от шарлатанства и идиотизма. Причуды дня исчезают перед появлением флага и звуком барабана. Так называемая христианская наука не найдет места в вашей учебной программе, и пройдет немало времени, я верю, прежде чем армейский капеллан украсит военный госпиталь сектантской терапией или культом церкви Эммануила. Если, поступив в армию, можно избежать отвратительных влияний такого рода, то она может стать таким убежищем, что тем самым сделает ее одновременно и привлекательной, и непобедимой.

Тем из нас, кто участвовал в этом движении, приятно получить заверения генерального хирурга в том, что создание Медицинского резервного корпуса принесло реальную пользу медицинскому департаменту регулярной армии. И хотя воинское звание, на которое неожиданно вознеслись его члены, не было столь высоким, чтобы вызвать приступы головокружения - до сих пор не было зафиксировано ни одного случая, - нам, по крайней мере, приятно осознавать, что помощь может быть оказана из частной жизни, и что удалось установить более тесную связь.

И теперь завершить эти заметки не менее трудной задачей, чем начать их. Люди приходят и уходят; некоторые из них оставляют отпечатки своих шагов; подавляющее большинство не производит никакого впечатления.

"Некоторые, когда умирают, умирают все; их заплесневелая глина

лишь эмблема их воспоминаний;

Пространство, через которое они прошли, закрывается".

Хотелось бы верить, что многие из вас сделают вечные записи. И все же каждый может сделать все, что в его силах, и я не сомневаюсь, что у каждого это получится. У вас так много поводов для вдохновения, так мало поводов для препятствий и сдерживания. Славна ваша работа, славным может быть и ее выполнение. Мы жили в хорошее время; вы будете наслаждаться еще более хорошим временем. Благодаря научному прогрессу, подобного которому мир еще не знал, и альтруизму, который постоянно делает мир лучше, вы сможете сделать то, что никогда не делали ваши предшественники.

"Время идет,

И этот старый мир становится все ярче!

Возможно, мы не увидим его возвышенного рассвета,

Но надежда на лучшее заставляет сердце биться легче!

Наш прах может дремать под землей.

Когда она пробудит мир в удивлении;
Но мы уже почувствовали, как она собирается вокруг!
Мы слышали его голос в далеком громе.
'Tis coming! Да, приближается!
"Настало то славное время.
Предсказанное провидцами и воспетое в сказках,
Ради которого, когда думать было преступлением,
Души прыгали к небесам с кровавых эшафотов!
Они прошли. Но что они сделали!
Теперь расцветают надежды веков,
Молния их живой мысли
вспыхивает в нас, в мозгу и груди;
'Tis coming! Да, грядет!"

XI ЭВОЛЮЦИЯ ХИРУРГА ОТ ЦИРЮЛЬНИКА

Если попытаться просмотреть историю медицины, обратить внимание на все заблуждения и суеверия, которые затуманили разум людей и привели к тому, что *сейчас* кажется самыми абсурдными и отвратительными взглядами и практиками прошлых времен, и если целенаправленно искать то, что имеет любопытный характер, или рассчитанное на то, чтобы послужить загадкой, которую трудно решить, то вряд ли в томах, с которыми он может ознакомиться, он найдет что-то более странное, чем тесная связь, а может быть, даже тождество, сохранявшееся на протяжении веков, между ремеслом цирюльника и ремеслом хирурга. Даже изучив историю и различные законы, принятые в разное время, он все равно не заметит преобладающей, но скрытой причины такого положения дел. Окажется, что это, по словам Пэджета, "поддержание неотъемлемых прав, как если бы они были лучше, чем продвижение знаний". Он также задастся вопросом, почему женщинам разрешили заниматься хирургией в XIV веке и не разрешили в XIX, или почему специальности были юридически признаны в XVI веке только для того, чтобы потерять свое достоинство и идентичность немного позже.

Таким образом, пытаясь рассмотреть отношения, которые существовали в прошлом между цирюльниками и хирургами, я должен попросить вас вспомнить, что было время, когда кровопускание считалось необходимым для лечения почти всех болезней, и что после того, как церковь осудила пролитие крови любым из ее чиновников, было самым естественным обратиться за помощью к цирюльникам, которые должны были ловко обращаться с острыми инструментами, с тазами и полотенцами. Так и получилось, что когда цирюльникам

разрешили выполнять это единственное действие, они, естественно, пошли дальше и стали практиковать многие виды малой хирургии независимо от церковников.

Более того, до сих пор в Европе сохранилось множество пережитков старых обычаев, а цирюльник-хирург все еще является распространенной фигурой в Германии и особенно в России, где действительно образованных хирургов все еще слишком мало для огромного и многочисленного населения. Следует также помнить, что церковь постепенно внушала людям ужас перед мертвым телом и осквернением, которое следовало за любым действием с ним, и окружала изучение анатомии всеми возможными препятствиями и немилосердием, вплоть до того, что за информацию о том, что человек препарировал человеческое тело, можно было подвергнуться унижению, нападкам и даже смерти. Поэтому только сильная жажда знаний со стороны искренних людей позволяла давать или поощрять анатомическое обучение.

В средние века величайшая медицинская школа в мире находилась в Салернуме (или Салерно), на небольшом расстоянии от Неаполя. Здесь не место обсуждать ее историю, хотя она стала известнее почти всех других учебных заведений любого рода, и хотя, по одной из причуд истории, даже место расположения зданий теперь утрачено, и никто, кажется, не знает, где они стояли. В свое время, а именно в 1240 году, император Фридрих II был великим покровителем этого колледжа; его указы, касающиеся регулирования изучения и практики медицины, заслуживают внимания и сегодня. Часть одного из его указов гласит следующее: "Поскольку человек может понять медицинскую науку только в том случае, если он предварительно изучил кое-что из логики, мы постановляем, что никому не разрешается изучать медицину, пока он не уделит внимание логике в течение трех лет. По истечении этих трех лет он может, если пожелает, приступить к изучению медицины". И снова: "Ни один хирург не может быть допущен к практике, пока не представит письменных свидетельств от преподавателей медицинского факультета, что он провел по крайней мере один год в той части медицинской науки, которая дает навыки в хирургической практике, что в коллегии он прилежно и особенно изучал анатомию человеческого тела, а также имеет большой опыт в том, как успешно проводятся операции и наступает выздоровление".

Когда мы впервые услышали о медиках в Великобритании, о них обычно говорили как о *пиявках*, как у датчан и саксов; позже духовенство в привозило книги из Рима, и почти в каждом монастыре было несколько братьев, обладающих большими или меньшими знаниями в области медицины того времени. Позднее Салернумский колледж дал большой толчок изучению медицины, еще до времен Вильгельма Завоевателя, что было усилено влиянием, исходившим из Неаполя, и особенно из Монпелье. На протяжении столетий католическое духовенство было почти единственным человеком, имевшим достаточное образование для изучения и практики физики; со временем эта профессия стала настолько прибыльной, что многие монахи оставляли свои монастыри, пренебрегая религиозными обязанностями, и посвящали себя изучению медицины. До такой степени это было верно, что в 1163 году Турский собор запретил монахам оставаться вне монастыря более двух месяцев за раз, преподавать или заниматься врачеванием. Приняв это решение, Собор лишь повторил то, что было предписано указом Генриха III в 1216 году и вторым Латеранским собором в 1139 году. Поначалу светское духовенство не испытывало никаких ограничений, и многие епископы и другие церковные сановники получали деньги и почести, выступая в качестве лекарей королей и принцесс.

Наряду с духовенством евреи обладали наибольшей долей образованности. Их кочевая жизнь позволяла общаться с различными народами мира, в чем было отказано большинству других, и среди них было много тех, кто изучал медицину и практиковал не только среди

представителей своей расы, но и среди мавров и христиан. Священники крайне ревностно относились к еврейским врачам и светским хирургам и пытались добиться через Рим официального отлучения всех, кто отдавал себя на попечение евреев, в то время как по каноническому праву ни один еврей не мог давать лекарство христианину. Но иудейские врачи были настолько знамениты, а стремление людей к жизни и силе настолько превосходило все остальное, что даже власть Рима не могла отстранить их от практики. Еще меньше духовенство могло удержать светских хирургов от занятий своим ремеслом, и хотя поначалу в Англии, похоже, священники не были склонны отделять хирургию от медицины, папа стал ревновать к такому прерыванию обязанностей духовенства и рассматривал ручную часть хирургии как умаляющую достоинство священнослужителя. В связи с этим предпринимались многочисленные попытки запретить священникам проводить хирургические операции. В 1215 году папа Иннокентий III запретил священнослужителям проводить любые операции, связанные с пролитием крови, а Бонифаций VIII в конце XIII века и Климент V в начале XIV века официально отделили хирургию от физики и категорически запретили священникам заниматься ею. Именно Церкви мы обязаны этим абсолютным отказом от хирургии в пользу неграмотных и непонятливых мирян. Однако некоторое время священники продолжали заниматься хирургией, обучая своих слуг, цирюльников, нанятых для бритья их собственных священнических бород, проведению мелких операций. Именно эти люди, получившие определенную квалификацию благодаря наставлениям духовенства, впервые стали называться хирургами-парикмахерами и постепенно образовали большое братство.

Во Франции при Людовике XIV парикмахеры были официально отделены от парикмахеров-хирургов, и последние были включены в состав отдельного медицинского учреждения. В Лондоне в 1375 году Общество парикмахеров было практически разделено на две секции, в которые входили, соответственно, те, кто занимался бритьем, и те, кто занимался хирургией. В 1460 году хирурги были окончательно объединены в Гильдию хирургов и заняли свое место в качестве одной из ливрейных компаний Лондонского города. Подобное разделение произошло и в первоначальной великой гильдии ткачей, которые разделились на шерстяных драпировщиков и льняных оружейников, а последние впоследствии стали богатой и могущественной компанией торговых портных.

Если проследить историю Лондонской компании парикмахеров немного подробнее, то впервые она была образована в 1308 году, а в 1462 году зарегистрирована на основании хартии. В одном из статутах Генриха VIII было прописано, что: "Ни один человек, пользующийся бритьем или цирюльней в Лондоне, не должен оккультизировать (т. е. практиковать) какие-либо операции, пускание крови или другие действия, за исключением только вырывания зубов". В 1540 году парламент принял закон, разрешающий Объединенным компаниям цирюльников и хирургов ежегодно брать тела четырех преступников для расчленения. В 1518 году цирюльники и хирурги были объединены в одну компанию; первые были ограничены от всех операций, кроме вырывания зубов, а вторые должны были отказаться от бритья и парикмахерских работ.

Интересно также отметить, что в Оксфорде, например, цирюльники, хирурги, ваферисты и изготовители "поющего хлеба" состояли в одном обществе с 1348 по 1500 год; когда, наконец, к ним присоединились капперы, или вязальщики шапок, в 1551 году, цирюльники и ваферисты отменили свой устав и приняли устав от имени города, вплоть до 1675 года, когда они получили устав от университета.

Лондонская гильдия хирургов, по-видимому, сначала была простым братством, которое само себя зарегистрировало, и возникла из ассоциации военных хирургов-парикмахеров,

прошедших обучение во время Столетней войны с Францией, с 1337 по 1444 год. Однако членство в нем было выборочным, и когда врачи отказались от союза с ним, в 1540 году оно объединилось с компаниями цирюльников. Особенностью Объединенной компании цирюльников и хирургов было то, что в нее принимались чужестранцы и те, кто не был свободным человеком, а подмастерья составляли подчиненное тело внутри компании. В 1745 году хирурги отделились от цирюльников и образовали компанию хирургов, которая быстро приобрела влияние. По глупой ошибке она лишилась своего устава в 1796 году, но впоследствии была учреждена Георгом III в 1800 году как Королевский колледж хирургов в Лондоне; этот орган с тех пор сохранил свою идентичность, значительно вырос в богатстве и силе и стал одним из лицензирующих органов Англии, приобрел лучшую коллекцию книг и образцов в мире и насчитывает самые яркие интеллекты, которые были в английской хирургической профессии.

В Дублине парикмахеры-хирурги были объединены в гильдию по хартии, выданной Генрихом VI в 1446 году. В 1576 году они были объединены с независимыми хирургами, а королева Елизавета - с хирургами-парикмахерами и мастерами по изготовлению париков. Это братство было распущено в 1784 году, и сразу после этого был основан Колледж хирургов. В Эдинбурге цирюльники и хирурги объединились в 1505 году, а затем разделились примерно в то же время, что и в других городах Великобритании.

В XVIII и XIX веках на континенте медицина и хирургия резко разделились, и последняя почти полностью оказалась в руках цирюльников. На протяжении сотен лет вскрытие трупов и бальзамирование тех, кто мог себе это позволить, находились в руках сначала мясников, а затем цирюльников. К тем, кто пытался прибегнуть к хирургическому вмешательству, повсеместно проявляли величайшее презрение. Если, например, дворянин, которому цирюльник пускал кровь, получал малейший вред, бедный цирюльник подвергался крупному штрафу, а если дворянин умирал, виновника отдавали в руки родственников покойника, чтобы те поступили с ним по своему усмотрению. Во всех монастырях, где ощущалось влияние церкви, монахам, обладавшим монополией на знания, запрещалось проводить хирургические операции, поскольку церковь не одобряла пролития крови.^[8]

В течение сотен лет монахам не разрешалось носить бороду, что привело к необходимости нанимать тонзоров ("тонзористов", как они называют себя сегодня), на которых также возлагалось выполнение всех операций, связанных с кровопусканием, наложением повязок и т. д. Это призвание, однако, было признано самым низким, и цирюльники, как и банщики, пастухи и палачи, не пользовались хорошей репутацией. Следовательно, такой человек не имел права вступать ни в какие другие гильдии или братства. В 1406 году император Венцель был спасен из тюрьмы в Праге дочерью банщика; в благодарность он сделал ее своей любовницей и объявил цирюльников и банщиков достойными уважения; но после утраты своего положения его указ не имел веса, и только в 1548 году в Аугсбурге они действительно получили право на членство в гильдиях. В это время их самым достойным занятием была заточка инструментов. В 1696 году Леопольд I. объявил их профессию искусством и поставил ее выше аптекарской, так что в своем самом достойном занятии они были возведены в ранг изготовления мазей и пластырей.

Как хирургия обязана профессии цирюльника существованием у человека бороды, так и европейский континент может поблагодарить крестоносцев XI века за то, что они вызвали необходимость существования банщика из-за проказы, которую они привезли с Востока. Во время крестовых походов, как известно, было основано множество орденов, изначальной

целью которых была забота и защита паломников и раненых воинов. Три самых известных ордена - рыцари Святого Иоанна, рыцари-тамплиеры и Тевтонский орден. Здесь было бы очень интересно рассказать об истории этих религиозно-медико-военных орденов и показать, как из самых благочестивых целей и скромного происхождения они превратились в деспотические и тиранические объединения огромной силы, для подавления которых в конце концов потребовалась вся мощь церкви и государства. Когда смиренные и полные энтузиазма члены этих орденов возвращались из Святой Земли, они основывали больницы для ухода за прокаженными, которых стало очень много в Европе. Например, утверждается, что во Франции в 1225 году насчитывалось две тысячи больниц для этой цели, а король Людовик Великий основал в 1260 году специальную больницу для тех, кто ослеп из-за египетской офтальмии. Известно также, что в средние века как среди высшего, так и среди низшего сословия наблюдалось сильнейшее пренебрежение обычными канонами чистоты. Поскольку больниц и монастырей, предназначенных для прокаженных, было недостаточно, строились бани и нанимались банщики, чтобы, насколько это было возможно, предотвратить распространение проказы. В это время банщику разрешалось принимать ванну и чашу, а позже и пускать кровь, хотя кровопускание должно было происходить в собственном доме банщика, поскольку обычно ему не разрешалось входить в дом больного. По мере того как купание становилось менее необходимым для уже упомянутых целей, банщик стал подражать цирюльнику, хотя гораздо позже, а в некоторых странах лишь около 1750 года, ему разрешили делать это публично и только после прохождения экзаменов, которым подвергался и цирюльник. В Пруссии им разрешалось лечить только раны и хронические заболевания, и так сложилось, что к началу XVIII века действительно добросовестный и эффективный хирург-парикмахер должен был пройти стажировку в крупных госпиталях, наблюдать за работой известных хирургов и служить в армии или на флоте. Предполагалось также, что он должен быть в некотором роде лингвистом и знать немного ботаники; особенно от него ожидали знания анатомии, хотя в стране ощущался печальный недостаток трупов, который компенсировался использованием туш животных, в основном свиней.

Эккардт, писавший в это время о шестнадцати различных добродетелях цирюльника, перечислял, прежде всего, страх Божий; затем, что он должен быть осторожным, благоразумным, умеренным и готовым пользоваться обеими руками с одинаковой ловкостью; он утверждал, что "высокомерие, кажется, наиболее распространено среди цирюльников, так как обычная поговорка подразумевает "цирюльники - гордые животные"". Он также выражал свое удивление по поводу зависти и злобы между банщиками и цирюльниками и советовал им обоим обращаться к врачам и другим мастерам.

В таком плачевном положении дел следует винить обычаи того времени. Мальчика, которому суждено было стать цирюльником, брали в ученики в то время, когда он едва научился писать. Если он умел писать разборчиво и немного читать по-латыни, никто не смел ему отказать. Он научился бриться и ходил для этого из дома в дом, а оставшееся время тратил на заточку ножей, накладывание пластырей, сбор катышков, уход за детьми, выполнение всяких мужских обязанностей, причем пользовался той же лампой, что и горничная, потому что пользоваться другой было бы неуважительно по отношению к жене хозяина. После нескольких лет такой работы его постепенно стали брать к пациентам, а затем научили пускать кровь, ставить чашки, ставить пиявки, удалять зубы и клистиры. Его мастер, ничего не зная об анатомии, не мог его ничему научить, хотя по законам ученичества обязан был это делать. Перед завершением ученичества он должен был сдать экзамен, которого лень хозяина обычно позволяла ему избежать. Затем он подарил мастеру несколько серебряных инструментов и был уволен с напутствием быть благодарным за то, что такой жалкий

экземпляр Божьих созданий вообще был научен брить бороду или накладывать гипс. Теперь он стал подмастерьем, по-прежнему жил в доме своего хозяина, и ему не разрешалось жениться; через некоторое время он получил мизерную сумму в качестве жалованья, получил бесплатные обеды и начал заниматься своими делами. Об учебе не могло быть и речи; эти люди не понимали того немногочего, что читали, и служили обществу в основном как разносчики сказок. После нескольких лет работы в качестве подмастерья они могли стать мастерами, обратившись к властям, предъявив свидетельства и сдав экзамен перед врачами округа.

Пруссия первой осознала необходимость регулирования медицинской практики, и цирюльники и банщики были переданы под контроль Медицинской коллегии, основанной в 1685 году принцем Фридрихом Вильгельмом. В 1724 году это учреждение достигло наибольшей активности, имея подчиненную школу в каждой провинции. В 1725 году король Фредерик Вильгельм издал знаменитый указ, который во многом регулировал медицинские дела во всем королевстве, и, помимо прочего, предписывал цирюльникам и банщикам "вести религиозную, умеренную, уединенную и трезвую жизнь, чтобы быть в наилучшем состоянии, когда потребуются их услуги". Когда их дела шли недостаточно хорошо, они брали на себя другие заботы, например, один человек был одновременно хирургом, муниципальным судьей и почтмейстером. Они были крайне завистливы друг к другу и часто занимались медициной без разрешения. Только в 1779 году в Пруссии банщикам было разрешено встать в один ряд с цирюльниками и пользоваться более чем четырьмя тазами, а гильдия банщиков была объединена с гильдией цирюльников.

Не было никакого соблазна вступить в эти ряды, поэтому не странно, что даже в 1790 году хорошие хирурги были редкостью в Германии; ни один из пятидесяти цирюльников не знал первых принципов работы, которую они должны были выполнять. Дошло до того, что хирурги были вынуждены бриться и выполнять другие обязанности парикмахеров, поскольку ни один хирург, каким бы опытным он ни был, не имел права заниматься практикой, если он не был владельцем заведения для бритья и купания, с помощниками и учениками, и не состоял в гильдии цирюльников, или если он не был облагодетельствован королевской льготой. В Германии на протяжении всего XVIII века было принято сетовать на то, что немецкие хирурги обучались в цирюльнях. Даже к середине того века хирургическая практика не считалась почетным делом, и тем, кто ею занимался, не разрешалось носить шпагу, хирурга не принимали в общество и не терпели среди врачей; более того, в случае неудачи его жестоко и неумолимо преследовали. В сложившихся условиях рейхстаг либо не мог, либо не хотел ничего делать для облегчения тяжелого положения. Врач кичился своим образованием, а к хирургу и его ремеслу относился с презрением, считая, что хирургия имеет такое же отношение к медицине, как геометрия к высшей математике и физике. Однако все это время, пока врач довольствовался пренебрежительным отношением к хирургам, он не предпринимал никаких попыток возвысить ремесло, изучить и украсить его. Даже к началу XIX века в Европе почти не осталось врачей, способных поставить хирургический диагноз, а стоматология, по их мнению, требовала не больше мастерства, чем для удаления зуба. Утверждалось даже, что пока люди в целом небрежно относятся к своим зубам, врачу или даже хирургу должно быть стыдно заниматься стоматологией.

Фон Зибольд в свое время сожалел о положении хирурга; его большой военный опыт показал ему трудности, с которыми он должен был бороться, прежде чем войти в общество, а его амбиции и высокие побуждения презирались. Даже крестьяне были категорически против любых операций. Их чувства были настолько сильны, что он неоднократно увозил своих пациентов в другие города, прежде чем делать операции. Тем не менее у него были все

основания не доверять любому цирюльнику, который опускал бритву для лечения перелома, грыжи или акушерского случая. Государство требовало, чтобы во всех сложных хирургических случаях цирюльник-хирург вызывал врача. В таком случае врач требовал контроля над случаем и оставлял за собой право судить о том, что требуется. Он даже не считал хирурга, получившего докторскую степень, равным себе. Такие консультации приводили лишь к ссорам и неприятным сценам. Если в деревне не было лекаря, хирург лечил и внутренние болезни, хотя ему не разрешалось использовать сильные лекарства. В каждом округе был свой специальный хирург, который один отвечал за несколько деревень, где имел право держать подмастерьев и учеников, а также заниматься бритьем и купелированием. В столице Пруссии в 1725 году, помимо придворных и частных хирургов, было разрешено практиковать только двадцати немецким и шести французским хирургам.

До 1808 года каждый немецкий хирург занимался медико-юридической деятельностью, которая впоследствии была отделена от хирургии. В 1782 году существовало три класса хирургов; из низшего класса после экзамена можно было перейти в высший. В Австрии в 1805 году появились доктора хирургии, от которых требовалось общее знание медицины и которые обладали теми же правами, что и врачи; были также хирурги-медики, которые могли практиковать с ограничениями, и банщики для мелких операций. После 1773 года и цирюльники, и банщики стали называться в Австрии хирургами; это было сделано для того, чтобы прекратить споры между ними. Согласно официальному тарифному плану, действовавшему в Пруссии в 1815 году, самая высокая плата за операцию взималась за литотомию у взрослых, максимальный предел составлял около 140 марок (35 долларов), в то время как большинство операций стоили от 20 до 50 марок (от 5 до 13 долларов в пересчете на американские деньги). Конечно, это было в то время, когда ценность денег была гораздо выше, чем сейчас.

Как уже было сказано, именно церковь своими постановлениями привела к отделению хирургии от медицины, чего не было во времена расцвета Греции и Рима. Даже Парижский университет одно время отказывался принимать студентов, не отказавшихся от изучения хирургии, а осуждение анатомии и хирургии в равной степени провозглашалось как папскими буллами, так и декретами духовенства. Хотя многие врачи считали хирургию слишком обременительным занятием, а многие другие питали к ней сильные предрассудки, главной причиной, разлучавшей их, вероятно, был тот факт, что для хирургов не существовало абсолютно никакого социального положения. В 1774 году Медерер стал профессором хирургии во Фрайбурге, в Брейсгау; он произнес свою вступительную речь о мудрости и необходимости сочетания медицины и хирургии. В результате он подвергся преследованиям со стороны общественности, оскорблениям со стороны студентов, издевательствам со стороны хирургов и постоянным угрозам личного нападения. Однако он сохранил свою позицию и боролся с предрассудками. Двадцать два года спустя, когда он покинул Фрайбург, в своей последней лекции он сослался на свой ранний опыт. К тому времени общественное мнение настолько изменилось, что студенты исполнили ему серенаду и смиренно извинились за то, что сделали их предшественники. Тогда Медерер мог убедиться в успехе своих усилий: в конституции Франции появился пункт, объединяющий медицину и хирургию, а королевские санитарные комиссары Вены единогласно высказались за такой союз.

Движение, начатое Медерером, продолжили такие люди, как Рихтер, фон Зибольд, Лодер и другие. В 1797 году, или более ста лет назад, эрфуртская Академия предложила приз за лучшее сочинение на тему "Необходимо ли и возможно ли объединить медицину и хирургию теоретически и практически?". Было представлено четырнадцать работ, из которых

двенадцать были в пользу объединения. Тем не менее Академия присудила премию единственному автору, который выступал против объединения. Причины его несогласия были самыми ничтожными, как и все аргументы, выдвинутые впоследствии против него. Тем не менее был сделан большой шаг вперед, когда были упразднены гильдии и братства цирюльников и банщиков, в чем первенствовала Вена в 1783 году. Тогда было объявлено, что бритье - дело парикмахера, а цирюльники-хирурги должны посещать лекции по хирургии и анатомии. Бавария последовала за ним в 1804 году, а четыре года спустя в Пруссии никому не разрешалось заниматься хирургией без изучения медицины. Правила 1786 года, регулирующие соответствующие должности и обязанности врачей и хирургов, были отменены в 1808 году, а к 1811 году лицензия цирюльника перестала быть необходимой для занятия хирургией: привилегии цирюльника как такового были упразднены, а для его профессии требовалась только общая лицензия.

XII

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ ЦИРКУЛЯ

Исследование времени и трудов Уильяма Харви^[9]

История в целом - это всего лишь запись череды великих событий или эпох, которые определяли судьбы мира. То, что имеет величайшее значение в жизни отдельного человека, может иметь малое значение в жизни его современников, и все же следует сказать, что в событиях сегодняшнего дня произошла великая эпоха в жизни каждого из вас, предположительно самая важная в ваших личных записях. Значит, этот день в ваших личных историях имеет величайшее значение. Поэтому желательно, чтобы он так повлиял на вашу жизнь, чтобы вы могли еще долго вспоминать о нем и вспоминать его значение.

Я не знаю, какой совет я могу дать вам, который принесет более плодотворные результаты, чем тот, что среди ваших исследований вы включите изучение жизни великих людей, которые сформировали судьбу и сделали мировую историю. Их жизнь была изменена мелочами, как была и будет изменена ваша, и все же из маленьких вещей выросли для них и для нас некоторые из самых далеко идущих последствий. Выберите действительно великих людей, о которых вам лучше всего известно, и проанализируйте их характеры, чтобы оценить, как они стали великими; если же у них, как и у всех великих людей, есть черты малости, изучите, в чем они малы и как можно избежать таких недостатков.

История течет, как вполне устойчивый поток, за исключением того, что время от времени какое-нибудь событие резко отклоняет ее ход или влияет на ее течение. Так было, например, с историей медицины. Первые шестнадцать сотен лет христианской эры люди занимались грубой практикой нашей профессии, совершенно не зная ни хода крови, ни ее назначения. Затем на сцене появился человек, который самостоятельно мыслил, который был готов освободиться от оков прошлого, наблюдать за природой и рассуждать на ее основе. Таким образом, мир внезапно получил представление о циркуляции крови, и, пожалуй, ни одно событие в истории медицины не имело такого значения и не отражало большего доверия к тому, кто его продемонстрировал.

Поэтому сегодня я хочу в полупопулярной форме рассказать вам о том, как Уильям Харви пришел к этому великому открытию, а также дать вам некоторое представление о трудностях, в которых он работал, о людях и влиянии, которые его окружали, полагая, что вместо того,

чтобы провести полчаса в шуточных банальностях, которые могут вызвать улыбку, но, которые быстро забываются, гораздо лучше попытаться внедрить что-то, что может надолго остаться в вашей памяти и в достаточной степени впечатлить вас ценностью наблюдения и индуктивного рассуждения, поскольку, если вы получите такое полное впечатление, вы будете избавлены в будущем от многих печальных ошибок в речи и даже в мыслях.

Прежде чем рассказать о жизни и деятельности Гарвея, давайте на несколько минут ознакомимся с общим состоянием дел в Европе, чтобы лучше понять людей, чье влияние окружало его, а также дух времени и образ мыслей людей.

Среди монархов, правивших в разных частях Европы во времена Гарвея, были, например, в той части Западной империи, которая называлась Германией, Рудольф II, Маттиас и Фердинанд. В Швеции правили король Сигизмунд, Карл IX, великий монарх Густавус Адольф и королева Кристина. В Пруссии престол занимали Иоахим, Георг Вильгельм и Фридрих Вильгельм в качестве курфюрстов, это было еще до времен прусских королей. В России трон занимали цари Борис Годунов, Михаил Феодор и Алексей.

Франция совсем недавно пережила бесчеловечную резню святого Варфоломея и сопутствующие ей гонения на гугенотов при Карле IX, который выразил надежду, что в живых не останется ни одного гугенота, чтобы упрекнуть его в этом преступлении, но сам умер вскоре после резни, которая, как говорят, вызвала у него горькие угрызения совести. Карла сменил его брат Генрих III, слабый, непостоянный и порочный монарх, из-за слабости которого он оказался втянут в гражданские распри, завершившиеся его собственным убийством от руки монаха-доминиканца. Затем появился Генрих IV, Наваррский, впоследствии прозванный Великим, который сражался в знаменитой битве при Иври в 1590 году и царствовал двадцать один год, величайший и самый популярный государь, когда-либо занимавший трон Франции. Несмотря на свои благородные качества, ему не удалось уберечь свой двор от многих загрязнений эпохи, и в его правление, как говорят, не менее 4 000 французских дворян были убиты на дуэлях, главным образом из-за ссор из-за женщин. Его сменил Людовик XIII, который все еще находился на троне, когда Харви умер.

В родной стране Харви трон занимал Яков I, когда Харви появился на сцене. Он был тем королевским педантом, которого герцог Сюлли назвал "самым мудрым дураком в Европе". После его смерти, когда Карл I вззошел на престол на двадцать пятом году жизни, в 1625 году, Гарвей готовился к публикации своего великого труда. Именно этот Карл I сохранил в качестве фаворита никчемного мерзавца Бекингема, чьи проступки в Испании помешали предполагаемому браку короля с испанской инфантой и привели к Гражданской войне. Именно из-за расходов на эту войну и из-за споров короля с парламентом по этому поводу Англия была разделена между Кавалерами и Круглоголовыми, двумя последствиями этой междоусобной борьбы стала казнь графа Страффорда и архиепископа Лауда. Возникшие таким образом проблемы в конце концов стоили жизни самому королю, который был обезглавлен в 1649 году. Харви даже дожил до первой половины недолгого пребывания Кромвеля на посту Великого протектора, и, возможно, ему повезло умереть до начала правления этого одиозного распутника Карла II.

Стоит немного поинтересоваться, что происходило по эту сторону океана в тот период, который мы сейчас рассматриваем. В 1607 году Виргиния была заселена англичанами, в 1614 году Нью-Йорк - голландцами, в 1620 году Массачусетс и, тремя годами позже, Нью-Гэмпшир - английскими пуританами, в 1624 году Нью-Джерси - голландцами, в 1627 году Делавэр - шведами и финнами, в 1630 году Мэн - англичанами, в 1634 году Мэриленд - ирландскими католиками, в 1635 году Коннектикут - английскими пуританами. Таким

образом, видно, что активный период жизни Харви совпал с началом нашей колониальной деятельности. Однако в эту страну в этот период ее существования доходило очень мало информации о том, что происходило в тогдашнем мире науки, и прошло много лет, прежде чем в этих колониях появились какие-либо выставки, представляющие научный интерес, за исключением крайне разрозненных и спорадических случаев.

Среди литературных единомышленников Харви было несколько знаменитых английских поэтов, например, Марлоу (1593), Спенсер (1598), Бомонт (1615), Шекспир (1615), Герберт (1633), Бен Джонсон (1633), Массинджер (1633). Лорд Бэкон умер через год или два после появления книги Харви, а барон Напьер, изобретатель логарифмов, скончался. Среди его современников в Италии, где он учился, были Тассо (1593) и Галилей (1642). Рубенс умер в 1640 году, Микель Анджело - в 1564-м, а Тициан - в 1576-м. Во Франции Кальвин, практический убийца Сервета, скончался в 1564 году, Беза - в 1605-м, Декарт - в 1650-м, Паскаль - в 1662-м и Гассенди - в 1655-м. Португалия произвела на свет лишь одного великого деятеля XVI века, а именно Камозанса, который умер в 1579 году. В Испании Лойола, аскетичный и фанатичный основатель иезуитов, присоединился к большинству в 1556 году; но Сервантес умер только в 1616 году, Лопе де Вега - в 1635-м, Веласкес - в 1660-м, а Кальдерон - в 1667-м.

В Германии некоторые великие личности исчезли совсем недавно. Парацельс умер в 1541 году, Коперник - в 1543-м, Лютер - в 1546-м, Ганс Гольбейн - в 1554-м, а Меланктон - в 1560-м. Меркатор, который ввел новый метод картографии, умер в 1594 году, Тихо Браге - в 1601-м, Кепплер - в 1630-м, Ван Дейк - в 1641-м, Гроций, великий ученый, - в 1645-м, Рембрандт - в 1668-м, а Спиноза - в 1677-м.

В философии во времена Гарвея преобладающей доктриной был скептицизм. Он был основан за сто лет до этого Монтенем и продолжен Шарроном, капелланом королевы Маргариты Наваррской, умершей в 1603 году, который объявил, что вся религия противостоит человеческому разуму, - замечательная позиция для капеллана. Против скептицизма времен Гарвея выступала мистическая, кабалистическая или сверхъестественная философия, особенно представленная Бёме, крестьянином-сапожником, необразованным, но удивительно одаренным. Он был философским коллегой великого мейстерзингера Ганса Сакса. Более поздними философами и мыслителями, но уже относящимися ко времени Гарвея, были Паскаль, великий янсенист, открывший изменения атмосферного давления на разных уровнях, и Малбранш, занимающий видное место в истории философии.

Декарт, умерший в 1650 году, считал, что шишковидная железа является местом обитания души. Он был первооткрывателем законов преломления света и дал объяснение радуге. Он достиг величайших успехов в математике, физике и философии и был одним из изобретателей современной алгебры. Одним из его главных противников был благородный еврей Спиноза, коллеги которого изгнали его из Синедриона под звуки трюмбона.

Итальянский доминиканец Кампанелла, умерший в 1639 году, считал, что основой знания является сверхъестественное откровение и его восприятие органами чувств. Несмотря на эти взгляды, он предстал перед инквизицией по обвинению в ереси и сотрудничестве с турками, был подвергнут пыткам на дыбе и заключен в тюрьму на тридцать лет.

Только что были упомянуты мистические или кабалистические представления времен Гарвея. Под ними мы можем распознать множество вырожденных продуктов и слияний

настоящих доктрин Парацельса. Доктрины росикрусианцев, а также Зороастра и Кабалы были возрождены и заставлены выполнять странную работу. Например, умерший в 1605 году сэр Кенелм Дигби, королевский камергер, выдавал себя среди англичан за так называемого росикрусианца. Именно он предложил знаменитый "*симпатический порошок*", который наносился на оружие, которым была нанесена рана, после чего *оружие* помазывалось и перевязывалось два-три раза в день, а сама рана тщательно перевязывалась и оставлялась в покое на неделю. Возможно, это было гораздо лучше, но это показывает, какие странные понятия преобладали в те дни.

Что означало идти вразрез с церковной политикой и теологическими догмами, видно не только из таких трагедий, которыми закончилась жизнь Бруно и многих других мучеников науки, но и из таких фактов, как эти; Например, когда в 1624 году, как раз когда Гарвей готовился опубликовать свою работу, некоторые молодые химики в Париже, видя пользу экспериментального метода, порвали с Аристотелем и канонами теологических рассуждений, теологический факультет обратился в Парижский парламент, который запретил все подобные исследования под страхом самых суровых наказаний.

Это было время, когда такие выставки, как следующая, были слишком частыми; Кваресимо из Лоди выпустил громоздкий труд под названием "Историческое, теологическое и моральное объяснение Святой Земли", в котором он посвятил много места вопросу о Мертвом море и соляном столбе, который, как предполагается, представлял жену Лота, разделив длинную главу на три части, посвященные методу и месту этого превращения и вопросу о существовании в то время ее соленых останков. Таким образом, с помощью своих особых способностей к рассуждениям он смог определить точное место, где произошла замена соли, и в итоге показал, что статуя *все еще существует*.

Лорд Бэкон был также старшим современником Гарвея: он родился в 1561 году, а умер в 1626-м, вскоре после появления великого труда Гарвея. Его заслуги перед аналитической наукой не нуждаются в описании, но стоит вспомнить, что Гарвей, как и многие другие, наверняка попал под его влияние и воспользовался его учениями в области логики и анализа.

Примерно в то время, когда Гарвей сообщил о своем открытии, Бэкон опубликовал свои взгляды на законы передачи и отражения звука. Великий человек, прозорливо оценивший значение таких недавних изобретений, как компас, порох и книгопечатание, он, тем не менее, был настолько узок в некоторых отношениях, что не придал большого значения открытиям Коперника. Однако он подготовил почву для одного в некоторых отношениях еще более великого, а именно Исаака Ньютона, который, однако, едва ли достиг роста человека, когда умер Гарвей.

Как много мы должны двум великим Бэконам в истории, невозможно описать в этом кратком резюме. Роджер Бэкон (1214-1292) был, по-видимому, первым великим мыслителем в подлинно научном направлении. Он был больше, чем просто химик, и, как говорит Уайт, более чем за три столетия до того, как Фрэнсис Бэкон *выступил за экспериментальный метод*, Роджер Бэкон *применял его на практике*, причем во многих направлениях. Он сделал больше, чем кто-либо другой в средние века, чтобы направить мысль по плодотворному пути, и только сейчас мы узнаем, насколько близко он подошел к некоторым из основных доктрин современной философии и химии. Самое важное, что его методы превосходили его результаты, и это в то время, когда "теологическая subtilность" была единственным залогом репутации ученого.

Араб Авиценна, возможно, первым изложил современную теорию геологии, объяснив изменения земной поверхности предположением о силе, производящей камни, но наличие окаменелостей в горных породах всегда было шипом в боку теологов. Леонардо да Винчи, этот разносторонний гений в науке и искусстве, еще до поколения Гарвея высказал верные предположения о происхождении окаменелостей, а во времена Гарвея Бернар Палисси, другой художник, яростно отстаивал их правильность. Тем не менее, даже после смерти Гарвея ни геология, ни палеонтология не приблизились к научной точности.

В 1603 году в Риме была основана *Академия деи Линчеи*, получившая свое название от печати с изображением лисы. Во Франции Академия наук была основана только в 1665 году, в Германии Общество естествоиспытателей и врачей - в 1652 году, а Британское королевское общество - в 1665 году.

Если говорить об общем интересе, то стоит сказать, что в архитектуре общий стиль Возрождения сменился более основательным барокко, а более формальный и ограниченный стиль церковной музыки уступил место музыкальной драме, то есть опере, хотя и в очень грубой форме. Первая газета появилась в Антверпене в 1605 году, первая немецкая газета была издана во Франкфурте в 1615 году, а лондонский еженедельник "Новости" впервые вышел в 1620 году. Табак, привезенный Рэли в 1560 году, вошел в широкое употребление, а кофе, чай и шоколад завоевали всеобщее признание. Когда кофе впервые появился в Англии, он продавался по цене около 28 долларов за фунт. Первая кофейня, по-видимому, была открыта в Константинополе в середине XVI века, а первая кофейня в Лондоне появилась лишь столетие спустя.

Парикмахеры все еще сохраняли свое превосходство, а содержатели бань едва ли утратили свое положение рядом с цирюльниками. Только когда Харви достиг зрелого возраста, в Германии цирюльников обязали сдавать экзамен, на котором они должны были подтвердить не только свои знания, но и законность своего рождения, а также то, что они учились три года и еще три года работали в качестве подмастерьев.

Анатомия изучалась довольно широко, иногда на человеческих телах. В 1617 году в Дрездене была открыта препаровальная комната, в которой хранились чучела медведей, в то время большая редкость, и другие диковинки. В 1623 году Рольфинк в Йене организовал публичное препарирование тел всех казненных преступников, при этом присутствовали делегаты из различных других учреждений. Стоит отметить, что во Франкфурте, например, за 65 лет было проведено всего семь вскрытий, и они всегда сопровождались праздником, который длился несколько дней. Вена не имела скелета в 1668 году, а Страсбург - до 1671 года. Однако интересно вспомнить, что анатомические пластины, подобные тем, что часто публикуются в наши дни и предназначены для послойного снятия, существовали и в этот период. С другой стороны, ботанические сады и химические лаборатории существовали в нескольких университетах - в Страсбурге, например, в 1619 году, в Оксфорде в 1622 году.

Фабрициус Хильданус, отец немецкой хирургии, или, как его иногда называют, Амбруаз Паре из Германии, также был современником Харви. Его настоящее имя было Фабри, и родился он в Хильдене, но он латинизировал свое имя в той форме, которая обычно принята в наши дни.

Другим известным хирургом того же периода был Скултетус.

Уильям Гилберт, 1540-1603, был талантливым врачом королевы Елизаветы и одним из первых начал изучать экспериментальный метод. С появлением его книги о магните в 1600 году

началась наука об электричестве и магнетизме. Он первым доказал, что земля сама по себе является большим магнитом, и провел различие между магнитными и электрическими реакциями. Позднее великий голландский анатом Рюйш подтвердил взгляды Гарвея другим способом, когда изобрел и применил на практике те прекрасные инъекции сосудов, которые сделали его столь знаменитым, и собрал огромную коллекцию образцов, которую Петр Великий купил для России, потратив около 75 000 долларов.

Современником Гарвея был также Сваммердам, один из самых разносторонних людей своего времени, известный как натуралист, савант, физиолог, лингвист и поэт. Именно в пятнадцатом веке астрономия стала приобретать невиданную доселе важность и точность. Во многом это произошло благодаря независимости мышления и исследованиям Коперника, который родился в Кремоне в 1477 году, изучал медицину в Кракау и астрономию в Вене. Он дожил до 70 лет и стал настоящим отцом гелиоцентрической теории, известной сегодня как система Коперника, которой он заменил предыдущую теорию Птолемея, изменив тем самым древнее представление о том, что Солнце обращается вокруг Земли. Коперник продемонстрировал фазы Луны, но его оппоненты утверждали, что если бы эта доктрина была верна, то Венера демонстрировала бы те же явления; на что он ответил, что это правда, хотя он не знал, что сказать на эти возражения, но что Бог благ и со временем даст на них ответ. Именно грубый телескоп Галилея в 1611 году, во времена молодости Гарвея, дал этот ответ и открыл фазы Венеры. Чтобы проиллюстрировать, как были восприняты взгляды Коперника, можно добавить, что Мартин Лютер сделал ему комплимент, заявив, что Коперник - глупец, который хочет поставить астрономию на голову.

Коперника сменил Галилей, который родился в 1554 году в Пизе, а умер в 1642 году. Его можно назвать создателем динамической астрономии и механики, а также одним из самых блестящих выразителей экспериментальных и индуктивных рассуждений. Он происходил из знатного рода и был, по сути, факелоносцем физики в эпоху Возрождения. Он отказался от спекуляций и заменил их привычкой к наблюдениям, собрав большой урожай удивительных фактов, любой из которых мог бы обессмертить его. Он не только установил движение Земли вокруг собственной оси и вокруг Солнца, что было показано еще Коперником, но и открыл вес атмосферы и впервые вычислил закон всемирного тяготения. Он и его преемники всегда руководствовались афоризмом, который и сегодня верен как никогда: "Опыт обманчив, а суждения трудны".

В 1615 году, когда он предстал перед Инквизицией, на сайте в Риме, и когда ее богословы рассмотрели заявления, извлеченные из его писем, они торжественно вынесли свое решение в таких словах: "Первое утверждение, что солнце является центром и не вращается вокруг земли, является глупым, абсурдным, ложным с точки зрения теологии и еретическим, поскольку прямо противоречит Священному Писанию. Второе утверждение, что земля не является центром, но вращается вокруг солнца, абсурдно, ложно в философии и, по крайней мере, с богословской точки зрения, противоречит истинной вере". И это говорит непогрешимая Церковь!

Галилея и Бруно некоторые авторы выставляют в неприглядном свете из-за их отречения или изменения позиции перед инквизицией. Бруно был величайшим философом и скептиком второй половины XVI века и изложил, хотя и несколько туманно, то, что сейчас известно как небулярная гипотеза. Он был убит инквизицией в 1600 году, а изложенные им взгляды, похоже, были похоронены вместе с ним и не появлялись вновь до тех пор, пока не завершилась его печальная судьба. Например, он отстаивал истинность доктрины Коперника, но лишь через десять лет после его мученической смерти Галилей доказал ее с помощью телескопа. То, что оба этих великих человека в какой-то мере поддались влиянию

инквизиции и отреклись от некоторых своих научных "ересей", во многом объясняется тем, что оба они были уже старыми, разбитыми здоровьем от перенесенных страданий, а также от разочарований, и что в этих обстоятельствах они были переданы в руки инквизиции, которая не знала пощады. Галилей хорошо помнил *auto da fê* на площади деи Фьоре в Риме, место мученической смерти Бруно, а также трагический конец многих других людей, осмелившихся проявить смелость в своих убеждениях. Давайте же не будем судить его строго, а будем благодарны даже за то, что огромная сила инквизиции не подавила и не смогла подавить истину.

Открытие Галилеем спутников Юпитера, колец Сатурна, опыты с маятником, создание телескопа, термометра и многие другие деяния запечатлели его как одну из величайших фигур в истории прогресса и науки. Интересно отметить, что этот современник Гарвея, как и он сам, придерживался индукции, полученной в результате экспериментальных исследований. Другим великим астрономическим светилом времен Гарвея был Кепплер, которого религиозный фанатизм гнал с места на место, пока он не закончил свою жизнь в 1630 году. Именно он сформулировал великий принцип, лежащий в основе движения планет, и дал миру свои так называемые "законы", которые так существенно продвинули науку астрономии. Именно он действительно открыл комету, получившую впоследствии имя Хейли, периодическое возвращение которой он впервые предсказал.

Таков был дух времени, в котором жил Харви, и таково было влияние, которое окружало его учителей до него и его самого в свою очередь. Это длинное предисловие к рассмотрению того, что совершил сам Харви, но оно не лишено интереса, поскольку о людях и их поступках следует судить в основном по их окружению. Теперь поговорим подробнее о самом Гарвее и о том, что было известно о кровообращении, когда он взялся за свои исследования.

Печень с незапамятных времен считалась главным фактором в производстве и движении крови. Древние предполагали, что здесь берут свое начало вены и что по ним кровь течет ко всем частям тела, возвращаясь к своему источнику волнообразным движением или чередованием волн. Предполагалось, что артерии содержат только жизненный дух, великим резервуаром которого является сердце, хотя Эрасистрат допускал, что в некоторых случаях кровь может попадать в артериальные каналы. Позже Гален показал, что артерии всегда содержат кровь, и он знал, что кровь вливается в правую часть сердца по большим венам, но считал, что лишь небольшая ее часть проходит из правого желудочка в легкие, большая же часть проходит через гипотетические поры в перегородке и таким образом попадает в левый желудочек. Это мнение, как и мнение Галена в других отношениях, оставалось неизменным до середины XVI века. Также было известно о существовании клапанов в венах и о том, что если перевязать артерию у живого животного, то кровь перестанет течь и пульсация прекратится ниже места перевязки, а если перевязать вену, то она сократится выше места перевязки и растянется ниже.

Три человека до времени Харви были очень близки к открытию секрета, который сделал его знаменитым; на самом деле они настолько продвинули уже известное, что в истории им должно быть отведено особое место. Одним из них был Колумб, который родился в Кремоне в 1490 году, а умер в 1559-м. Сначала он был учеником и проктором, а затем другом Везалия, великого анатома. Позже он стал его преемником в Падуанском университете и, к сожалению, получив свое положение, неблагодарно отвернулся от своего старого учителя. Однако для своего времени он был хорошим анатомом и особенно хорошим остеологом. Именно он впервые экспериментально продемонстрировал, что кровь проходит через легкие

в легочные вены и что последние соединяются с левым желудочком. Таким образом, он практически установил факт меньшего кровообращения. Однако он, как и Серветус, пострадал от распространенного представления о том, что духи и кровь смешиваются вместе. Из Падуи Колумб отправился в Пизу, а затем в Рим. Он писал с элегантностью и правильностью стиля и даже описал сосуды, пронизывающие костные клетки, косточки уха, мельчайшую анатомию зубов, желудочки гортани, а также те клапаны, которые препятствуют возвращению крови из легких в сердце. На самом деле, он едва упустил значение фактических обстоятельств дела, просто не сумев провести окончательный анализ и собрать воедино те факты, которые он уже продемонстрировал.

Цезальпинус, живший немного позже, еще ближе ошибся, приняв учение Колумба о движении крови через легкие. Он добавил, что конечные ветви артерий соединяются с ветвями вен, и учил, что кровь и жизненные духи, от которых древние никогда не могли отделиться, переходят из артерий в вены во время сна, о чем свидетельствует набухание вен и ослабление пульса в это время.

Чуть позже появился *Михаил Серветус*, который вошел в историю главным образом как богослов и жертва богословов, поскольку погиб мучеником от ревности Кальвина. В сущности, он был мудрым и широко образованным человеком, много сделавшим для науки. Одним из преступлений, приписываемых ему, было издание географии Птолемея, в котором Иудея была описана как бесплодная и негостеприимная земля, а не как "текущая молоком и медом". Это простое изложение географического факта стало мощным оружием оскорбления со стороны Кальвина, который ответил, что даже если бы Серветус только цитировал Птолемея, и, несмотря на наличие достаточных географических доказательств, это все равно "излишне уличает Моисея и сильно оскорбляет Святого Духа". Серветус осмелился отрицать прохождение крови через перегородку сердца и утверждал, что кровь, поступающая в правую часть, распределяется по легким и возвращается в левый желудочек. Однако он опубликовал свои взгляды в религиозном трактате "Ошибки, касающиеся Троицы" - крайне неудачное место для вброса такого важного факта, поскольку это дало его врагам еще больше возможностей для вентилизации и извержения своей селезенки. Если бы он смог отказаться от этого представления о жизненных духах, которое преобладало у всех его предшественников, он мог бы действительно сделать великое открытие, которое осталось за Гарвеем. Мне не удалось найти оригинальные документы по этому вопросу, но некоторые утверждают, что его описание циркуляции содержалось в другом религиозном труде, посвященном восстановлению христианства, который был напечатан в Нюрнберге в 1790 году.

Таково было фактическое состояние знаний о движении крови и функциях сердца, когда Гарвей опубликовал свой великий труд. Теперь стоит перейти к краткому рассказу о жизни и исследованиях самого Гарвея.

Уильям Гарвей родился в Фолкстоне первого апреля 1578 года. Он был старшим сыном преуспевающего торговца, воспитавшего большую семью и занимавшего самые высокие почетные посты в своем городе. Сын Уильям родился у его второй жены, от которой у него было семь сыновей и две дочери. Всем этим детям помогли занять доходные или почетные должности. Они стали купцами, политиками или добились известности каким-либо образом, но Уильям был единственным, кто изучал медицину. В 1588 году его отправили в королевскую школу в Кентербери, а в 1593 году он поступил в Кайус в Кембридже, где в 1597 году окончил факультет искусств. В следующем году он отправился в Падую, где тогда находилась одна из величайших медицинских школ того времени, и получил диплом врача в 1602 году, когда ему было двадцать четыре года. Вернувшись в Англию, он получил степень доктора медицины в

Кембридже, а вскоре после этого женился на дочери лондонского врача и занялся медицинской практикой в Лондоне.

В великом городе его врачебная практика, похоже, с самого начала была успешной, а его знания и способности обеспечили ему различные ценные назначения. В 1607 году он стал членом Коллегии врачей. Королевский колледж врачей был учрежден Генрихом VIII в 1518 году по ходатайству Чемберса, Линакра и Фердинанда Виктории, королевских врачей, и находился под покровительством кардинала Вулси. Первые собрания проходили в доме Линакра, который он завещал корпорации после своей смерти. До основания этого колледжа практикующие врачи получали лицензию епископа Лондона или декана собора Святого Павла.

Через несколько лет Харви был назначен чрезвычайным врачом короля Якова I, а еще позже, после публикации своего великого трактата и посвящения его королю, он стал ординарным врачом Карла I, которого он обслуживал во время гражданских войн.

Должно быть, около 1615 года Харви впервые начал излагать свои взгляды на циркуляцию крови, читая лекции в Колледже врачей, но только через тринадцать лет, то есть в 1628 году, его великий труд DE MOTU CORDIS был опубликован на латыни, как было принято среди ученых, и во Франкфорте-на-Майне, так как в то время это был большой центр книгоиздательской торговли.

Трактат был посвящен королю Карлу I в манере, которая нам покажется подневольной, но которая соответствовала обычаю, которому следовали почти все ученые того времени, желавшие привлечь не только внимание королевской власти, но и, в большинстве случаев, ее благосклонную помощь. Здесь стоит привести пару первых фраз из его посвящения:

"To the
Светлейшему и Непобедимому
ЦАРЮ,
Великобритании, Франции и Ирландии,
Королю: защитнику веры,
Светлейший Король,

"Сердце животных - основа их жизни, принцип целого, солнце их микрокосма, то, от чего зависит все движение, из чего исходит вся сила. Так и король - основа своего королевства, солнце своего мира, сердце содружества, откуда исходит вся сила, вся милость. То, что я здесь написал о движениях сердца, я тем более смело могу представить Вашему Величеству, согласно обычаю нынешнего века, потому что почти все человеческое делается по человеческим примерам, а многое в Короле - по образцу сердца".

За посвящением последовал Proemium, который сегодня вряд ли можно читать без эмоций. В ней он излагает тайну, которая окружала тему движения и функционирования сердца, а также сопутствующие ей трудности, рассказывая о своем раннем отчаянии в том, что он когда-либо сможет прояснить эту тему. Он даже сказал, что одно время находил этот вопрос настолько сложным, что был склонен согласиться с Фракасториусом, "что движения сердца и их цель могут быть постигнуты только Богом". Лишь позднее это отчаяние было развеяно предположением, когда, как он говорит: "Я начал думать, не может ли существовать движение по кругу", и тогда истина полностью осенила его.

О противодействии, вызванном появлением этой работы и ее почти поголовным неприятием, нам придется говорить позже. Однако, возможно, для тех, кто оспаривал открытия Гарвея, будет справедливо напомнить, что ни в то время, ни в течение многих лет после этого, вплоть до появления микроскопа, полная и реальная демонстрация фактического кругооборота была невозможна: обычное увеличительное стекло того времени было единственной используемой линзой. Мальпиги продемонстрировал кровь, циркулирующую в легких лягушки, через три или четыре года после смерти Гарвея, в 1657 году. Но Харви прожил достаточно долго, чтобы увидеть, как его взгляды получили всеобщее признание, и хотя сначала, в результате оппозиции, вызванной его публикацией, его практика сильно упала, позже он восстановил свое профессиональное положение и поднялся на самый высокий уровень, будучи избранным в 1654 году в президенты Коллегии врачей. Для этого учреждения он оказался большим благотворителем, сделав значительные дополнения к зданию после его разрушения во время Великого пожара 1666 года и его последующего восстановления. Он также оставил определенную сумму денег в качестве фонда для ежегодной оратории, которая должна была произноситься в память о тех, кто был великим благотворителем колледжа. Эта оратория до сих пор регулярно произносится в день святого Луки, то есть 18 октября, и обычно известна как Гарвеевская оратория. В этих орациях всегда в большей или меньшей степени упоминаются работы и влияние Харви.

Этот великий человек скончался 3 июня 1657 года, за десять месяцев до своего восьмидесятилетия, став блестящим исключением из списка людей, оказавших миру великую услугу и не проживших достаточно долго, чтобы увидеть, как ее оценили.

Когда читаешь слова самого Гарвея, удивляешься тому, что по прошествии стольких веков он не только обратил внимание на то, что было сказано Галеном, но, видимо, забыто его преемниками, а именно, что "артерии содержат кровь и ничего, кроме крови, и, следовательно, ни духов, ни воздуха, как можно легко понять из экспериментов и рассуждений", которые он приводит в другом месте. Кроме того, он показывает, как Гален продемонстрировал это, наложив две лигатуры на открытую артерию на некотором расстоянии друг от друга, а затем открыв сам сосуд, в котором не было обнаружено ничего, кроме крови. Он также обращает внимание на результат перевязки одного из крупных сосудов конечности, причем неизбежный результат был именно таким, каким мы знаем его сегодня, а процедура закончилась гангреной конечности.

Незадолго до публикации Харвея Фабрициус из Аквапенденте опубликовал работу о дыхании, в которой говорилось, что, поскольку пульсация сердца и артерий недостаточна для вентиляции и охлаждения крови, поэтому легкие были созданы для того, чтобы окружать сердце. Харви показал, что артериальный пульс и дыхание не могут служить одним и тем же целям, опровергая общепринятое мнение, что если артерии заполнены воздухом, то при сильном и полном пульсе в них проникает большее количество воздуха, поэтому, если погрузиться в ванну с водой или маслом при сильном и полном пульсе, он сразу же должен стать либо меньше, либо значительно медленнее, поскольку окружающая жидкость затрудняет или делает невозможным проникновение воздуха. Он также обратил внимание на несоответствия между этим взглядом и устройством внутриутробного кровообращения, а также на то, что морские животные, живущие в глубинах моря, ни при каких обстоятельствах не могли бы вбирать или выделять воздух движениями своих артерий и под бесконечной массой вод, поскольку "сказать, что они поглощают воздух, который присутствует в воде, и выделяют свои испарения в эту среду, значило бы произнести нечто очень похожее на плод; Кроме того, "при разделении дыхательного горла воздух входит и выходит через рану

двумя противоположными движениями, но при разделении артерии кровь вытекает одним непрерывным потоком, и воздух не проходит".

Обсуждая далее взгляды, которые он клеймит как настолько несочетаемые и взаимно подрывающие друг друга, что каждый из них справедливо попадает под подозрение, он вновь возвращается к высказываниям Галена, обращая внимание на то, что из одной разделенной артерии вся кровь тела может быть выведена в течение получаса или менее, и на неизбежные последствия такого акта; Кроме того, при вскрытии артерии кровь выбрасывается с силой и струей, а импульс соответствует импульсу сердца; при аневризме пульсация такая же, как и в других артериях; в подтверждение этого он обратился к недавним высказываниям Риолана, который впоследствии стал его заклятым врагом. Харви также обратил внимание на то, что хотя обычно между дыханием и частотой пульса существует, казалось бы, фиксированная связь, при определенных обстоятельствах она может сильно меняться, что свидетельствует о том, что дыхание и кровообращение - это два совершенно разных процесса. Харви также использовал результаты своих исследований в области сравнительной анатомии и физиологии, поскольку в самом начале своей работы он обратил внимание на тот факт, что у каждого животного, не имеющего легких, отсутствует правый желудочек.

В своей работе *Proemium* он задает некоторые очень важные вопросы, которые можно кратко изложить в этом месте. Он спрашивает: Во-первых, почему, поскольку строение обоих желудочков практически идентично, следует полагать, что они используются по-разному, и почему, если трехстворчатые клапаны расположены у входа в правый желудочек и являются препятствием для возвращения крови в нижнюю полую вену, и если такие же клапаны расположены в начале легочной артерии, препятствуя возврату крови в желудочек, то почему, когда подобные клапаны обнаруживаются в связи с другой стороной сердца, мы должны отрицать, что они находятся там с той же целью предотвращения "здесь оттока" и "там регургитации крови?"

Во-вторых, он спрашивает, почему, учитывая сходство этих структур, следует говорить, что в левом желудочке все устроено для выхода и регресса духов, а в правом желудочке - для крови?

В-третьих, он спрашивает, почему, отмечая сходство между ходами и сосудами, связанными с противоположными сторонами сердца, следует считать одну сторону предназначенной для частной цели, а именно для питания легких, а другую - для более общественной функции? Кроме того, спрашивает он, поскольку легкие находятся так близко и в постоянном движении, а сосуды, снабжающие их, таких размеров, для чего может быть нужен пульс правого желудочка, который он часто наблюдал в ходе своих экспериментов? Свою неспособность принять предложенные ранее объяснения он подытоживает фразой, которая даже в оригинале на латыни звучит довольно странно: "*Deus bone! Quomodo tricuspidēs impediunt aëris egressum, non sanguinis.*", т.е. "Боже правый! Как митральные клапаны должны препятствовать регургитации воздуха, а не крови?".

Затем он рассматривает взгляды тех, кто считал, что кровь сочится через перегородку сердца из правой стороны в левую через некие тайные поры, и отвечает им: "Клянусь Геркулесом, никаких таких пор продемонстрировать невозможно, да и не существует их на самом деле". И снова: "Кроме того, если бы кровь могла проникать в вещество перегородки или вытекать из желудочков, то зачем нужны были бы коронарные артерии и вены, ветви которых идут к самой перегородке, чтобы снабжать ее питанием?"

Далее в трактате Харви излагает мотивы, побудившие его к написанию книги, и рассказывает, как сильно расстроился его разум, поскольку он не знал, к какому выводу должен прийти сам и чему верить другим. Он говорит: "Меня не удивило, что Лаврентий написал, что движения сердца вызывают такое же недоумение, каким показались Аристотелю потоки и оттоки Эврипа". Он извиняется за преступление, которое, по мнению некоторых его друзей, заключалось в том, что он осмелился отойти от предписаний и мнений всех анатомов. Он признается, что решился на этот шаг тем охотнее, что Фабриций, который в специальном труде точно и квалифицированно обрисовал почти все части животных, оставил сердце совершенно нетронутым.

Переходя непосредственно к работе сердца, он показывает, что желудочки сокращаются не только в силу мускульной структуры их собственных стенок, но и что те волокна или ленты, названные Аристотелем "нервами", которые так заметны в желудочках крупных животных, когда они сокращаются одновременно, благодаря замечательному приспособлению, помогают стянуть все внутренние поверхности как бы шнурами, тем самым с силой изгоняя заряд содержащейся крови. Позже он говорит, что если вскрыть легочную артерию, то из нее, как и при проколе любой другой артерии, хлынет кровь, и что тот же результат следует за разделением сосуда, который у рыб ведет от сердца. Он приводит очень удачный пример, доказывающий, что пульсация артерий обусловлена импульсами левого желудочка, показывая, как при ударе в перчатку все ее пальцы одновременно сжимаются. Он цитирует Аристотеля, который не делал различия между венами и артериями, но говорил, что кровь всех животных протискивается в их сосудах и с помощью пульса отправляется повсюду одновременно, и все это зависит от сердца.

Именно в пятой главе трактата он, возможно впервые, дает точный опубликованный отчет о том, что происходит в течение одного полного цикла сердечной деятельности. Этот отрывок не нуждается в цитировании, но заслуживает того, чтобы его прочитал каждый, кто интересуется этой темой, как не кто другой? Одно предложение, однако, стоит процитировать или, по крайней мере, кратко изложить, а именно: "Но если божественный Гален допустит здесь, как и в других местах, что все артерии тела происходят из большой артерии, а та берет свое начало от сердца; что все сосуды естественным образом содержат и несут кровь; что три полулунных клапана, расположенные у отверстия аорты, препятствуют возвращению крови в сердце и что они находятся здесь для какой-то важной цели, - я не вижу, как он может отрицать, что большая артерия является тем самым сосудом, который несет кровь, когда она достигла своего высшего триумфа совершенства, от сердца для распределения по всем частям тела."

Шестая глава посвящена ходу крови из правого желудочка в левый, и здесь следует восхититься большим количеством экспериментальных демонстраций, проведенных Харви на всех классах животных, ведь он говорит даже о том, что происходит у мелких насекомых, чье кровообращение он изучил настолько, насколько смог с помощью простой линзы. Кроме того, он описывает внутриутробное кровообращение, практически ничего не опуская из того, чему учат сегодня, показывая, что у эмбрионов, пока легкие еще находятся в состоянии бездействия, оба желудочка сердца используются для передачи крови, как если бы они были одним. Завершая эту главу, он снова кратко излагает ход крови и обещает сначала показать, что это может быть так, а затем доказать, что это действительно так.

Седьмая глава посвящена тому, как кровь проходит через вещество легких из правого желудочка, затем в легочную вену и левый желудочек. Он упоминает о множестве сомневающихся как о представителях той расы людей, которые, когда хотят, соглашаются с полной готовностью, а когда не хотят - без всяких усилий; которые, когда их согласие нужно, боятся, а когда его нет, боятся его не давать. Чуть позже он говорит: "Поскольку есть такие, кто ничего не признает без авторитета, пусть они узнают, что истина, которую я отстаиваю, подтверждается словами самого Галена, а именно, что кровь не только может передаваться из легочной артерии в легочные вены и затем в левый желудочек сердца, но что это происходит благодаря непрерывной пульсации сердца и движениям легких при дыхании". Затем он показывает, как Гален объяснил назначение клапанов и необходимость их существования, а также универсальный взаимный анастомоз артерий и вен, и что сердце непрерывно получает и выбрасывает кровь из желудочков, для чего оно снабжено четырьмя наборами клапанов, двумя для выхода и двумя для входа, и их регулированием.

Затем Харви отметил хорошо известный клинический факт: чем чаще или сильнее пульсация, тем быстрее организм лишается крови при кровоизлиянии, и поэтому при обмороках и тому подобных состояниях, когда сердце бьется более вяло, кровоизлияния уменьшаются и останавливаются. Остальная часть книги практически посвящена дальнейшей демонстрации и подтверждению уже сделанных заявлений. Изучение этой работы Гарвея показывает, с каким уважением даже он и его современники относились к авторитету Галена. Кроме того, она показывает, насколько близко Гален подошел к истине относительно кровообращения. Если бы последний не принял слишком много представлений своих предшественников о природе души (Anima) и духа (Pneuma) человека, он мог бы сам опередить Гарвея на тысячу лет и таким провозглашением великой истины продвинуть вперед физиологию на такой же срок. Каким бы независимым и оригинальным ни проявил себя Гарвей, он, похоже, не смог отделаться от представления о парах и духовной природе крови, которое он унаследовал из трудов Галена и многих других. Тем не менее, он также упоминает эту кровь как алиментарную и питательную. Не стоит забывать, однако, что это было за несколько лет до открытия Пристли кислорода и что Харви, как и другие, не имел представления о действительном назначении легких, считая, что очищение и оживление крови - дело самого сердца.

Наряду с другими достоинствами книга Гарвея отличается четкой и логичной организацией: сначала автор избавляется от ошибок древности, затем описывает поведение сердца у живого животного, демонстрируя его автоматическую насосоподобную структуру, чередование сокращений и другие явления, о которых уже упоминалось, таким образом, нагромождая факты один на другой в манере, которая оказалась совершенно неотразимой. Единственное, что он упустил, - это конечную связь между венами и артериями, то есть капилляры, которые Мальпиги должен был обнаружить с помощью нового микроскопа, что он и сделал в 1657 году, показав движение кровяных телец в мелких сосудах и подтвердив реальность этой конечной связи, которая, как считалось, существует. Мальпиги открыл кровяные тельца в 1665 году, но только Левенгук из Делфта в 1690 году с помощью усовершенствованного инструмента продемонстрировал всем наблюдателям реальные движения циркулирующей крови в живом животном. Один историк сказал, что с ниспровержением Гарвеем старых учений о важности печени и духов в сердце "пали четыре основных гумора и качества", а Даремберг восклицает: "Как в один из дней творения, хаос исчез, и свет отделился от тьмы".

Теперь остается лишь вкратце рассмотреть, как было воспринято великое открытие Гарвея. Прочитаем слова одного из авторов: "Столько осторожности и осмотрительности в

поисках истины, столько скромности и твердости в ее демонстрации, столько ясности и метода в развитии своих идей, должны были склонить всех в пользу теории Гарвея; напротив, она вызвала всеобщее оцепенение в медицинском мире и породила большую оппозицию".

В течение четверти века, прошедшей после заявления Гарвея, вероятно, не было ни одного выдающегося анатома или физиолога, который не принял бы активного участия в разгоревшейся из-за него полемике; даже философ Декарт был одним из первых приверженцев учения о кровообращении, которое он подтвердил собственными экспериментами.

Через два года после появления книги Гарвея появилась атака, составленная за четырнадцать дней неким Примерозом, человеком шотландского происхождения, родившимся и получившим образование во Франции, но практикующим в Халле, в которой он заявил о невозможности превзойти древних или улучшить работу Риолана, который уже писал в оппозиции к Гарвею и был единственным, кому последний обещал дать ответ. Именно Риолан добился постановления Парижского факультета о запрете преподавания доктрины Гарвея. Этот же Риолан с такой же жесткостью и упорством боролся с другим великим открытием эпохи - циркуляцией лимфы.

Одним из самых первых и яростных противников теории Гарвея был Племпиус из Лувена, который, однако, уступил силе аргументов и в конце концов публично и добровольно перешел в ряды ее защитников в 1652 году, став одним из самых горячих сторонников Гарвея.

Поведение Гарвея во время споров всегда носило самый достойный характер; он редко ли решался что-либо ответить своим противникам, веря в конечный триумф истин, которые он провозгласил. Единственный заслуживающий внимания ответ был адресован Риолану, тогдашнему профессору Парижского факультета и одному из величайших анатомов своего века, чьему мнению всегда придавалось большое значение. Даже споря с ним, Харви всегда отзывался о нем с большим почтением, неоднократно называя его "принцем науки". Однако Риолан так и не был обращен в свою веру, хотя неизвестно, держался ли он за свою прежнюю позицию из упрямства, из чрезмерного уважения к древним или из зависти и ревности к своему современнику.

Еще одно необычное зрелище представил некто Парисунус, умерший в 1643 году, врач из Венеции, который, как и Гарвей, был учеником Фабриция Аквапенденского, которого Риолан заклеил как невежду в анатомии, но который вместе с другими заявил, что видел биение сердца, когда оно было совершенно бескровным, и что ни биения сердца, ни звуков не было слышно, как утверждал Гарвей.

Более поздние и детальные исследования структуры и функции сердца нас здесь не касаются. Мы постарались представить вам настроения, знания и образ мыслей людей времен Гарвея с максимально кратким описанием того, что они знали, или, скорее, того, как мало они знали, чтобы объяснить это позднее рабское следование авторитету нежеланием самостоятельно сына или разумно наблюдать природные явления, тем более экспериментировать с ними. Итак, я попытался изложить скорее краткую историю эпохального открытия, чем проследить его далеко идущие последствия.

На этом следует закончить рассказ о жизни и трудах Гарвея, который, возможно, показался вам утомительным и, тем не менее, очень кратким. Он дожил до того времени, когда его

взгляды получили всеобщее признание, и наслаждался собственным триумфом - удовольствием, которого не достигли многие великие изобретатели и первооткрыватели. Уроки огромной важности можно извлечь из более тщательного изучения этой великой исторической эпохи, но они должны быть предоставлены вашим собственным способностям к рассуждению, а не тому, что я могу добавить здесь. Я представляю ее вам как плодородный источник вдохновения и направление исследований, достойное восхищения и подражания. Немногие люди оказали миру большую услугу, проливая кровь, чем Гарвей, в своих невинных и удивительных исследованиях естественного движения. Возможно, о нем можно сказать, что он был первым человеком, показавшим, что "кровь расскажет". О том, что он заставил ее рассказать, мы уже вкратце рассказали вам.

Я не знаю, как лучше завершить этот рассказ, чем процитировать заключительные слова его знаменитой книги, и особенно повторить строки, которые он процитировал из какого-то латинского автора, которого я не смог идентифицировать. Его абзац и цитата выглядят следующим образом:

"Наконец, если от моих трудов будет какая-нибудь польза или выгода для этого отдела республики писем, то, возможно, будет признано, что я жил не праздно, и, как говорит старик в комедии:

"Ибо никогда еще никто не достигал

До такого совершенства, но время, и место,

И употребление дополнили его познания;

Или исправляли, или наставляли его",

Что он был невеждой во многом, что он

думал, что знает; или заставили его отвергнуть то.

То, что он когда-то считал высшей ценностью".

XIII

ИСТОРИЯ АНЕСТЕЗИИ И ВНЕДРЕНИЯ АНЕСТЕТИКОВ В ХИРУРГИЮ [10]

В ОЗНАМЕНОВАНИЕ ПОЛУВЕКОВОЙ ГОДОВЩИНЫ ВВЕДЕНИЯ ЭФИРА В КАЧЕСТВЕ АНЕСТЕЗИРУЮЩЕГО СРЕДСТВА

Пятьдесят лет назад - то есть 16 октября 1846 года - произошло событие, которое знаменует собой столь же отчетливый шаг в человеческом прогрессе, как и почти любой другой, который может назвать эрудированный историк. Я имею в виду первую демонстрацию возможности облегчения боли во время хирургических операций. Если бы это была дата страшной битвы, на суше или на море, с взаимным уничтожением тысяч человеческих существ, сама дата была бы отмечена в литературе и запечатлена в памяти каждого школьника, а имена великих военных убийц, командовавших противоборствующими армиями, были бы запечатлены на памятниках и страницах истории. Но это событие было всего лишь победой над болью и облегчением человеческих страданий, и никто из тех, кто

когда-либо служил своей расе, внося вклад в достижение любого из этих результатов, не был запомнен за пределами своего поколения или за пределами круга своего непосредственного влияния. Такова ирония судьбы. Мир воздвигает внушительные памятники или строит гробницы, подобные гробнице Наполеона, в память о тех, кто был величайшим губителем своей расы; и поэтому Сезар, Ганнибал, Чингисхан, Ричард Львиное Сердце, Густавус Ваза, Наполеон и сотни других великих военных убийц получили гораздо больше внимания из-за своих склонностей и способностей к уничтожению расы, чем если бы они когда-либо исполнили судьбу в любом другом качестве. Но такие люди, как сэр Спенсер Уэллс, добавивший свои 40 000 лет жизни к общей продолжительности человеческой жизни, или сэр Джозеф Листер, показавший нашей профессии, как победить этого заклятого врага прошлого времени, хирургический сепсис, или Мортон, который впервые публично продемонстрировал, как вызвать безопасное и временное состояние нечувствительности к боли, - люди, более достойные в наших глазах непреходящей славы и гораздо большие герои своего времени и всех времен, - однако практически неизвестные широкому миру, которому они служили столь безошибочным и превосходным образом.

Итак, это предисловие и повод для того, чтобы отметить полувековой юбилей этого действительно великого события. Поскольку мир не оказывает чести этим людям, мы должны тем более помнить об их заслугах и тем более настаивать на их публичном признании.

Из всех достижений англосаксонской расы я считаю верным, что двумя самыми великими и благотворными были открытие эфира и внедрение антисептических методов - одним из них мы обязаны американцу, другим - британцу.

Наступление глубокого сна и обычно сопутствующее ему избавление от боли - это темы, которые всегда в той или иной форме присутствовали в мифах и баснях, и на которые ссылались поэты всех времен, обычно с поэтическим пристрастием. Одна из самых популярных басен связывает знаменитый оракул Аполлона в Дельфах, откуда исходили таинственные изречения и нечленораздельные звуки, с конвульсиями, бредом и бесчувствием тех, кто к нему приближался. В какой степени эта традиция имеет под собой фактическую основу, объяснить невозможно, но она не является невероятной, если исходить из того, что мы знаем о гипнотическом воздействии.

С давних пор было известно, что многие различные растения и травы содержат наркотические, дурманные или одурманивающие вещества. Эти свойства приписывались, в частности, соку мака, смертоносного паслена, геенны, индийской конопли и мандрагоры, которая для нас теперь является настоящей мандрагорой, чей сок издавна известен как обладающий усыпляющим действием. Улисс и его спутники поддались влиянию *непенте*; а девятнадцать сотен лет назад, когда распятие было обычным наказанием для злоумышленников, было принято успокаивать их последние часы на кресте, выпивая уксус с желчью или миррой, которые обладали реальными или мнимыми наркотическими свойствами. Даже пророк Амос, за семьсот лет до нашей эры, говорил о подобной смеси как о "вине осужденных", поскольку, перечисляя беззакония Израиля, которыми они навлекли на себя гнев Всевышнего, он сказал: "И ложатся на одежды, положенные в залог у каждого жертвенника, и пьют вино осужденных в доме Бога своего" (гл. II, стих 8), подразумевая тем самым, несомненно, что эти люди в своем полностью деморализованном состоянии пили усыпляющий напиток, предназначенный для преступников. Геродот упоминает о привычке скифов, которые использовали пар, вырабатываемый из семян конопли, для получения опьянения путем вдыхания. Наркотические лосьоны также использовались для купания людей, которых собирались оперировать. Плиний, погибший при разрушении Геркуланума в 79 году н. э., свидетельствовал об усыпляющем действии препаратов из мандрагоры на

психику тех, кто ее пил. Он говорит: "Его пьют против змей и перед порезами и проколами, чтобы не почувствовать их". Он также описывает безразличие к боли, вызванное употреблением винного настоя из семян эруки, называемого у нас ракистой, преступниками, которым предстояло наказание. Диоскорид говорит о мандрагоре, что "некоторые отваривают корни в вине до третьей части, сохраняют полученный сок и дают один циат, чтобы вызвать бесчувствие у тех, кого собираются резать или прижигать". Один из его более поздних комментаторов также утверждает, что вино в , в котором были вымочены корни мандрагоры, "навевает сон и успокаивает боль, так что его дают тем, кого собираются резать, пилить или жечь в любых частях тела, чтобы они не чувствовали боли". Апулей, примерно на столетие позже Плиния, советовал использовать тот же препарат. Китайцы в начале века давали пациентам препараты из конопли, от которых они становились совершенно бесчувственными и подвергались различным операциям. Эта конопля - конопля индийская, из которой делают восточный *хашиш* и опьяняющий и делириозный *бханг*, о котором так много писали путешественники по Востоку. В Варваре, например, его всегда принимали, если это было возможно, преступники, приговоренные к увечьям или смерти.

По свидетельствам средневековых писателей, знание этих наркотических средств практически применялось во время последнего из крестовых походов, причем есть вероятность, что в качестве основного средства использовался тот самый гашиш. Гуго ди Лукка приводит полную формулу приготовления смеси, которой пропитывали губку, высушивали ее, а затем, когда нужно, смачивали в теплой воде и прикладывали к ноздрям, пока оперируемый не засыпал; после этого его будили парами уксуса.

Как ни странно, многочисленные способы достижения бесчувствия, более или менее известные в то время простому народу, а особенно преступникам и палачам, не нашли применения во время операций. Было ли это связано с неприятными последствиями, или по какой причине, мы не знаем. Лишь один или два автора-хирурга, кроме Ги де Шолиака (1498), упоминают в своих работах средства для облегчения боли, и то почти всегда в связи с их неприятными последствиями, опасностью вызвать удушье и т. п. Амброз Паре писал, что препараты мандрагоры раньше использовались для предотвращения боли. В 1579 году английский хирург Булейн утверждал, что можно ввести пациента в состояние наркоза во время операции литотомии, но говорил об этом как о "страшном сне". Некий Мейснер рассказывал о секретном средстве, примененном Вайсом в конце XVII века к Августу II, королю Польши, которое вызвало такую совершенную нечувствительность к боли, что ампутация королевской ноги была сделана без мучений, даже без королевского согласия. Совет, который монах дал Джульетте относительно дистиллированного спиртного, которое она должна была выпить и которое должно было повергнуть ее в холод и сонливость, хотя и является поэтическим обобщением, но представляет собой признание Шекспиром народного поверья. Миддлтон, трагический писатель времен Шекспира, в своей трагедии, известной под названием "Женщины остерегаются женщин", в следующих выражениях упоминает анестезию в хирургии:

"Я буду подражать жалости старых хирургов

К этой потерянной конечности, которые, прежде чем показать свое искусство, погружают человека в сон, а затем отрезают больную часть".

Конечно, из всех наркотиков, используемых образованными людьми , опиум с момента его открытия и введения в употребление был самым популярным и всеупотребительным. Хирурги прошлого века привыкли вводить большие дозы этого наркотика незадолго до операции, которая, если была серьезной, редко проводилась до тех пор, пока не проявлялся

эффект опиата. Тем не менее, учитывая множество неприятных последствий, его использование ограничивалось, насколько это было возможно, крайними случаями.

Барон Ларрей, заметив ослабляющее действие холода на раненых солдат, предложил использовать его для анестезии, а Арнотт из Лондона систематизировал эту практику, порекомендовав класть замораживающую смесь льда и соли непосредственно на разрезаемую часть. Другие хирурги привыкли вводить своих пациентов в состояние либо алкогольного опьянения, либо алкогольного ступора. Некоторые также практиковали длительное сдавливание части, с помощью которого конечность можно было, как мы говорим, "усыпить". Некоторые другие рекомендовали вызывать обморок чрезмерным кровопусканием. В 1776 году в Париж прибыл мошенник Месмер и начал посвящать людей в тайны того, что он называл *животным магнетизмом*, который вскоре был назван месмеризмом в его честь. Полностью деградировав и потеряв репутацию, он, тем не менее, научил людей некоторым новым истинам, которые многие из них усвоили к своему несчастью, в то время как в больницах Франции и Англии пациентам, введенным в месмерический транс, проводились тяжелые операции, причем без страданий с их стороны. То, что научное изучение месмерических явлений заняло внимание выдающихся людей в последние годы, и то, что гипноз теперь признан как средство, часто способное вызвать нечувствительность к боли, просто правда, поскольку эти факты были обращены на реальную пользу человеку скорее учеными, чем шарлатанами и шарлатанами.

В 1799 году сэр Хамфри Дейви, будучи в то время ассистентом в частной клинике доктора Беддоса, созданной для лечения болезней вдыханием газов и названной им Пневматическим институтом, начал экспериментировать с газом закисью азота и заметил его бодрящий и опьяняющий эффект, а также облегчение боли, которое он давал при головной и зубной боли. В результате его отчетов знания о его свойствах распространились по всему миру, и его стали использовать как для развлечений, так и в выставочных целях. Дейви даже писал об этом газе следующее:

Поскольку закись азота в своем обширном действии, по-видимому, способна уничтожать физическую боль, ее, вероятно, можно с пользой применять во время хирургических операций, при которых не происходит большого выделения крови.

Вполне вероятно, что Колтон и Уэллс, о которых мы вскоре упомянем, черпали поддержку, если не стимул, из этих заявлений Дейви. Тем не менее, Вельпо, возможно, величайший французский хирург своего времени, писал в 1839 году, что "избежать боли при хирургических операциях - это химера, на которую мы не имеем права рассчитывать в наше время".

Серный эфир, как химическое соединение, был известен с XIII века, так как о нем упоминал Раймон Люлли. Впервые о нем под именем эфира заговорил Годфри в "Трудах Лондонского королевского общества" в 1730 году, а Исаак Ньютон говорил о нем как об эфирном духе вина. В течение всего предыдущего столетия он был известен как наркотик, а упоминание о его вдыхании было сделано в 1795 году в памфлете, вероятно, Пирсона. Беддос в 1796 году заявил, что "он дает почти мгновенное облегчение, как от угнетения, так и от боли в груди, в случаях грудного катара". В 1815 году Нистен говорил о вдыхании эфира как об обычном способе смягчения боли при коликах, а в 1816 году он описал ингалятор для его использования. Уже в 1812 году эфир часто вдыхали ради эксперимента или развлечения, и так называемые "эфирные забавы" были распространены в разных частях страны. В частности, это касалось студентов Кембриджа и простых жителей Джорджии, расположенной неподалеку от дома Лонга. Вероятно, именно по этой причине, как только

были продемонстрированы истинные анестезирующие свойства препарата, появилось множество претендентов на честь открытия.

Вероятно, есть все основания полагать, что случайно или намеренно состояние большей или меньшей нечувствительности к боли было получено между 1820 и 1846 годами множеством разных людей, образованных и невежественных, но ни у кого не хватило оригинальности или смелости довести эти исследования до точки определения реальной полезности эфира. Это происходило отчасти от невежества, отчасти от страха, а отчасти из-за общепринятой невозможности добиться безопасной нечувствительности к боли. И хотя претенденты на почести в этом направлении выдвигали независимые претензии из разных источников, несомненно, приписывать Мортону введение этого вещества в качестве анестетика так же правильно, как приписывать Колумбу открытие Нового Света, несмотря на некоторые свидетельства того, что некоторые части американского континента были исследованы авантюристами мореплавателями еще до того, как Колумб увидел его.

Существительное "анестезия" и прилагательное "анестетик" были предложены доктором Оливером Уэнделлом Холмсом, который впервые предложил их использовать доктору Мортону в письме, которое сохранилось до наших дней. Он предлагает их со свойственной ему скромностью, советует доктору Мортону посоветоваться с другими, прежде чем принимать их, но, тем не менее, заявляет, что считает их подходящими для этой цели. Слово "анестезия", таким образом, почти ровесник самого заболевания, и оно тоже заслуживает того, чтобы отметить его по этому случаю.

Читая историю анестезии, написанную множеством разных авторов, каждый из которых, в основном, преследует какую-то конкретную цель или имеет какого-то друга, чьи претензии он хотел бы особенно отстоять, можно встретить не менее дюжины имен людей, которые, как предполагается, имели большее или меньшее отношение к этому знаменательному открытию. Но для всех практических целей можно сократить список претендентов на честь до четырех человек, о каждом из которых я предлагаю кратко рассказать. Этими людьми были Лонг, Уэллс, Джексон и Мортон. Из этих четверых двое были дантистами, а двое - практикующими врачами, к которым судьба, как это часто бывает, оказалась немилостива, поскольку трое из них, по крайней мере, умерли насильственной или мучительной смертью, а четвертый дожил до зрелых лет, преследуемый почти на каждом шагу теми, кто стремился опорочить его репутацию или нанести ущерб его судьбе.

Кроуфорд В. Лонг родился в Дэниелсвилле, штат Гавайи, в 1816 году. В 1839 году он окончил медицинский факультет Пенсильванского университета. В той части страны, где поселился Лонг, довольно часто на светских раутах устраивались так называемые "эфирные гуляния", когда различным людям вводили эфир до состояния ажиотажа, который в некоторых случаях был практически неконтролируемым. Друзья Лонга утверждают, что он часто замечал, что, когда эффект эфира доходил до такой степени, участники веселья не обращали внимания на мелкие травмы, и что эти факты, часто замечаемые, навели его на мысль об использовании эфира в хирургических операциях. Есть веские доказательства того, что Лонг впервые ввел эфир с этой целью 30 марта 1842 года, а 6 июня повторил это действие на том же пациенте; в июле он ампутировал палец на ноге мальчику-негру, но четвертая операция была проведена только в сентябре 1843 года. В 1844 году молодой человек по имени Уилхайд, который в 1839 году помог усыпить цветного мальчика во время забавы с эфиром, стал студентом доктора Лонга, которому Лонг рассказал о своем предыдущем опыте. Лонг никогда не слышал об эпизоде Уилхайда, но в 1845 году у него была лишь одна возможность испытать его, опять же на негритянском мальчике. Лонг жил на таком расстоянии от железнодорожного сообщения (130 миль), что имел мало преимуществ, как в плане практики, наблюдения или доступа к

литературе. Лонг не упоминал о своем применении эфира до 1849 года, когда он опубликовал "An Account of the First Use of Sulphuric Ether by Inhalation as anesthetic in Surgical Operations", заявив, что впервые прочитал об экспериментах Мортон в редакционной статье в "Medical Examiner" от декабря 1846 года, и еще раз позже; прочитав эти статьи, он решил подождать с публикацией своего собственного открытия, чтобы посмотреть, не заявит ли кто-нибудь другой об этом раньше. На статью Лонга не было обращено особого внимания, так как казалось, что он просто хотел заявить о себе. Приоритет Лонга в использовании эфира в качестве анестетика практически не вызывает сомнений, хотя очень сомнительно, что он использовал его, по крайней мере вначале, в полной мере. Тем не менее Лонг был изолированным наблюдателем, работавшим в полном одиночестве, не имевшим возможности и, очевидно, не имевшим особых амбиций, чтобы объявить о своем открытии, и не принимавшим никакого участия в событиях, благодаря которым ценность эфира стала известна всему миру. Самым сильным защитником Лонга был покойный доктор Мэрион Симс, который сделал сильную заявку на своего друга, но не смог успешно установить ничего больше, чем только что было сказано. Сын доктора Мортон, доктор У. Дж. Мортон из Нью-Йорка, пишет о претензиях своего отца: "Люди использовали пар для приведения в движение лодок до Фуллера, электричество для передачи сообщений до Морзе, вирус вакцины для предотвращения оспы до Дженнера, а эфир для уничтожения боли до Мортон".

Но эти люди, как правило, не получают признания за свои изобретения от широкой общественности, и, по его мнению, Лонг или другие участники конкурса не должны получать заслуг, причитающихся самому Мортону. На самом деле, Лонг пишет о своей собственной работе, что результат его второго эксперимента был таков, что заставил его сделать вывод, что эфир может быть применим только в тех случаях, когда его действие может быть поддержано постоянным использованием; другими словами, анестезирующее состояние было настолько кратковременным, что это было для него самым неудовлетворительным. Сэр Джеймс Пейджет подвел итог относительным притязаниям наших четырех соперников в статье под названием "Избавление от боли", опубликованной в "Девятнадцатом веке" за декабрь 1879 года. Он сказал:

"Пока Лонг ждал, а Уэллс отвернулся, Джексон размышлял, а те, с кем они разговаривали, не действовали и не думали, Мортон, практичный человек, принялся за работу и работал решительно. Он успешно вводил эфир при тяжелых хирургических операциях; он громко провозглашал свои деяния и заставлял человечество слушать его".

Гораций Уэллс родился в Хартфорде, штат Вашингтон, в 1815 году. В 1834 году он начал изучать стоматологию в Бостоне, а после окончания учебы стал практиковать в Харт форде, штат Калифорния. Он был человеком, обладающим немалой изобретательностью, и придумал множество новинок для своей работы. В декабре 1844 года он прослушал лекцию доктора Колтона, который взял в качестве предмета изучения газ закись азота, забавные эффекты которого он продемонстрировал своей аудитории на нескольких людях, посетивших платформу с этой целью. Среди них был и Уэллс. Кроме того, Уэллс заметил, что другой молодой человек, который ушибся, находясь под его воздействием, сказал потом, что ему совсем не было больно. Тогда Уэллс заявил одному из прохожих, что, по его мнению, если принять достаточное количество такого газа, то можно удалить зуб и не почувствовать этого. Он тут же позвонил своему знакомому дантисту, живущему по соседству, и договорился о том, что на следующее утро проверит на себе анестезирующее действие газа. Колтон ввел ему газ, а друг Риггс удалил зуб, и Уэллс, придя в себя, заверил обоих, что не испытал ни малейшей боли. Он сразу же начал конструировать аппарат для его изготовления. Доктор Марси из Хартфорда сообщил Уэллсу, что во время учебы в Амхерсте

он и другие часто вдыхали закись азота, а также пары эфира, чтобы развлечься, и предложил Уэллсу попробовать эфир. Однако после нескольких опытов оказалось, что его сложнее вводить, и Уэллс решил придерживаться только газа. Это было в 1844 году, через два года после непонятных экспериментов Лонга, о которых, конечно же, ничего не знали. В 1845 году Уэллс посетил Бостон с целью ознакомления со своим открытием, и среди прочих обратился к своему бывшему партнеру Мортону, пытаясь наладить использование газа. Однако вскоре он разочаровался и вернулся в Хартфорд, возобновив свою практику. Там он продолжал использовать газ около двух лет, но не смог добиться его внедрения в общую хирургию из-за предрассудков и невежества как стоматологов, так и врачей.

Утверждения Уэллса отстаивали многие его сограждане, и в Бушнелл-парке в Хартфорде стоит памятник, воздвигнутый городом и штатом, посвященный Горацию Уэллсу, "открывшему анестезию в ноябре 1844 года".

С. Т. Джексон родился в Плимуте, штат Массачусетс, в 1805 году. В 1829 году он окончил Гарвардскую медицинскую школу, после чего отправился за границу, где пробыл несколько лет, завел знакомства с самыми выдающимися людьми, проводил эксперименты в области общей науки, электричества и магнетизма и даже разработал телеграфный аппарат, аналогичный тому, который годом позже запатентовал Морзе. Вернувшись, в 1835 году он открыл в Бостоне лабораторию для обучения аналитической химии, первую в своем роде в стране. Он также приобрел репутацию геолога и минералога и получил официальные назначения из Мэна, Род-Айленда, Нью-Гэмпшира и других штатов. В 1845 году он обнаружил и открыл медные и железные рудники в районе озера Верхнее. В 1846 и 1847 годах он был сильно взволнован экспериментами Мортон с серным эфиром и утверждал, что именно он предложил Мортону использовать эфир, утверждая также, что сам избавился от острой боли, вдыхая пары эфира, и что именно размышления над явлениями, представленными в его собственном случае, подсказали ему возможность его использования для облегчения боли во время хирургических операций. Это привело к треугольному конфликту за приоритет открытия между Уэллсом, Джексоном и Мортон, каждый из которых претендовал на эту честь для себя. Вскоре здоровье Уэллса дало о себе знать. Он отправился за границу и получил признание Французского института и Парижской академии наук, которые, однако, не поддержали его притязания на роль первооткрывателя и не признали закись азота в качестве анестетика. Вернувшись, Уэллс обнаружил, что Мортон находится на волоске от гибели: общественность одобрила эфир как единственный надежный анестетик. Его разум стал неуравновешенным, и в приступе временной аберрации он покончил с собой в тюремной камере в Нью-Йорке в 1848 году.

Джексон стал самым яростным противником Мортон, и эти двое вступали в жесточайшие схватки и непристойные дискуссии. Несколько лет спустя Джексон, у которого, как уже отмечалось, были обширные знакомства за границей, посетил Европу и представил свои претензии на открытие эфира перед различными лицами и учеными организациями, и так хорошо поработал над Французским институтом, что был признан первооткрывателем современной анестезии. Специальный комитет Палаты представителей, которому в 1854 году Конгресс передал вопрос, сделал следующие выводы:

"Во-первых, доктор Горацій Уэллс не сделал никакого открытия анестезирующих свойств паров эфира, которое он сам считал бы достоверным и которое он счел бы нужным сообщить миру. Что его эксперименты были ограничены закисью азота, но не показали, что она является эффективным и надежным анестезирующим средством.....

"Во-вторых, доктор Чарльз Т. Джексон, как представляется, не сделал ни одного открытия в отношении эфира, которое не было бы опубликовано в Великобритании за несколько лет до этого.

"В-пятых, что вся деятельность доктора Джексона в этом вопросе, по-видимому, состоит исключительно в том, что он сделал определенные предложения, чтобы помочь доктору Мортону сделать открытие".

В 1873 году Джексон потерял рассудок и после семи лет заключения в приюте умер в 1880 году в возрасте 75 лет, удостоившись многих почестей от иностранных правителей и научных обществ.

Уильям Т. Г. Мортон родился в Чарльстоне, штат Массачусетс, в 1819 году. После неудачного опыта в бизнесе он был отправлен в Балтимор в 1840 году и начал изучать стоматологию. В 1841 году он поступил в стоматологический кабинет Горация Уэллса в качестве студента и ассистента, став партнером в 1842 году. В 1843 году партнерство было расторгнуто, а Уэллс, как уже говорилось, переехал в Хартфорд. Мортон, желая получить медицинское образование, в 1844 году поступил в контору Чарльза Т. Джексона и в том же году поступил в Гарвардскую медицинскую школу, но так и не окончил ее. Узнав от Уэллса об успешном использовании последним газа закиси азота, но не зная, как его сделать, он обратился за советом к доктору Джексону, который сообщил ему, что его приготовление сопряжено со значительными трудностями, и поинтересовался, для каких целей он его хочет получить. На ответ Мортон, что он хочет использовать его для того, чтобы сделать пациентов нечувствительными к боли, Джексон предложил использовать серный эфир, как Марси предложил это Уэллсу двумя годами ранее, сказав, что он произведет тот же эффект и не требует никаких аппаратов. Джексон также рассказал Мортону об эфирных забавах, распространенных в Кембридже среди студентов. Вечером того же дня, 30 сентября 1846 года, Мортон ввел эфир пациенту и без боли удалил ему зуб. На следующий день он посетил офис адвоката-патентоведа, чтобы получить патент на новое открытие. Этот юрист выяснил, что Джексон был тесно связан с его предложением, и пришел к выводу, что патент не может быть выдан ни одному из них независимо от другого. Но Джексон, будучи членом Медицинского общества штата, этическому кодексу которого противоречит патентование открытий, касающихся благополучия пациентов, и опасаясь осуждения со стороны коллег, сразу же согласился передать свое право Мортону, получив взамен 10-процентную комиссию со всего, что тот заработает на этом. Мортон, будучи дантистом, не испытывая в то время таких же мук совести, как дантисты сейчас при получении патента, - иными словами, не руководствуясь никакими тонкими этическими соображениями, - получил патент, а затем обратился к доктору Дж. Мейсону Уоррену, одному из хирургов Массачусетской больницы. Уоррен пообещал свое сотрудничество и назначил 16 октября 1846 года для первого публичного испытания. По этому случаю зал клиники был заполнен посетителями и студентами, когда Мортон поместил молодого человека под воздействие своего "летуна", как он его тогда называл, после чего Уоррен удалил опухоль с его шеи. Испытание прошло успешно. На следующий день состоялось еще одно, а 7 ноября были проведены ампутация и иссечение челюсти, причем оба пациента находились под воздействием летиона и не чувствовали боли. В это время природа анестезирующего вещества держалась в секрете: пары эфира были замаскированы ароматическими веществами, чтобы никто из присутствующих не узнал их.

Верные высшим традициям своего ремесла, сотрудники Массачусетского госпиталя собрались и отказались от дальнейшего использования препарата, состав которого держался в секрете. Именно тогда Мортон раскрыл его точную природу - серный эфир, замаскированный ароматическими маслами. В отчете, составленном комиссаром по патентам, говорилось следующее:

"В течение многих лет было известно, что пары серного эфира при свободном вдыхании опьяняют так же, как и алкоголь при приеме в желудок, но первый имеет гораздо более временный эффект. Но, несмотря на известные многим записи о его действии в такой степени, ни один хирург не пытался заменить им паллиативы, обычно используемые перед хирургическими операциями. Учитывая эти и другие соображения, был выдан патент на это открытие".

В 1846 году был получен английский патент.

Вскоре Мортон начал пытаться продать права на патент, как это делают современные стоматологи, в то время как медицинская профессия, как и прежде, враждовала с патентами, считая их разрушительными для общего блага. Его патент вскоре был опротестован, а затем и вовсе нарушен. Судебные тяжбы шли без конца, и правительство загнало себя в тупик, отказавшись признать действительность патента, выданного им самим. И вот, без какой-либо компенсации первооткрывателю, эфир вскоре вошел в обиход как в нашей стране, так и за рубежом. Получив множество поздравлений от друзей и гуманитариев, успех Мортон вызвал ревность некоторых его собратьев по профессии, среди которых был и доктор Флэгг, начавший страшный натиск на новое применение эфира и его пропагандиста. Благодаря его махинациям было созвано собрание бостонских дантистов и назначен комитет из двенадцати человек, который должен был выразить официальный протест против анестезии. Этот комитет опубликовал в газете Boston Daily Advertiser манифест, в котором новому анестетику приписывались всевозможные нежелательные последствия и неприятные результаты. Эта прокламация получила широкое распространение и нанесла Мортону, по тем временам, очень большой вред. Не менее упрямым был доктор Уэсткотт, связанный со стоматологическим колледжем в Балтиморе. Он высмеивал "сосущие бутылочки" Мортон, как называли его ингаляторы; в различных медицинских и светских журналах того времени были сделаны горькие, часто глупые и абсурдные нападки. Редакторы "Медицинского и хирургического журнала Нового Орлеана" заявили:

"То, что ведущие хирурги Бостона могут быть очарованы таким изобретением, как это, представленным миру под такой эгидой и с такими доказательствами полезности и безопасности, как у доктора Бигелоу, вызывает наше изумление. Ведь месмеризм, от которого отреклись ученые Бостона, творил в тысячу раз большие чудеса, причем без всяких опасностей, которые здесь угрожают. Что же мы увидим дальше?"

Эти и подобные заявления вызвали очень сильное предубеждение против Мортон, который в декабре 1846 года отправился в Вашингтон, к племяннику доктора Уоррена, чтобы попытаться убедить правительство в преимуществах применения эфира в армии во время Мексиканской войны, которая в то время шла полным ходом. Начальник Бюро медицины и хирургии сообщил, что этот препарат может быть полезен для использования в крупных госпиталях, но не считает целесообразным, чтобы департамент нес какие-либо расходы, вводя его в общую службу; в то время как исполняющий обязанности генерального хирурга полагал, что крайне летучий характер самого вещества делает его плохо приспособленным к грубому использованию, с которым оно неизбежно столкнется на поле боя, и, соответственно, отказался рекомендовать его использование.

В январе 1853 года Мортон продемонстрировал в лазарете в Вашингтоне перед комитетом Конгресса и другими лицами анестезирующее действие эфира, которое он продолжил во время опасной и длительной хирургической операции. Это было сделано в результате попытки сравнить действие закиси азота и эфира, причем сторонники первого не явились.

Остаток жизни Мортон, похоже, прошел в постоянных хлопотах. Правительство, отказавшись от своего патента, неоднократно обращалось к нему с меморандумами и через членов Конгресса с просьбой одарить Мортон каким-либо свидетельством или вернуть ему деньги за его открытие. Несколько раз он был близок к осуществлению своих надежд в этом отношении, когда действия некоторых из его врагов, или окончание сессии Конгресса, или какая-нибудь другая случайность вновь обрекали его на разочарование. Напечатанные страницы доказательств, различные отчеты, составленные через правительственных чиновников, меморандумы, адресованные различными лицами и обществами, - все это составило бы большой том; но все это было бесполезно. Мортон потратил все свои средства, как и силы и время, в тщетных попытках добиться денежного признания своего открытия, но был обречен на разочарование. Он казался жертвой как неудачного стечения обстоятельств, так и предательства и вражды со стороны своих оппонентов. Особенно жаркая борьба разгорелась между ним и его друзьями и Джексон. Неоднократно вынашивались планы по разрушению его бизнеса, и его жизнь становилась несчастной многими способами. Почетные степени и свидетельства, полученные им от различных учебных заведений и иностранных обществ, были лишь временным подспорьем для уязвленного тщеславия и ущемленного состояния. В 1850 году и Мортон, и Джексон получили от Французской академии премии стоимостью 2500 франков каждая. В конце концов Мортон впал в состояние нервной прострации, страдал от беспокойства и бессонницы, в приступе временной аберрации обнажился в Центральном парке Нью-Йорка, потерял сознание и был доставлен в больницу Святого Луки, где и скончался 15 июля 1868 года, как только добрался до учреждения. На кладбище Маунт-Оберн в Бостоне стоит прекрасный памятник Уильяму Т. Г. Мортону с такой надписью: "Изобретатель и открыватель анестезирующей ингаляции, до которого во все времена хирургия была мучением; благодаря которому боль в хирургии была предотвращена и отменена; с тех пор наука контролирует боль".

В 1867 году в Публичном саду Бостона был воздвигнут прекрасный памятник в честь первооткрывателя эфира, имя которого в то время не могли определить. На фронтальной части выбиты такие слова: "В память о том, что вдыхание эфира вызывает нечувствительность к боли, что впервые было доказано миру в Массачусетском госпитале в Бостоне в октябре 1846 года". На правой стороне надпись: "И боли больше не будет" - "Откровения". На левой: "Это также от Господа Воинств, который дивен в советах и превосходит в делах" - Исайя. А на другой: "В благодарность за облегчение человеческих страданий путем вдыхания эфира гражданин Бостона воздвиг этот памятник, 1867 год. Дар Томаса Ли".

Итак, если подвести итог претензиям наших четырех участников в свете собранной истории заслуг каждого из них, то окажется, что Уэллс впервые публично использовал газ закись азота в ограниченных целях, но не сумел ввести его в общее профессиональное употребление. Лонг в своей изолированной сельской практике несколько раз использовал эфир, который вызывал, вероятно, лишь частичную нечувствительность к боли, и, очевидно, прекратил его использование до того, как узнал об исследованиях Мортон. Джексон не утверждал, что сам использовал это средство, а просто предложил его Мортону. И, наконец, что Мортон быстро принял это предложение, тщательно и научно использовал его, но

особенно, и прежде всего, впервые *продемонстрировал* всему миру возможности и безопасность этого средства как абсолютного, надежного и эффективного анестетика. Поэтому, хотя Мортон позволил своей щедрости победить более тонкие этические соображения и придал серному эфиру больше материальной, чем гуманитарной ценности, ему, тем не менее, следует отдать должное за то, что он, выражаясь современным языком, "способствовал" его внедрению и показал всему миру, какое неоценимо ценное терапевтическое средство было добавлено к нашим ресурсам для борьбы с болью.

Синтетическое соединение, известное как хлороформ, было открыто независимо друг от друга тремя разными исследователями в период с 1830 по 1832 год. Это были соответственно Гатри из Сакеттс-Харбор, штат Нью-Йорк, Субейран из Франции и Либиг из Германии. Заслуга введения препарата в практику в качестве анестетика для хирургических целей принадлежит Джеймсу Й. Симпсону, работавшему в то время в Эдинбурге.

Однако в свое время претензии были выдвинуты в пользу хирурга-майора Фернелла из медицинского корпуса армии Мадраса, который летом, предшествовавшим объявлению о блестящем открытии Симпсона, экспериментировал с так называемым хлорным эфиром, который вовсе не является эфиром, а представляет собой раствор хлороформа в спирте. Говорят, что он обнаружил, что он дает те же результаты, что и серный эфир, но с менее неприятными ощущениями, и предложил его использовать Куту, известному лондонскому хирургу. Однако такие утверждения в пользу Фернелла имеют не больше прав на признание, чем утверждения Уэллса или Лонга в вопросе о введении эфира в обиход; поскольку, хотя отдельные наблюдения были благоприятны для этого соединения, оно никогда не становилось достоянием общественности на основании этого предположения.

Сэр Джеймс Ю. Симпсон родился в 1811 году, получил степень доктора медицины в 1832 году и быстро продвигался по служебной лестнице, пока в январе 1847 года не был назначен одним из врачей Ее Величества в Шотландии. Уже завоевав большую репутацию, особенно в акушерстве и гинекологии, он направил свое особое внимание на использование анестетиков при родах, и он быстро понял ценность серного эфира, который был введен в практику в предыдущем году. Однако он искал замену, равную по силе, с менее неприятным запахом и неприятным последствием. Поинтересовавшись у своего друга Уолди, магистра аптекарского дела в Ливерпуле, не знает ли он о веществе, которое может пригодиться в этом направлении, Уолди, знакомый с составом хлористого эфира, предложил его активный принцип хлороформ; с ним Симпсон экспериментировал и 4 ноября 1847 года установил его анестезирующие свойства. Об этом он впервые сообщил Медико-хирургическому обществу Эдинбурга в докладе, прочитанном 10 ноября. Через три дня в Королевском лазарете должно было состояться публичное испытание, но Симпсон, который должен был ввести хлороформ, был неизбежно задержан, и операция была проведена, как и прежде, без анестетика, а пациент умер во время операции. Вы можете легко понять, что если бы это произошло под хлороформом, это было бы приписано новому препарату, который тогда и там получил бы свой смертельный удар. Как бы то ни было, первое публичное испытание состоялось через два дня, и оно прошло успешно.

Можно было подумать, что такое благо, какое Симпсон предложил миру, было бы с благодарностью - не говоря уже о жадности - воспринято всеми. Позиция Симпсона была такова, что давала новому анестетику все преимущества, которые могла дать его и без того огромная репутация, и он сразу же стал средством, широко используемым в акушерской практике. Но шотландское духовенство его времени все еще обладало слишком большим количеством старого фанатичного духа церкви средних веков. При изучении истории медицины нельзя забывать, как яростно церковь до недавнего времени противостояла

любому прогрессу в нашей науке и искусстве. Так, например, в 995 году н. э. сын одного из венецианских дождей был женат в Венеции на сестре императора Восточной Римской империи. На брачном пиру принцесса преподнесла серебряную вилку и золотую ложку - столовые новинки, которые вызвали как забавные, так и гневные комментарии. Но венецианская аристократия подхватила эту новую столовую причуду, и вскоре вилки и ложки, заменяющие пальцы, вошли в моду. Однако могущественная церковь решительно не одобряла даже такое решение, поскольку священники доходили до того, что говорили: "Использовать вилки - значит сознательно оскорблять доброе Провидение, которое дало человеку пальцы на каждой руке". Именно этот же дух заставил шотландских священников самым яростным образом напасть на Симпсона и осудить его со своих кафедр как нарушителя нравственного закона, ибо они заявили: "Разве не сказано в Писании: "В печали рождайте детей?", а этот человек вводит вещество, призванное смягчить эту печаль". Сегодня мы с трудом можем представить себе, с какой яростью в течение многих месяцев велись эти нападки. Однако в конце концов эти фанатичные защитники веры были повержены цитатой из того же Писания, в котором, как они утверждали, находили свой авторитет; Симпсон, ловко орудуя против них их же оружием, обратил их внимание на первую главу Бытия, в которой рассказывается о сотворении Евы, и напомнил им, что, когда Ева была создана из ребра Адама, Господь "навел на него глубокий сон". Их доводы были настолько слабы, что после этой единственной цитаты их оппозиция утихла, и в течение недели или двух все шотландское духовенство замолчало. Сэр Джеймс Симпсон получил от своего собственного правительства то, что никогда не было оказано Мортону: должное признание великих заслуг, которые он оказал человечеству. Он умер в 1870 году, и на его бюсте, который стоит в Вестминстерском аббатстве, написаны следующие слова: "Чьему гению и благодеянию мир обязан благословениями, полученными от использования хлороформа для облегчения страданий".

Вряд ли стоит задерживать вас рассказом о других эфирных анестетиках, которые время от времени предлагались с тех памятных дней, которым я посвятил большую часть своего сегодняшнего вечера. В настоящее время рассматриваются только два - бихлорид метилена и бромид этила, и они используются лишь немногими, хотя каждый из них имеет свои преимущества. Хорошо известно, что почти все эфиры обладают в большей или меньшей степени анестезирующим свойством, сочетающимся со многими опасностями и недостатками. Серный эфир и хлороформ сегодня занимают позиции в сравнении с любыми и всеми своими конкурентами.

Газ закись азота, как уже упоминалось, был известен и использовался Уэллсом в Хартфорде. С появлением эфира этот газ сразу же перестал использоваться, но был возрожден примерно через пятнадцать лет после смерти Уэллса, в основном благодаря доктору Г. К. Колтону. С тех пор его использование стало довольно повсеместным, хотя и ограничивается в основном кабинетами стоматологов. Его огромными преимуществами являются простота введения и быстрота восстановления, что делает его особенно полезным для этих целей, в то время как трудности, связанные с длительной анестезией, делают его менее полезным для хирургов.

Я не буду больше тратить время ни на него, ни на эту тему, кроме как для того, чтобы отдать должное современной анестезии по совершенно другому методу и с помощью совершенно другого препарата, который сегодня настолько широко используется, что мы почти забываем упомянуть человека, которому мы обязаны его применением. Я имею в виду *кокаин* и его первооткрывателя Коллера.

Кокаин сегодня является настолько общепризнанным местным анестетиком, что есть все основания для того, чтобы упомянуть о нем здесь, тем более что это дает еще одну возможность оказать честь первооткрывателю, который оказал важнейшую услугу не только нашей профессии, но и всему миру в целом.

Этот главный активный компонент листьев какао был открыт Ниманом около 1860 года и назван им кокаином. Это алкалоид, который соединяется с различными кислотами, образуя соли. Он обладает свойством обезболивать сырые и слизистые поверхности, для чего был применен сначала в 1862 году Шроффом, а в 1868 году Морено. В 1880 году Ван Аурап намекнул, что это свойство может быть когда-нибудь использовано. Карл Коллер логично заключил из того, что было известно о нем, что это анестезирующее свойство может быть использовано для работы с глазом, и провел серию экспериментов на низших животных, в ходе которых он установил его эффективность и сделал блестящее открытие. О своих экспериментах он сообщил на конгрессе немецких окулистов в Гейдельберге в 1884 году. Новость об этом была передана с большой скоростью, и уже через несколько недель вещество использовалось во всем мире. Его применение быстро распространилось на другие отрасли хирургии, и кокаиновая местная анестезия быстро стала свершившимся фактом. Потребовалось больше времени, чтобы указать на его неприятные возможности, токсические свойства и тому подобное, но теперь он занимает гарантированное и самое важное место среди анестезирующих средств и оказался полезным, вероятно, для 10 процентов цивилизованного мира. Коллеру полностью принадлежит заслуга в установлении его замечательных свойств.

ССЫЛКИ:

[1] Президентская речь перед Обществом естественных наук Буффало.

[2] Впервые появилось в журнале Американской медицинской ассоциации, 27 апреля 1912 года.

[3] Президентское выступление в Обществе естественных наук Буффало.

[4] Выступление перед Медицинской ассоциацией штата Мэн, Портленд, 2 июня 1898 года.

[5] Выступление перед Обществом студентов естественных наук им. К. Миллс Общества студентов Пенсильванского университета, 19 февраля 1902 г.

[Перепечатано из медицинского бюллетеня Пенсильванского университета, март, 1902 г.].

[6] Речь по медицине, произнесенная 24 июня 1902 года на торжественном вручении дипломов Йельского университета.

[Перепечатано из Йельского медицинского журнала, июль, 1902 г.].

[7] Речь при вступлении в Армейскую медицинскую школу, Вашингтон, округ Колумбия, 29 мая 1909 г. - Из "Военного хирурга", июль, 1909 г.

[8] Я предоставляю защитникам веры примирить это отвращение с преследованиями еретиков и пытками инквизиции, разрешенными той же церковью".

[9] Речь, произнесенная на ежегодном выпускном экзамене медицинского факультета Чикагского университета (Медицинский колледж Раш) 13 июня 1906 года.

[10] Памятная речь, произнесенная на медицинском факультете Университета Буффало 16 октября 1896 года.

Примечания транскриптора

Очевидные типографские ошибки были беззвучно исправлены, но вариации орфографии, пунктуации, ударения и дефиса остались такими же, как в оригинале.

Глава IX, [страница 249](#)

Первоначально этот абзац гласил: "Это признание нашей профессии было получено гораздо более безоговорочно почти две тысячи лет назад, в то время, когда оно было гораздо менее заслуженным, когда Цицерон написал (*De Natura Deorum*) "*Homines ad inibus dando*." (Люди никогда не бывают более богоподобными, чем когда дарят здоровье человечеству)".

Пропущенная строка в латинской цитате была восстановлена.